

ISSN 2072-8530 (print)
ISSN 2310-7227 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ
И ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА
С ГОРОДСКИМ ПРОСТРАНСТВОМ
КАК ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ ГОРОДА
(СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ)

ФИЛОСОФЕМЫ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ
ФИЛОСОФИИ XIX–XX ВВ. КАК ЭЛЕМЕНТЫ
ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

ОПЕРАЦИОНАЛИЗМ В НАУКЕ: ИСТОКИ, ВОЗМОЖНОСТИ
И ПРЕДЕЛЫ (НА ПРИМЕРАХ ИЗ ИСТОРИИ
ФИЗИКИ И ХИМИИ)

2017/ № 3

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8530 (print)

2017 / № 3

ISSN 2310-7227 (online)

серия

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Научный журнал основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации в «Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по философским наукам (09.00.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into "the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philosophy Sciences (09.00.00).

ISSN 2072-8530 (print)

2017 / № 3

ISSN 2310-7227 (online)

series

PHILOSOPHY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Научный совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. — к. филол. н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. — к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. — к. ю. н., к. и. н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. — д. пед. н., академик РАО, член Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. — д. псих. н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. — д. ф. н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. — д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. — д. полит. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. — д. экон. н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. — д. пед. н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. — к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюцев Е.И. — д. ф.-м. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. — д. филол. н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. — д. пед. н., проф., член-корр. РАО

Редакционная коллегия серии «Философские науки»

Ответственный редактор серии:

Песоцкий В.А. — д. ф. н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора:

Загребин М.В. — к. ф. н., доц., МГОУ

Ответственный секретарь:

Глинский А.В. — к. ф. н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Беркут В.П. — д. ф. н., проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации

Бондарева Я.В. — д. ф. н., доц., МГОУ

Бузук Г.Л. — д. ф. н., проф., МГОУ

Виноградов А.И. — д. ф. н., доц., Мурманский арктический государственный университет

Губман Б.Л. — д. ф. н., проф., Тверской государственный университет

Демина Л.А. — д. ф. н., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина

Евстифеева Е.А. — д. ф. н., проф., Тверской государственный технический университет

Курабцев В.Л. — д. ф. н., доц., МГОУ

Макеев С.В. — д. ф. н., проф., Адыгейский государственный университет (г. Майкоп)

Семаева И.И. — д. ф. н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. — 2017. — № 3. — 112 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26302.

**Индекс серии «Философские науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40724**

© МГОУ, 2017.

© ИИУ МГОУ, 2017.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»:**

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 38

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University»:

Moscow Region State University

————— Issued 4 times a year —————

Series editorial board «Philosophy»

Editor-in-chief:

V.A. Pesotsky – Doctor of Philosophy, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

M.V. Zagrebin – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

A.V. Glinskii – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.P. Berkut – Doctor of Philosophy, Professor, Military Academy of strategic missile forces named after Peter the Great of the Ministry of defence of the Russian Federation

Ya.V. Bondareva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, MRSU

G.L. Buzuk – Doctor of Philosophy, Professor, MRSU

A.I. Vinogradov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Murmansk Arctic State University

B.L. Gubman – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State University

L.A. Demina – Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State Law University

E.A. Evstifeeva – Doctor of Philosophy, Professor, Tver State Technical University

V.L. Kurabtsev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, MRSU

S.V. Makeyev – Doctor of Philosophy, Professor, Adyghe State University (Maykop)

I.I. Semaeva – Doctor of Philosophy, Professor, MRSU

Science council «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Ph.D. in Philology, Professor, Rector of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph.D. in Philology, Head of Information and Publishing Department (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph.D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, Member of the Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of “Literaturnaya Gazeta”

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8530 (print)

ISSN 2310-7227 (online)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy. – 2017. – № 3. – 112 p.

The series «Philosophy» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26302.

**Index series «Philosophy» according to the union
catalog «Press of Russia» 40724**

© MRSU, 2017.

© Information & Editorial Office of MRSU, 2017.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index (RSCI), has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of Bulletin of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru).

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Мамедова Э.М.</i> ЛИЧНОСТНАЯ МАТРИЦА ЗАВИСТИ.....	6
<i>Гизатуллина Г.А.</i> ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИЯХ	14

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Ильченко Д.А.</i> ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАК ОТКРЫТОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	22
<i>Касаткина С.С.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА С ГОРОДСКИМ ПРОСТРАНСТВОМ КАК ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ ГОРОДА (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ)	31
<i>Комаров А.П.</i> СОЦИАЛЬНЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАЧЕСТВА КАК СОЦИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ.....	37
<i>Мешкова А.В.</i> К ВОПРОСУ О ВОЛЕ И ДЕЙСТВИИ. ЧАСТЬ 1. ВОПРОС О ВОЛЕ И ДЕЙСТВИИ В ЛИТЕРАТУРЕ.....	49

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Батурин В.К., Песоцкий В.А., Батурина И.В.</i> ФИЛОСОФЕМЫ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ XIX–XX ВВ. КАК ЭЛЕМЕНТЫ ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА.....	60
<i>Колесниченко Ю.В.</i> НЕЯВЛЕННАЯ СУБСТАНЦИОНАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФИИ Г.Г. ШПЕТА (ЧАСТЬ 1)	72
<i>Потапенко Т.В.</i> ИДЕЯ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ И.А. ИЛЬИНА	81
<i>Тимошин А.С.</i> «РУССКИЙ КОММУНИЗМ» КАК ПОИСК РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (К 100-ЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ).....	88

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

<i>Чечеткина И.И.</i> ОПЕРАЦИОНАЛИЗМ В НАУКЕ: ИСТОКИ, ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ (НА ПРИМЕРАХ ИЗ ИСТОРИИ ФИЗИКИ И ХИМИИ)	100
---	-----

CONTENTS

SECTION I. ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY

<i>E. Mamedova.</i> PERSONALITY MATRIX OF ENVY	6
<i>G. Gizatullina.</i> THE SECOND WORLD WAR FROM GEOPOLITICAL AND CIVILIZATION PERSPECTIVES.....	14

SECTION II. SOCIAL PHILOSOPHY

<i>D. Ilchenko.</i> FACTORS OF FORMING SOCIAL CONSCIOUSNESS AS AN OPEN SYSTEM IN CONTEMPORARY RUSSIA.....	22
<i>S. Kasatkina.</i> HUMAN, SOCIETY AND URBAN SPACE INTERCONNECTION AS A PRINCIPLE OF CITY'S CONSISTENCY (SOCIO-PHILOSOPHICAL CONTEXT)	31
<i>A. Komarov.</i> SOCIAL, POLITICAL AND CULTURAL BACKGROUND OF THE FORMATION OF COSSACKS AS A SOCIAL COMMUNITY	37
<i>A. Meshkova.</i> TO THE ISSUE OF WILL AND ACTION. PART 1. THE ISSUE OF WILL AND ACTION IN LITERATURE.....	49

SECTION III. THE HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>V. Baturin, V. Pesotskij, I. Baturina.</i> THE PHILOSOPHEMES OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY OF THE 19TH–20TH CENTURIES AS ELEMENTS OF CREATIVE PROCESS	60
<i>Yu. Kolesnichenko.</i> THE UNMANIFESTED SUBSTANTIALITY OF G. SPET'S PHILOSOPHY (PART 1).....	72
<i>T. Potapenko.</i> THE IDEA OF PATRIOTIC FOUNDATIONS OF PERSONALITY IN I.A. ILYIN'S PHILOSOPHY	81
<i>A. Timoshin.</i> "RUSSIAN COMMUNISM" AS A SEARCH FOR RUSSIAN IDENTITY (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN REVOLUTION).....	88

SECTION IV. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

<i>I. Chechetkina.</i> OPERATIONALISM IN SCIENCE: ORIGIN, CAPACITIES AND LIMITS (EXAMPLES FROM THE HISTORY OF PHYSICS AND CHEMISTRY).....	100
---	-----

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 159.942:316.47

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-6-13

ЛИЧНОСТНАЯ МАТРИЦА ЗАВИСТИ

Мамедова Э.М.

Тверской государственный технический университет

170026, г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22, Российская Федерация

Аннотация. Феномен зависти идентифицируется в своей социально-онтологической проекции и рассматривается как вызов современности. Особое внимание уделяется зависти как явлению самосознания личности. Обосновывается, что социальная распространенность зависти связана с основаниями и новыми возможностями реализации справедливости, с потерей доверительности в социальных и межличностных коммуникациях, а также с социальной оправданностью подозрительности. В качестве методологического инструмента изучения личностного феномена зависти автором использовались социально-философский анализ и дискурсивный подход. Автор приходит к выводу, что зависть остаётся знаком современной социальной жизни. Исследование этого феномена перспективно в контексте анализа таких проблем, как социальная справедливость, недоверие, подозрение.

Ключевые слова: зависть, социальная справедливость, недоверие, подозрение.

PERSONALITY MATRIX OF ENVY

E. Mamedova

Tver State Technical University

22, Nikitin emb., Tver, 170026, Russian Federation

Abstract. The article argues the socio-ontological aspect of envy considering it a challenge of modernity. Special attention is paid to envy as a phenomenon of personal self-consciousness. It is substantiated that the prevalence of envy is determined by new opportunities for rendering justice, loss of confidence in social and interpersonal interactions and socially justified suspicion. By analyzing the phenomenon of envy at both theoretical and practical levels the author comes to the conclusion that envy is a sign of modern social life. The study of envy can be promising in the context of the analysis of such problems as social justice, mistrust and suspicion.

Key words: envy, social justice, mistrust, suspicion.

Социальный контекст изучения феномена зависти сегодня остаётся весьма актуальным и проблематичным. На это указывают результаты последних международных исследований, согласно которым самым многочисленным поведенческим фенотипом являются завистники, на долю которых приходится до трети всех людей планеты [7]. Проведённое в международном масштабе валидное социологическое и психодиагностическое тестирование показало, что человек живёт с негативной установкой по отношению к другому и готов во имя этого пойти на неоправданные жертвы. Так, более 30% участников эксперимента нацелены игнорировать более крупный приз в игре и получить меньший приз, если это снижает шансы других участников на получение награды. Можно полагать, что зависть во многих аспектах управляет поведением и инициирует поступки человека. Укоренённая в бессознательных установках и иррациональном опыте зависть опровергает утверждения о том, что в человеческом поведении доминируют рефлексивность и рациональное мышление. Принимая во внимание то обстоятельство, что зависть как когнитивное состояние – просоциальное мышление, жизненная установка – «скрывается» в социальных отношениях и вызывает в основном разрушительный эффект в социальных взаимодействиях, её следует идентифицировать как социальный вызов современности. Различение социальных оснований и последствий зависти отчасти позволяет противостоять её массированному воздействию на социум. Зависть представляет собой личностный феномен. Личностная матрица (от лат. matrix –

первопричина) как конфигурация определенных качеств личности задаёт интенцию к зависти.

Зависть – открытый для интерпретаций и семантического наполнения многозначный концепт [2]. Лексическое значение слова «зависть» раскрывается как «чувство раздражения и недоброжелательства по отношению к превосходству и благополучию другого» [4]. Она характеризуется доминированием негативных коннотаций при взаимосвязи двух субъектов. В генеалогии зависти различаются такие несущие негативные значение и смысл признаки, как разрушительность, деструктивность, агрессивность. Помимо этого, зависть сопровождается такими психофизиологическими состояниями, как раздражительность, печаль, подавленность, ненависть, терзания, депрессия, апатия, а также личностно-нравственными качествами – недоброжелательностью, злорадством, нетерпимостью (интолерантностью), жадностью. В онтологической проекции зависть рассматривается как целостное явление в контексте целостной структуры субъективной реальности человека, содержание и формы которой подвержены всем социокультурным трансформациям современности. Она ассоциирована с чувственно-эмоциональным уровнем, с актами мышления (рефлексии) и воли, с бессознательными установками. Так, в локусе такого защитного механизма психики, как самообман, практически никто никогда открыто «не удостоверяет» свою зависть, не признается в её наличии, несмотря на то, что человек распознаёт и даже рефлексировывает причины, которые сопровождают его завистливую зависимость. Среди

них – дистанцирование от решения социальных проблем, «усечённая» пирамида личностных ценностей, самопроблематичность на фоне эгоцентризма, «паралич» волевых интенций, низкая самооценка, инициируемая потерей самоуважения. Самообман оправдывает собственную несостоятельность и банкротство, позволяя в какой-то мере прояснить предназначение зависти. Так, в социальных коммуникациях манифестация зависти всегда находилась под запретом. В социальном общении зависть связана с тайной и предстаёт как то, что надлежит скрывать. Поэтому зависть подрывает коммуникативную функцию социального взаимодействия.

Зависть основана на механизме идентификации. Согласно З. Фрейду, в процессе идентификации происходит формирование собственного «Я» на основе подобию Другому, взятому за «образец» [8, с. 86]. Психолог А.А. Налчаджян предложил гипотезу о том, что идентификация представляет не только исторический, но и актуальный психический механизм любого морального выбора и действия. Рефлексия своих моральных решений и поступков влечёт процессы подсознательной идентификации (в частности, генерирование образа значимой личности, социальной «модели»), а также необходимость адаптивных и приспособительных действий. В социальном поведении зависть сопровождается подражательством и конформизмом: «один и тот же человек может полноценно идентифицировать себя лишь с одним человеком, специфическую роль которого он принимает. Но на уровне ценностей он может идентифицироваться уже с несколькими лица-

ми, ценностные ориентации которых совместимы или дополняют друг друга. Поэтому негативизм по отношению к одной личности, ценности и роли которой индивид сознательно или подсознательно отвергает, может сочетаться с полной идентификацией с другой личностью, с полным конформизмом и подражательностью» [3, с. 448].

Завидуют тем, на кого хотят быть похожим. Зависть как чрезмерное подражательство приводит к депривации «Я», к элиминированию себя, своей самости, к разрушению механизма идентификации. Нарушение идентификационных процессов усиливается современным обществом потребления, которое поддерживает и провоцирует зависть. В нём дух конкуренции, соревновательности, сравнительности пронизывает социальные реалии и навязывает недостижимые для масс идеалы. Переориентация на другого (его успех, достижения, статус) инициирует «факт» подражательства, когда самоутверждение происходит не за счёт себя и не во имя себя. Результатом подражательства становятся чувства перманентной неудовлетворенности, уныния, печали и зависти.

Зависть – явление личностного уровня, поэтому в своих особенностях транслирует все характеристики личностного бытия. Сущностными признаками личности являются свобода (свобода выбора, свобода воли) и ответственность. В развитии личности дефицит таких личностных качеств, как свобода, автономия (самодетерминация, самополагание, самореализация, самость), влечёт общее экзистенциальное и психологическое состояние «недожелательности», неудовлетворённости всем (включая

само-неудовлетворенность), что, в свою очередь, не позволяет получать подлинного удовлетворения или наслаждения. Зависть – это интроверсия желания. Это признание в собственной несостоятельности в достижении какого-либо «объекта», «приговор» в неосуществимости желания обладать каким-либо «объектом», который есть у другого. Из философского дискурса по проблеме зависти и желания вытекает, что на личностном уровне желание отражает, как и зависть, недосамость «Я». Самость – это всегда выбор, акт свободы воли, свободное самоутверждение. Именно через поток желаний осуществляется самовыбор «Я» из наличных возможностей. В пространстве желаний происходит самопроектирование человека и личности. Саморазвитие, самотворение, созидание себя видится в новых «интенциях» желаний как обнаруженных возможностях самореализации. Самодеструкция личности, наоборот, состоит в ложности, неподлинности, «суженности», атрофии желаний. Желания, таким образом, предстают объективными фактами самопроблематичности человека. Через желания объективируется такая экзистенция человека, как состояние отчужденности, которое опосредованным образом указывает на зависть. Философская рефлексия идентифицирует желание как личностное качество в проекции «дефицитарности самости», как ориентир самополагания и самореализации. Желание инициирует изменение и трансформацию личности. Дефицит желания свидетельствует о недостаточности самости человека, его «Я», личностной автономии. Зависть в большинстве случаев влечёт «тёмные»,

деструктивные желания, и в этом случае «содержание» желания имеет негативную окраску, враждебность, злонамеренность, разрушительность и др. Можно утверждать, что различие желания и зависти состоит в том, что желание предстаёт как недостаточность «Я» по отношению к себе и к Другому, а зависть «идёт дальше». Будучи недостаточностью «Я» по отношению к себе, она как бы переадресует свою дефицитность по отношению к Другому. Это справедливо, когда зависть приравнивают к утрате чувства собственного достоинства. Таким образом, зависть как феномен личностного бытия порождается недосамостью, дефицитарностью субъектности, самоинаковостью, интроверсированностью желаний, автодеструктивностью.

Современное общество потребления, как было сказано выше, фундировано в принцип сравнения. Это обстоятельство предстаёт как социальная «провокация» и подталкивает человека «быть завистником». Нельзя опровергнуть понимание справедливости как принципа социальной жизни, который поддерживает существующий порядок. Справедливость идентифицируется как «сущее и должное», как реалия социальных отношений и как абстрактная нравственная идея в призме распределения соответствующих наград и наказаний. Представления о социальной справедливости / несправедливости и их оценка в массовом сознании влияют на развитие социальных отношений [1].

Эссенциально зависть является реакцией на неравенство, на желание справедливости только по отношению к себе. Социальное неравенство, наличествующее в обществе, провоцирует и поддерживает зависть и рессентимент-

ное сознание [9]. Справедливость как регулятивная идея, относящаяся к сфере должного, императивного, укоренена природным и социальным бытием, природным неравенством, различными социальными точками отсчёта, неравенством возможностей и в силу этого проблематична и далека от своего разрешения (тем более в глобализирующемся обществе потребления). Новое ранжирование идеи социальной справедливости в контексте феномена зависти связывается с «борьбой за признание» и «уровнем» притязательности на значимость. Однако диалектика равенства и свободы в контексте справедливости должна оставаться в пределах реальных способностей и возможностей каждого человека.

В социальных реалиях бесперспективность зависти состоит в том, что она не даёт возможности выстроить доверительные отношения с Другим. Как подтверждается социальной практикой, доверие присуще социальному бытию, оно универсализирует социальные взаимодействия и взаимоотношения. Доверительное отношение к Другому несёт в себе объединительную социальную интенцию, имплицитно позитивному, открытому к нему отношению, предполагает прогнозную оценку его намерений и логики действий. Зависть препятствует выполнению доверием функции социальной саморегуляции и управления, синергии социального бытия. Зависть провоцируется недоверием к себе, что переживается как недовольство собой (своей физической, социальной личностью), как чувство бессилия изменить свою экзистенцию. Недоверие к себе порождает недоверие к Другому. Недоверие к Другому искажает его образ, персо-

нальное и социальное представление о нём. Недоверие как установка и императив личности порождает социальное отчуждение. Отсутствие доверия к себе, миру, социуму, Иному – симптом дезадаптации, конфликтности.

Социальной предпосылкой зависти является подозрение. Подозрение – это веровательная установка, коренящаяся в представлении о возможном обмане и манипулировании. Обман – это намеренное искажение информации, выдаваемое за правду, это маскировка личностной идентичности и подлинности. Коннотациями обмана в социальных взаимоотношениях и межличностном общении являются ложь, мошенничество, блеф, хитрость, ханжество, лицемерие, фальшь. Восхождение к обману и самообману – характерные черты современной социальности, поскольку в нашу эпоху «вовлечённости» человек утратил самотождественность, аутентичность, самостность, автономию, подлинность. Обманное поведение убивает доверие. Социальная опасность манипулирования, провоцирующая подозрительность, заключается в том, что манипулятор, по сути, недоверяющий себе и другим, безответственный и нередко циничный человек, пытается контролировать и управлять другими.

Подозрение коррелирует с недоверием, сменяя в социальной жизни эпоху «доверия» на эпоху «недоверия». Такие вызовы современности, как массовый потребительский импульс, тотальный поиск безопасности, всеобщий обман и новые виды самообмана (например, во взаимоотношениях личного и социального, публичного и приватного, взаимосвязи зависти и счастья и т. п.), порождают подозрение.

Яркой иллюстрацией феномена подозрения предстают массовые игры с собственной идентичностью. В условиях «безобременённости» вхождения в социальный мир и доступности современных технологий они позволяют конструировать свою множественную идентичность, своё прошлое, настоящее и проектировать будущее. Как справедливо полагает В.И. Пржиленский, «идентичность, прежде считавшаяся чем-то вроде природного свойства, оказалась переменной величиной и предметом выбора или даже конструирования. Но при этом мало кто вспоминает о том, что философы были первыми, кто ощутил бремя этнической, социальной, религиозной и иной идентичности. Именно они впервые захотели “отпасть от колеса рождений”, прожить жизнь так, чтобы ни в своих мыслях, ни в своих действиях не быть зависимыми от всего случайно-го и “привходящего” [6, с. 8]. Множе-

ственная идентичность – свидетельство разделенности, расчлененности, нецелостности, фрагментарности «Я». Множественная идентичность – это негативная идентичность, понимаемая как отсутствие диалога с собой и с Другим. Появление такой идентичности – результат распада механизма идентичности. Распад идентичности – признак неадекватного и нецелостного, раздробленного восприятия самого себя. Заметим, что множественная идентичность человека, которая характерна для массового сознания современности, является маркером нарастающей силы зависти [5].

Таким образом, можно констатировать, что зависть остаётся знаком современной социальной жизни. Исследование этого феномена перспективно в контексте анализа таких проблем, как социальная справедливость, недоверие, подозрение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Канарш Г.Ю. Справедливость и демократия. Российский контекст // Философские науки. 2015. № 12. С. 40–56.
2. Мамедова Э.М. Социально-философский дискурс зависти // Вызовы современности: социальное знание и ценностные императивы: коллективная монография / под ред. Э.Ю. Майковой. Тверь: Тверской государственный технический университет, 2016. С. 53–85.
3. Налчаджян А.А. Психологические защитные механизмы // Самосознание и защитные механизмы личности: хрестоматия / под ред. Д.Я. Райгородского. Самара: Бахрах-М, 2000.
4. Популярный словарь русского языка. Толково-энциклопедический / под ред. А.П. Гуськовой, Б.В. Сотина [Электронный ресурс]. URL: <http://popular.academic.ru/1308/%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 24.07.2017).
5. Пржиленский В.И. Идентичность: обретать, выбирать или конструировать? // Философские науки. 2009. № 10. С. 32–44.
6. Пржиленский В.И. Концептуальные и социальные предпосылки философии подозрения // Философские науки. 2013. № 6. С. 8–22.
7. Poncela-Casasnovas J., et al. Humans display a reduced set of consistent behavioral phenotypes in dyadic games [Электронный ресурс] // Science Advances. 2016. Vol. 2. № 8. Available at: <http://advances.sciencemag.org/content/2/8/e1600451/tab-pdf> (accessed 12.02.2017).

8. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я» / пер. с нем. Я.М. Когана; под ред. И.Д. Ермакова. СПб.: Азбука, 2012. 190 с.
9. Чугунова И.О. Концепт ressentimenta как инструмент философско-антропологического познания // Философская мысль. 2016. № 2. С. 135–170.

REFERENCES

1. Kanarsh G.Yu. [Justice and Democracy. The Russian Context]. In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2015, no. 12, pp. 40–56.
2. Mamedova E.M. [Socio-Philosophical Discourse of Envy]. In: *Vyzovy sovremennosti: sotsial'noe znanie i tsennostnye imperativy* [The Challenges of Modernity: Social Knowledge and Value Imperatives]. Tver', Tver State Technical University Publ., 2016, pp. 53–85.
3. Nalchadzhyan A.A. [Psychological Defense Mechanisms]. In: *Samosoznanie i zashchitnye mekhanizmy lichnosti* [Self-Awareness and Protective Personal Mechanisms]. Samara, Bakhrakh-M Publ., 2000.
4. Guskova A.P., Sotin B.B., ed. *Populyarnyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-entsiklopedicheskii* [A Popular Dictionary of the Russian Language. Glossary and Encyclopedia]. Available at: <http://popular.academic.ru/1308/%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%81%D1%82%D1%8C> (accessed: 24.07.2017).
5. Przhilenskii V.I. [Identity: to Gain, to Select or to Design?] In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2009, no. 10, pp. 32–44.
6. Przhilenskii V.I. [The Conceptual and Social Preconditions of the Philosophy of Suspicion]. In: *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], 2013, no. 6, pp. 8–22.
7. Poncela-Casasnovas J., et al. Humans Display a Reduced Set of Consistent Behavioral Phenotypes in Dyadic Games. In: *Science Advances*. 2016, vol. 2, no. 8. Available at: <http://advances.sciencemag.org/content/2/8/e1600451/tab-pdf> (accessed: 12.02.2017).
8. Freud S. *Psikhologiya mass i analiz chelovecheskogo «YA»* [Group Psychology and the Analysis of I-Conception]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2012. 190 p.
9. Chugunova I.O. [The Concept of Ressentiment as a Tool of Philosophical Anthropological Knowledge]. In: *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought], 2016, no. 2, pp. 135–170.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мамедова Эльмира Мамедовна – аспирант кафедры психологии и философии Тверского государственного технического университета;
e-mail: ehmmamedova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Elmira M. Mamedova – postgraduate student at the Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University;
e-mail: ehmmamedova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мамедова Э.М. Личностная матрица зависти // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 3. С. 6–13.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-6-13

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Mamedova E.M. Personality Matrix of Envy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 3, pp. 6-13.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-6-13

УДК 378.14

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-14-21

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ИЗМЕРЕНИЯХ

Гизатуллина Г.А.*Таразский государственный педагогический институт
080000, г. Тараз, ул. Толеби, д. 62, Республика Казахстан*

Аннотация. В статье рассматривается непреходящее значение победы советского народа во Второй мировой войне в свете развернувшейся против современной России информационной войны. Характерной чертой современного информационного противоборства является фальсификация истории: победители объявляются побежденными, преступники - героями, зло - добром. В статье дана оценка геополитического и цивилизационного значения великой Победы, а также предпринята попытка объективного анализа противоречивой деятельности И.В. Сталина. Последний рассмотрен автором как дальновидный международный политик и руководитель советского государства, проводивший жесткую политику по отношению к согражданам.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, геополитика, евразийская цивилизация, унификация, коллективизация, пакт Молотова–Риббентропа, синергетика, этническая толерантность.

THE SECOND WORLD WAR FROM GEOPOLITICAL AND CIVILIZATION PERSPECTIVES

G. Gizatullina*Taraz State Pedagogical Institute
62, Tolebi st., Taraz, 080000, the Republic of Kazakhstan*

Abstract. The article underlines the geopolitical and civilization value of the victory of the Soviet people World War II thus opposing to new tendencies of the information war in course of which the winners become the defended, enemies become heroes, and evil turns into good. From ambivalent positions the author also considers the personality of Stalin, the generalissimos of the Soviet Union. As a geopolitician Stalin was strategically sagacious. Being a hard dictator to his own people, he was also strict to himself and his close relatives. This inflexibility was conditioned not by Stalin's awful character, but the historical situation of the time. The author concludes that in response to external violence Stalin resorted to internal violence forcing his people to submit to his will for the sake of victory over the enemy, for the salvation of the Eurasian civilization. That is why he became the greatest geopolitician and party dictator.

Key words: Second World War, the Great Patriotic War, geopolitics, Eurasian civilization, unification, collectivization, the Molotov–Ribbentrop Pact, synergetics, ethnic tolerance.

В этом году вся мировая общественность торжественно отмечала 72 годовщину Великой Победы. Время неумолимо отодвигает нас от тех грозных и страшных событий. Всё меньше остаётся в живых очевидцев и участников Второй мировой и Великой Отечественной войн, тем больше возникает соблазнов пересмотреть и переосмыслить итоги войн, придать им совершенно другое звучание. Чтобы добиться решения этой простой и непростой одновременно задачи, мы использовали метод сравнительного анализа, синергетического и цивилизационного подходов, позволяющих посмотреть на события прошлого не только с классовой позиции, но с более обобщённой цивилизационной точки зрения, предполагающей более широкий ракурс обзора произошедших событий. Синергетический подход позволил нам показать Вторую мировую войну как борьбу упрощённого примитивного порядка с усложнённым, но глубоко гуманистическим порядком, позволившим каждому народу сохранить свою культуру и свои ценности [10, с. 113].

В современном мире развернулась беспрецедентная информационная война за извращение смысла и значения Второй мировой и Великой Отечественной войн. И задача современных гуманитарных наук заключается в том, чтобы раскрыть истинный смысл и значение Великой Отечественной войны. В философском смысле Вторую мировую войну уже не рассматривают как борьбу добра и зла, считается, что шла борьба двух тоталитарных систем за власть над миром. И победила более жестокая система Сталина, причём эта победа только упростила бесчеловеч-

ный режим Сталина и административно-командную систему управления, позволила СССР распространить свою идеологию на многие страны.

Российский историк Вадим Кожин дал исчерпывающий ответ на этот вопрос в своей монографии «Россия: век XX». Все извращения итогов и значения Второй мировой войны возникают в связи с желанием всей Европы смыть свой позор, ведь СССР противостояла не просто Германия, но объединённая Европа во главе с Германией. Достаточно указать на то, что фашизм – это плод европейской культуры, её расистских теорий, а также результат национального унижения Германии после Первой мировой войны и страха всех европейских держав перед советским коммунизмом [8, с. 332]. Поэтому ни одна европейская страна не оказала достойного сопротивления гитлеровской агрессии. Польша сдавалась за 17 дней, Франция – за 44 дня, а другие страны и за меньший срок [11, с. 702]. Т. е. европейские страны с лёгкостью вошли в германскую империю, и впоследствии все европейские предприятия работали на армию Гитлера, поэтому к июню 1941 г. она была самой сильной во всём мире, о чём писал Г.К. Жуков [3, с. 225]. И неудачи красной армии в первые дни войны можно объяснить прежде всего этим фактом, а не только растерянностью руководства армии перед внезапным нападением, слабым вооружением и политическими репрессиями, уничтожившими талантливых военных руководителей [1, с. 212].

Многие историки, пытаясь дистанцироваться от немецкого нацизма, доказывают мощность европейского сопротивления, которое наносило

Германии невосполнимый ущерб [7, с. 184]. Но если обратиться к цифрам, то можно увидеть, что всё это явное преувеличение. Например, французское сопротивление потеряло во время Второй мировой войны 20 000 бойцов, а количество погибших коллаборационистов составило 40 000 человек.

Можно вспомнить и такой при- скорбный факт: американский генерал Дуайт Эйзенхауэр высадился в Африке, чтобы вести активные боевые действия против немцев, а воевал не только с немцами, но прежде всего против французских войск во главе с Жаном Даланом. Действительно реальное сопротивление оказали только три европейские страны: Югославия, Албания, Греция [3, с. 25]. И западноевропейские узники в концлагере содержались совсем в иных условиях, чем все остальные европейские народы. Им платили заработную плату, предоставляли отпуска. А теперь по окончании Второй мировой войны европейским узникам платят в 7 раз больше, чем советским узникам концлагерей. И это всё доказывает основную мысль Вадима Кожинова, что Вторая мировая война, Великая Отечественная война были противостоянием Европы и евразийской цивилизации. Вадим Кожинов пишет о русском мире, который включал все народы Евразии. Но мы позволили себе более политкорректное название – «евразийская цивилизация». Это было столкновение двух цивилизаций за свободу и демократию. Если Германия хотела всем народам навязать свой сценарий развития, то наши деды отстаивали истинную свободу, т. е. возможность развиваться своим путём и следовать фундаментальной ценности евразийской цивилизации

– признанию уникальности каждого человека, уникальности каждой культуры и каждого народа. Если Германия хотела навязать нам всем унификацию, то Советский Союз отстаивал разнообразие и плюрализм культур, ценностей. Наши деды не просто отстаивали свободу и демократию, они не позволили остановить прогрессивное развитие всего человечества, его эволюцию в достижении всё большей свободы. Истинная свобода как раз в этом и заключается, что каждый народ имеет право выбирать свой путь развития и следовать своим культурным ценностям. И в этом непреходящее значение победы СССР во Второй мировой войне.

Причины этой победы – фантастическое мужество советских воинов, стратегический ум наших полководцев, дружба всех народов СССР и железная воля Сталина. Сейчас очень модно обвинять во всех бедах СССР Сталина, его рассматривают как злодея, тирана и деспота [6, с. 15]. Но в истории нельзя однозначно оценивать исторические личности. История амбивалентна, о чём писал ещё Вольтер [2, с. 354]. Благодаря исследованию Вадима Кожинова мы можем более объективно оценить личность Сталина. Когда этот человек в своей деятельности придерживался партийно-революционной идеологии, тогда он становился тираном и деспотом. Но когда он следовал геополитическим целям и ценностям, тогда он становился великим человеком [5, с. 210]. Поэтому если, например, рассматривать пакт Молотова–Риббентропа, то, конечно, его подписание было политическим шагом, сделанным в интересах партийной коммунистической идеологии,

и он привел только к тому, что Сталин развязал Гитлеру руки, позволив ему захватить всю Европу. Обе оценки – и позитивная, и негативная – обычно исходят из того, что «пакт» был выражением неожиданной личной инициативы Сталина, который ранее выступал как непримиримый противник германского фашизма. Все перипетии подписания этого пакта добросовестно исследованы Вадимом Кожиновым в его знаменитой книге «Россия: век XX». «На всём протяжении тридцатых годов, – указывает он, – Сталин выступал против германского фашизма. И ещё 10 марта 1939 г., менее чем за пять месяцев до пресловутого “пакта”, он с издёвкой говорил в докладе на XVIII съезде партии о “фашистских заправилах” Германии, которые “раньше, чем ринуться в войну, решили обработать общественное мнение”, т. е. ввести всех в заблуждение, обмануть всех» [5, с. 389].

Скрытую логику тех событий раскрыл видный английский историк Лиддел Гарт в своей книге «История Второй мировой войны» (1970). Он сообщает о том, что «ещё в ноябре 1937 г. премьер-министр Великобритании Чемберлен направил в Берлин лорда Галифакса, который дал Гитлеру понять, что Англия не будет мешать ему в Восточной Европе... Ещё больше убедило Гитлера молчание правительств Англии и Франции по поводу его вторжения в Австрию... И, наконец, ещё большее удовлетворение Гитлер получил, узнав, что Чемберлен и Галифакс отклонили предложение русских о созыве конференции относительно коллективного плана гарантий против агрессии Германии» [5, с. 11]. Это предложение СССР было направлено Ан-

глии и Франции всего через пять дней после нацистского захвата Австрии, 18 марта 1938 г. Вместе с тем уже захват Праги насторожил Чемберлена, ведь на очереди явно была Польша, с которой Великобританию связывал договор о взаимопомощи. Но это была невыполнимая задача, ибо Великобритания не имела границ с Польшей. И 16 апреля 1939 г. британский посол в Москве впервые обратился к СССР с предложением о совместном противостоянии Германии в вопросе о Польше [12, с. 187]. В ответ советское правительство снова предложило создать единый фронт взаимопомощи между Великобританией, Францией и СССР. Эти три державы, если возможно, с участием Польши, должны были также гарантировать неприкосновенность тех государств Центральной и Восточной Европы, которым угрожала германская агрессия. Черчилль писал, что Англии и Франции следовало принять предложение России, провозгласить тройственный союз... Союз между Англией, Францией и Россией вызвал бы серьезную тревогу у Германии в 1939 г., и, возможно, война была бы предотвращена... Если бы по получении русского предложения Чемберлен ответил бы согласием, история могла бы пойти по иному пути... Вместо этого длилось молчание, пока готовились полумеры и благоразумные компромиссы... Для безопасности СССР требовалась совершенно иная внешняя политика... Поэтому Советскому Союзу пришлось позаботиться самому о себе [5, с. 4–20].

О самом «пакте» СССР с Германией, заключённом после долгих бесплодных попыток объединиться против Гитлера с Англией и Францией, Черчилль

писал: «Невозможно сказать, кому он внушал большее отвращение – Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным. Сталин, без сомнения, думал, что Гитлер будет менее опасным врагом для России после года войны против западных держав» [5, с. 11]. Можно сказать, неожиданный «поворот» в политике не был столь неожиданным, а был совершен под властным давлением сложившихся обстоятельств. Сложившаяся историческая ситуация, по сути дела, «загнала» СССР в «пакт» [7, с. 332]. Все эти известные факты позволили Вадиму Кожинovu по-другому объяснить феномен сталинизма. В исторической науке до сих пор господствует синдром сталинизма, проявляющийся в том, что во всех поворотах истории усматривают злую волю Сталина. Но в истории действуют исторические закономерности, и поведение Сталина вписывается в «хитрость мирового разума». Другое дело, что не все историки могут понять эту хитрость, найти её.

Вадим Кожинov указывает на некоторые исторические аналогии с французской революцией. Так, например, после кровавых событий Великой французской буржуазной революции началась термидорианская реакция, возвращение к старому режиму. И это явление вполне объяснимо в рамках синергетической теории, потому что система после бифуркации стремится к гомеостазису, к состоянию устойчивости. В этот момент очень важно выбрать правильное направление развития, и гениальность Сталина заключалась в том, что после революцион-

ных событий он увидел единственную перспективу развития СССР – воссоздание империи, идеократического государства, отказ от перманентной революции Троцкого. И это был ход самой истории, а не реализация некой личной программы Сталина, который только в той или иной мере осознавал совершавшееся историческое движение и так или иначе закреплял его в своих «указаниях». И, как свидетельствуют многие факты, поддержка этого объективного хода истории диктовалась прежде всего и более всего осознанием нарастающей угрозы глобальной войны, которая непосредственно стала на повестку дня после прихода к власти германских нацистов в 1933 г. [5, с. 11–25].

Как доказывает современная историческая наука, в том числе и учёный Вадим Кожинov, роль личности в истории с течением времени явно убывает. Так, Наполеон и Александр I лично определяли ход событий в значительно меньшей степени, чем, допустим, Чингисхан и Александр Невский, а Сталин и Гитлер – ещё менее существенно могли влиять на ход исторических событий, чем прежние вожди. Между тем многие историки склоны усматривать во всех исторических сдвигах и событиях конца 1930-х – начала 1950-х гг. воплощение личной сталинской воли (тот самый «культ наизнанку») [4, с. 100–110]. Несостоятельность подобного понимания вытекает, например, из того факта, что «решения» Сталина часто были неожиданными для него самого, потому что в его предыдущих высказываниях и волеизъявлениях не проглядываются соответствующие «замыслы», какие-либо предварительные разработки «идеи». Каждое

принятое решение является реакцией генсека на ту или иную объективно сложившуюся ситуацию в жизни страны или мира в целом, а не осуществлением его коварной программы [5, с. 20–25].

Так, например, сталинское решение о немедленной коллективизации было вызвано в 1928 г. катастрофической нехваткой «товарного» хлеба, а заключение в 1939 г. «пакта» с Гитлером – предшествующим «разделом» западной части Европы (Мюнхенское соглашение 1938 г. и т. д.) на британско-французскую и германскую сферы. Столь же «неожиданным» было обращение в 30-е гг. к «патриотической» идеологии, которую часто рассматривают как реализацию давнего и основательного сталинского замысла [5, с. 332].

Однако до 1934 г. Сталин действовал в соответствии с революционной идеологией, атеистической направленностью и спокойно отдавал приказы об уничтожении храмов, несмотря на то, что многие деятели искусств просили его остановить уничтожение памятников архитектуры.

Так, например, в декабре 1931 г. он отдал приказ об уничтожении московского Храма Христа Спасителя, который воплощал в себе память об Отечественной войне 1812 г.

А когда Сталину направили протестующие послания И.Э. Грабарь, И.В. Жолтовский, А.В. Щусев, К.Ф. Юон и другие, 18 сентября 1933 г. вождь назвал их жалобы бесперспективными [5, с. 20–25].

В действительности Сталин в тот момент ещё не осознавал «перспективы» своей собственной политики – очевидного нарастания угрозы войны – войны не «классовой» и наци-

ональной, а в конечном счёте геополитической, связанной с многовековым противостоянием Запада и России.

Все эти факты свидетельствуют, что в действиях Сталина проглядывается историческая логика, связанная с историческими реалиями, но никак не с его личными чертами. Жестокость и жёсткость Сталина были обусловлены той эпохой, в которой он жил. Эпоха кардинальных преобразований, которая требовала жёстких мер. Когда-то Пётр I прокладывал путь России в Европу железом и кровью, ломая старые обычаи и многовековой уклад. Так и Сталин менял облик лапотной России, превращая её в индустриальное развитое государство [9, с. 120]. И когда возникла угроза обесценивания всех достижений советской страны, он своей железной волей заставил всех работать на Победу. Это неопровержимый факт, это подвиг странного диктатора, который в этот момент следовал высшим ценностям евразийской цивилизации – сохранению уникальности каждой культуры и каждого народа. Если рассматривать эту проблему в категориях насилия и ненасилия, можно сказать, что в ответ на внешнее насилие для спасения евразийской цивилизации Сталин применил внутреннее насилие по отношению к своему народу, заставив его подчиниться своей воле ради победы над врагом. Сталин стал величайшим геополитиком и партийным диктатором.

Именно эта геополитическая цель сплотила все народы СССР и закрепила эту дружбу огнём и железом, именно тогда сформировалась этническая толерантность народов Евразии. Плохо, что после окончания войны об этом стали забывать – и прежде всего

партийные боссы. Хотя мировая практика доказала, что этническая толерантность – это способ существования евразийских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкогонов Д. Триумф и трагедия // Роман-газета. 1990. № 19–20.
2. Вольтер. Бог и люди. Статьи, памфлеты, письма: в 2 т. Т. 1. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. 442 с.
3. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: в 2 т. Т. 1. М.: Олма-Пресс, 2002. 415 с.
4. Земсков В. Политические репрессии в СССР (1917–1990 гг.) // Россия XXI. 1994. №1–2.
5. Кожин В.В. Россия: век XX-й. 1901–1939. М.: Алгоритм, 2001. 358 с.
6. Пайпс Р. Россия при старом режиме: монография. М.: Независимая Газета, 1993. 424 с.
7. Пушкарев В.В. Россия и опыт Запада. Избранные статьи 1955–1985. М.: Посев Рос. фил. Б., 1995. 335 с.
8. Пятецкий Л.М. История России. XX век. 2-е изд. М.: Московский лицей, 1996. 360 с.
9. Радзинский Э. Сталин. М.: Вагриус, 2000. 637 с.
10. Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов / отв. ред. В.И. Аршинов и др. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 535 с.
11. Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т. 4. Гаага–Двин / гл. ред. Е.М. Жуков. М.: Советская энциклопедия, 1965. 950 с.
12. Черчилль У. Вторая мировая война: в 3 кн. Кн. 3. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 748 с.

REFERENCES

1. Volkogonov D. [Triumph and tragedy]. In: *Roman-gazeta* [Roman-newspaper], 1990, no. 19–20.
2. Voltaire. *Bog i lyudi. Stat'i, pamflety, pis'ma*. T. 1 [God and the people. Articles, pamphlets, letters. Vol. 1]. Moscow, Publishing house of the USSR Academy of Sciences Publ., 1961. 442 p.
3. Zhukov G.K. *Vospominaniya i razmyshleniya*. T. 1 [Memories and reflections. Vol. 1]. Moscow, Olma-Press Publ., 2002. 415 p.
4. Zemskov V. [Political repression in the Soviet Union (1917–1990)]. In: *Rossiya XXI* [Russia XXI], 1994, no. 1–2.
5. Kozhinov V.V. *Rossiya: vek XX. 1901–1939* [Russia: a century XX. 1901–1939]. Moscow, Algoritm Publ., 2001. 358 p.
6. Pipes R. *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the old regime]. Moscow, Nezavisimaya Gazeta Publ., 1993. 424 p.
7. Pushkarev V.V. *Rossiya i opyt Zapada. Izbrannyye stat'i, 1955–1985* [Russia and the experience of the West. Selected articles, 1955–1985]. Moscow, Posev Ros. fil. B. Publ., 1995. 335 p.
8. Pyatetskii L.M. *Istoriya Rossii. XX vek* [The History of Russia. The twentieth century]. Moscow, Moskovskii litsei Publ., 1996. 360 p.
9. Radzinskii E. *Stalin* [Stalin]. Moscow, Vagrius Publ., 2000. 637 p.
10. Arshinov V.I. et al, eds. *Sinergeticheskaya paradihma: mnogoobrazie poiskov i podkhodov* [Synergetic paradigm: the variety of searches and]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. 535 p.
11. Zhukov E.M., gen. ed. *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya*. T. 4. *Gaaga–Dvin* [Soviet historical encyclopedia. Vol. 4. The Hague–Dvin]. Moscow, Soviet Encyclopedia Publ., 1965. 950 p.
12. Churchill W. *Vtoraya mirovaya voyna*. Kn. 3 [Second World War. Vol. 3]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2013. 748 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гизатуллина Гульгина Алимжановна – кандидат философских наук, заведующая кафедрой философии и толерантности Таразского государственного педагогического института;

e-mail: gulgina_63@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gulgina A. Gizatullina – PhD in Philosophy, head of the Department of Philosophy and Tolerance, Taraz State Pedagogical Institute;

e-mail: gulgina_63@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гизатуллина Г.А. Вторая мировая война в геополитическом и цивилизационном измерениях // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 3. С. 14-21.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-14-21

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Gizatullina G.A. The Second World War from Geopolitical and Civilization Perspectives. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 3, pp.14-21.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-14-21

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.65

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-22-30

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАК ОТКРЫТОЙ СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ильченко Д.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Открытое общественное сознание в плане устойчивости обеспечено существованием положительных обратных связей и ранее заданным направлением, так называемым вектором развития общественного сознания. В настоящей статье общественное сознание как открытая система рассмотрено через его устойчивость. В этом случае для общественного сознания характерны непрерывность, возможности в процессе развития всегда возвращаться в своё начальное состояние в фазовом пространстве и мало отклоняться от определённого состояния при малых изменениях. Автор делает вывод, что в целях плодотворной деятельности средств массовой коммуникации и межличностного общения необходимо изучать соотношение информированности с действительной жизнью общества на теоретическом уровне.

Ключевые слова: общественное сознание, политическая система, анализ, социальная реальность, государственное управление.

FACTORS OF FORMING SOCIAL CONSCIOUSNESS AS AN OPEN SYSTEM IN CONTEMPORARY RUSSIA

D. Ilchenko

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. Open public consciousness as a sustainable social consciousness should be provided with positive feedback and a set direction of social development, the so-called vector of development of social consciousness. In this paper, we consider the public consciousness as an open system through its stability. In this case the public consciousness is characteristic of

continuity, regular opportunity to return to its initial state in the phase space during the development, and little to deviate from a certain state at small changes. The author concludes that for the purposes of the fruitful activity of the mass media and interpersonal communication it is necessary to study in theory the ratio of information awareness and society's real life.

Key words: public consciousness, political system, analysis, social reality, public administration.

Факторами формирования общественного сознания как открытой системы в России в эпоху глобализации являются средства массовой коммуникации, в том числе Интернет, а также межличностное общение, границы между которыми трансформируются и стираются благодаря техническим средствам коммуникации. Изменился характер средств массовой коммуникации и межличностного общения.

Межличностное общение становится менее актуальным, заменяясь техническими возможностями средств массовой коммуникации. Это явление современности вызывает переосмысление значимости межличностного общения в качестве условия прямого контакта в общении. Это обстоятельство требует дальнейшего полного изучения современного межличностного общения. «Индивидуальный» характер коммуникатора и его «приватная индивидуальность» в межличностном общении становятся в том числе и свойствами массовой коммуникации благодаря средствам интеграции.

Массовой коммуникации современности становятся свойственны характеристики межличностного общения. Такие черты, как свобода в отношении принятых правил общения, индивидуально-личностные установки общения, спонтанность общения, приватность и универсальность, социальная и индивидуальная активность, непосредственное восприятие, становятся характерными для всех

видов общения. Преобладание двухступенчатого характера восприятия сообщения, массовость, «публичная индивидуальность», необязательность или отсутствие непосредственной обратной связи, однонаправленность информации и фиксированность коммуникативных ролей – свойства, некогда характерные для массовой коммуникации, становятся характеристиками и межличностного общения. Неслучайно современная философия вновь стала обращаться к теме интерсубъективности как отражения происходящих в современных коммуникативных реалиях перемен.

Интерсубъективность так же, как и современная коммуникация как таковая, начала приобретать элементы открытости. Сохраняя социальность и межличностность одновременно, массовая коммуникация и межличностное общение взаимопересекаются и взаимообогащаются [7].

Сегодня массовой коммуникации подвластна не только эта реальность, но ею создан новый мир, мир Интернета, который предстаёт в качестве искусственного, базирующегося на искусственных компьютерных возможностях. Это мир несуществующей реальности, потенциал которой оказался настолько многогранен, что создаёт возможность объединять достижения и успехи целого человечества. Здесь любой может преобразовать виртуальный мир по своему усмотрению. В этом виртуальном мире человек выступает

в качестве и творца, и разрушителя, имеющего практически безграничные возможности. Такая безраздельность и бесконтрольность могут привести пользователей Интернета к осуществлению агрессии также и в реально существующем мире. Здесь насилие имеет потенциальную возможность принять патологические виды.

Отражение информации в средах массовой коммуникации реальной действительности происходит одновременно субъективно и объективно [8]. Межличностное общение и массовая коммуникация в формировании общественного сознания являются общественными категориями ценностей и правил, закладываемых в основу социальных институтов государства и мира.

Коммуникация имеет множество определений. Это понятие означает феномен, находящийся в центре изучения процессов, происходящих в сфере естественных и гуманитарных, в том числе социальных наук. Посредством коммуникации происходит интеграция этих процессов через сообщения. Международная энциклопедия коммуникации [15] именно так и определяет этот термин. Объясняя причины интеграции в теории коммуникации, составители энциклопедии восходят к предположению о том, что основными проблемами современной коммуникации и происходящей коммуникативной революции, а также и наук, их изучающих, являются вопросы, сформировавшиеся ещё в глубокой древности. Информативно-системные связи, выступающие основой социализации человечества, включают производство, хранение, историческую передачу ценностей.

Немецкий философ Ю. Хабермас определяет коммуникацию как истинную, личностно освоенную социальность [12]. Однако коммуникация становится такой в процессе обеспечения людей совершенно свободным и беспристрастным обсуждением высших ценностей, требующих постоянных обсуждений, с одной стороны, но исторически меняющихся, с другой. Теорию познания как концепцию, сформировавшуюся на основе ряда положений К. Ясперса [14, с. 36; 77], Хабермас определяет как коммуникацию или как коммуникативный процесс [12].

Американский социолог Ч. Кули толковывал коммуникацию как механизм для реализации и развития всех разнообразных человеческих взаимосвязей, символов и образов, заключённых в разуме, средств, обеспечивающих передачу этих символов и образов в пространстве и их хранение [11, с. 210].

Широко проблемы коммуникации рассматривают как отечественные, так и зарубежные исследователи. В работах Л.М. Земляновой [6], Г. Почепцова [10] и других даются определения коммуникации не только как взаимообмена информацией, а много шире, опираясь на современные реалии. В работах В.М. Березина [2] можно найти статистические выкладки по проблемам коммуникации. По мнению этих авторов, в нашей стране взлёт социологии массовой коммуникации отмечался в 20-е гг. XX в. Лишь в 1924 г. вышли в свет около 200 научных трудов по воздействию книги на массовую аудиторию. До Великой Отечественной войны были опубликованы около 50 работ, посвящённых

социологии кино. В реферативных сборниках ИНИОН АН СССР «СМИ и пропаганды. Советская литература 1978–1980» термин «коммуникация» использовался в 7 работах из общего числа в 234 наименования. Классическому марксизму было не свойственно обращаться к теме средств массовой коммуникации. Это отношение сохранилось и в советских общественных научных кругах.

В конце Второй мировой войны в США Т. Адорно и М. Хоркхаймер в книге «Диалектика просвещения» сформировали концепции современной социологии средств массовой коммуникации. На основе анализа особенностей марксистской теории о социальных революциях они ввели понятие «индустрия культуры». Авторы книги обнаружили типологическую общность массы в качестве пассивного и вполне лояльного продукта общественного политического устройства «позднего капитализма» [13].

Широко к проблемам массовой коммуникации, воздействия СМИ на аудиторию стали обращаться в нашей стране лишь в конце 80-х гг. XX в. Работам того времени свойственно обращение к новым культурно-политическим и научно-техническим реалиям.

В настоящее время проблемам коммуникации в науке уделяется пристальное внимание. Межличностное общение и массовая коммуникация прочно заняли место среди постоянных научных объектов исследования в гуманитарных науках. Без исследовательского опыта познания этих предметов довольно сложно проводить анализ и по проблемам в прикладных науках. Поэтому весьма полезно для развития социальных наук и в изуче-

нии межличностного общения и массовой коммуникации уметь строить теоретические модели коммуникации. Наибольшее представление о подходах, методах, приёмах и элементах, используемых на практике массовой коммуникации, можно получить на следующих моделях: семиотической, архетипической и мифологической.

Одна из моделей массовой коммуникации – математическая модель К. Шеннона и У. Уивера [4, с. 100–103] (рис. 1), другая модель массовой коммуникации – кибернетическая модель Н. Винера [3].

По модели К. Шеннона у коммуникации три уровня: технический, семантический, уровень эффективности.

Благодаря техническому уровню коммуникации можно определить правильность, правдивость передачи сообщения от отправителя к адресату. По семантическому уровню можно определить уровень интерпретации сообщения адресантами в дальнейшем сопоставились с начальным значением. Третий уровень эффективности даёт результаты изменения поведения получателя по переданному (полученному) сообщению.

Проведём анализ моделей коммуникации Н. Винера, С. Бира, Г. Лассуэлла [3] и некоторых других учёных-политологов. Кибернетическая модель Н. Винера даёт понятие обратной связи. Это самый важный компонент модели. По аналогии закона Ле Шателье в технических системах информационному потоку, поступающему назад в область центра управления, противодействует отклонение управляемых значений от управляющих. Здесь Винер рассматривает проблемы функционирования общественной информа-

ции. Если активный информационный обмен между членами общества отсутствует, информация в необщественных группах животных не растёт. И, наоборот, в случае активного обмена

информацией (эффективной социальной организацией) групповая информация возрастает, её больше, чем информации для каждого члена группы.

Рис. 1. Модель К. Шеннона

Идея К. Шеннона была развита в трудах С. Бира. Он даёт определение понятию обратной связи, согласно которому обратной связью можно назвать возвращение доли информации, выходящей на уровне входа. А значит, информации как входная, так и выходная изменяются.

Выделяются две разновидности обратной связи:

- 1) положительная;
- 2) отрицательная.

Положительная обратная связь характеризуется увеличением уровня сигнала на конце, на последней точке выхода, а значит, в самом начале, на входе для другой информации; обратная отрицательная связь, если увеличивать сигнал на выходе, уменьшает сигнал на самом входе, и таким образом стабилизируется состояние всей системы [3].

Стандартная модель массовой коммуникации с её элементами представлена на рис. 2.

Рис. 2. Модель массовой коммуникации

Представитель школы структурного функционализма Г. Лассауэлл, один из родоначальников социологического течения в теории массовой коммуникации, рассматривает информационные связи как неотъемлемые и всеобщие атрибуты жизненной субстанции. Исследования социальных структур выявили, что для них характерны свои собственные специфические, в том числе идеологические, качества, способствующие сохранности духовных ценностей наряду с социальными институтами с их идеологическим обеспечением.

По теории Лассауэлла, выделяются три основные функции социально-коммуникативного воздействия:

- а) контроль за средой;
- б) анализ и корректирование всех элементов общества в целях его развития и сохранности;
- в) транслирование общественного наследия [6].

По мнению Г. Лассауэлла, «в демократических обществах рациональные выборы ценностей зависят от просвещенности, которая, в свою очередь, зависит от коммуникаций, но особенно от равноценности внимания к ним среди лидеров, экспертов и массы рядовых людей» [9].

По Э. Багирову, согласно его схеме прикладной модели коммуникации, основными компонентами являются: адресат, суть сообщения или информации, каналы информации, получатель и психологические приоритеты получателя [3].

В этой схеме конечная и главная цель коммуникации – «эффект». Это основное отличие от модели Шеннона–Уивера. Согласно тезису Винера, «анализ одного процесса может привести к выводам, имеющим значение для исследования другого процесса» [3].

В целях последующего анализа понятий и позиций массовой коммуникации и кибернетики можно воспользоваться методом изучения политических процессов, который был предложен российским учёным М.Н. Грачёвым [5]. В качестве первоочередной точки исследования он использует понятие действующего элемента, которым может быть любой объект окружающего мира. Этот действующий элемент сам является зависимым от остальных объектов и, таким образом, влияет на них. Из этих объектов состоит окружающая среда. В работах Грачёва отмечено, что относительно мира политики действующие элементы – это субъекты политики, такие как каждый человек в отдельности, социально-политические группы и институты, в отношении которых общество в целом является окружающей социальной средой.

Модель социально-политической системы общества и идеологии показана на рис. 3.

Получение и отражение сообщений из внешней среды и результат этих процессов, которые рассмотрены в диалектической целостности, определяют с точки зрения кибернетики объём понятия «коммуникация». С этой точки зрения информация может быть охарактеризована как кибернетическая категория, обозначающая содержание коммуникации. «Входная» информация, поступающая к действующему элементу, составляет содержание сообщения. Информация, которая изменяет состояние действующего элемента, является содержанием отражения поступившего сообщения. Это и есть содержание отражения частью «входной» информации [5].

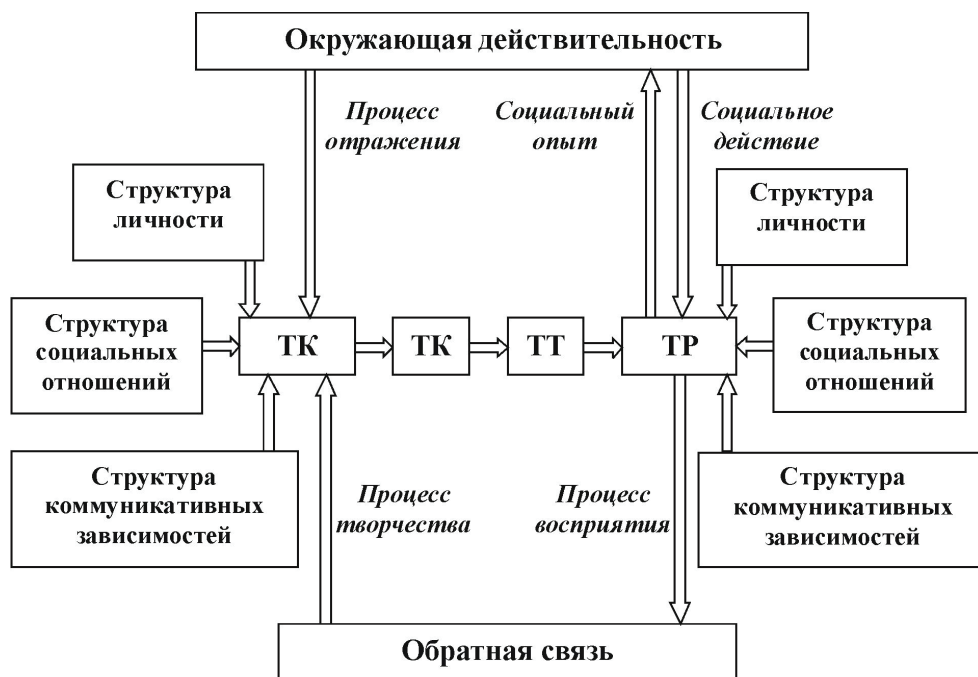

Рис. 3. Социально-политическая система и идеология

ТК – телевизионный коммуникатор, ТП – телевизионная программа, ТТ – телевизионная техника, ТР – телевизионный реципиент

Обратная связь, или двусторонний информационный обмен представляет собой взаимообмен входных и выходных сигналов. Обратная связь имеет исключительно важное значение в управлении и особенно в сфере политики.

По мнению Э. Багирова [1], необходимо иметь в виду два вида обратной связи:

- психологическая обратная связь, указывающая на восприятие общения: как оно усвоено;
- социальная обратная связь, обнаруживающая себя в качестве результата происходящих в сознании изменений, а также в изменении поведения аудитории.

С помощью прикладных моделей коммуникации можно выявить:

1) пути потоков информации в обществе;

2) факторы, которые влияют на них.

С помощью этих определений можно выделить формы, функции и направления массовой коммуникации.

В целях плодотворной деятельности средств массовой коммуникации и межличностного общения как основных факторов создания и развития общественного сознания как открытой системы в современной России во всей многоаспектности общественных отношений и связей необходимо изучать соотношение информированности и действительной жизни общества на теоретическом уровне. Когда изменяется объект отражения, меняются и характер отражения, и содержание объекта. Это меняет качество связей, возникающих между действительностью, средствами массовой коммуникации и межличностным общением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багиров Э.Г. Очерки теории телевидения. М.: Искусство, 1978. 151 с.
2. Березин В.М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. М.: РИП-Холдинг, 2003. 174 с.
3. Бир С. Мозг фирмы / пер. с англ. М.М.Лопухина. М.: Радио и связь, 1993. 415 с.
4. Гавра Д. Основы теории коммуникации: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2011. 288 с.
5. Грачев М.Н. Политическая коммуникация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 1999. № 1. С. 24–39.
6. Землянова Л.М. Современная американская коммуникативистика. Теоретические концепции, проблемы, прогнозы. М.: Издательство Московского университета, 1995. 271 с.
7. Интерсубъективность в науке и философии / отв. ред. Н.М. Смирнова. М.: Канон+, 2014. 416 с.
8. Майкова В.П. Массовая коммуникация и межличностное общение в формировании общественного сознания // Вестник Московского государственного университета леса – Лесной вестник. 2011. № 3. С. 199–202.
9. Панарин И.Н. СМИ, пропаганда и информационные войны [Электронный ресурс] // История пропаганды: [сайт]. URL: http://propagandahistory.ru/books/Igor-Panarin_SMI--propaganda-i-informatsionnye-voyny/36 (дата обращения: 28.09.2017).
10. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер. 2001. 656 с.
11. Терин В., Шихирев П. Массовая коммуникация как объект социологического анализа // Массовая культура: иллюзии и действительность. М., 1975. С. 208–232.
12. Хабермас Ю. Современная западная теоретическая социология: реферативный сборник. Вып. I. М.: ИНИОН РАН, 1992. 135 с.
13. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М., СПб.: Медиа: Ювента, 1997. 312 с.
14. Ясперс К. Идея университета / пер. с нем. Т.В. Тягуновой, ред. пер. О.Н. Шпарага; под общ. ред. М.А. Гусаковского. Минск: БГУ, 2006. 159 с.
15. Gerbner G., Schramm W. Communications, Study of // International Encyclopedia of Communications. Vol. 1. N.Y., Oxford, 1989. P. 358.

REFERENCES

1. Bagirov E.G. *Ocherki teorii televideniya* [Essays on the theory of television]. Moscow, Art Publ., 1978. 151 p.
2. Berezin V.M. *Massovaya kommunikatsiya: sushchnost', kanaly, deystviya* [Mass communication: the nature, channels, actions]. Moscow, RIP-Kholding Publ., 2003. 174 p.
3. Beer A.S. *Mozg firmy* [The brain of the company]. Moscow, Radio and communication Publ., 1993. 415 p.
4. Gavra D. *Osnovy teorii kommunikatsii* [The basics of communication theory]. St. Petersburg, Piter Publ., 2011. 288 p.
5. Grachev M.N. [Political communication]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Politics], 1999, no. 1, pp. 24–39.
6. Zemlyanova L.M. *Modern American communication. Theoretical concepts, problems, forecasts* [Modern American communication studies. Theoretical concepts, problems, predictions]. Moscow, Publishing house of Moscow University Publ., 1995. 271 p.
7. Smirnova N.M., ed. *Intersub'yektivnost' v nauke i filosofii* [Inter-subjectivity in science and philosophy]. Moscow, Kanon+ Publ., 2014. 416 p.
8. Maikova V.P. [Mass communication and interpersonal communication in shaping public consciousness]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta lesa – Lesnoi vestnik* [Bulletin of the Moscow State Forest University – Forest Bulletin], 2011, no. 3, pp. 199–202.

9. Panarin I.N. [Media, propaganda and information warfare]. In: *Istoriya propagandy* [History of propaganda]. Available at: http://propagandahistory.ru/books/Igor-Panarin_SMI--propaganda-i-informatsionnye-voyny/36 (accessed: 28.09.2017).
 10. Pochepstov G.G. *Teoriya kommunikatsi* [Communication theory]. Moscow, Refl-book, Kiev, Vakler Publ., 2001. 656 p.
 11. Terin V., Shikhirev P. [Mass communication as an object of sociological analysis]. In: *Massovaya kul'tura: illyuzii i deistvitel'nost'* [Mass culture: illusions and reality]. Moscow, 1975. pp. 208–232
 12. Habermas J. *Sovremennaya zapadnaya teoreticheskaya sotsiologiya. Vyp. I.* [Modern Western theoretical sociology. No. I]. Moscow, INION RAS Publ., 1992. 135 p.
 13. Horkheimer M., Adorno T.V. *Dialektika prosveshcheniya. Filosofskiye fragmenty* [The dialectic of enlightenment. Philosophical fragments]. Moscow, St. Petersburg, Media Publ., Yuventa Publ., 1997. 312 p.
 14. Jaspers K.T. *Ideya universiteta* [The idea of a University]. Minsk, BSU Publ., 2006. 159 p.
 15. Gerbner G, Schramm W. *Communications, Studi of.* In: *International Encyclopedia of Communications*. Vol. 1. N.Y., Oxford, 1989. P. 358.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильченко Дмитрий Александрович – аспирант кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: ida052015@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitrii A. Ilchenko – postgraduate student at the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: ida052015@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ильченко Д.А. Факторы формирования общественного сознания как открытой системы в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 3. С. 22-30.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-22-30

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Ilchenko D.A. Factors of Forming Social Consciousness as an Open System in Contemporary Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 3, pp. 22-30.
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-22-30

УДК 141.3

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-31-36

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА С ГОРОДСКИМ ПРОСТРАНСТВОМ КАК ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ ГОРОДА (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ)*

Касаткина С.С.*Череповецкий государственный университет**162600, Вологодская область, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5,**Российская Федерация*

Аннотация. Город формирует себя как динамичную систему. Этот постулат основан на системно-семиотическом подходе в философии, в рамках которого город выглядит структурирующим началом во взаимодействии его субъектов друг с другом и с пространством. Целью исследования является представление о вариативности философского понимания города в ракурсе взаимосвязи города с его обывателями. Личность, социум характеризуют многие процессы, происходящие в городе, формируют город как уникальную территорию жизни. Город определяет траектории развития населения, являясь средой социализации, пространством применения творческой энергии, а также местом решения жизненных проблем. Изучение взаимодействия городской среды и её субъектов представляется актуальным в свете преобразований современных городов.

Ключевые слова: город, город как система, структура города, город и общество, город и личность, городское развитие, социодинамика города.

HUMAN, SOCIETY AND URBAN SPACE INTERCONNECTION AS A PRINCIPLE OF CITY'S CONSISTENCY (SOCIO-PHILOSOPHICAL CONTEXT)

S. Kasatkina*Cherepovets State University**5, Lunacharskogo st., Cherepovets, Vologda region, 162600, Russian Federation*

Abstract. The city forms a dynamic system. This postulate is based on the systemic-semiotic approach according to which the city is a structuring entity in the interaction of its agents and space. The aim of the study is to comprehend the variability of the philosophical understanding of the city from the perspective of its relationship with the residents. Personality and society characterize many processes in the city; shape it as a unique area of life. Being a medium of socialization, sphere where creative energy could be applied and vital problems could be tackled the city determines the development of the population. A study of the interaction of the urban environment and its subjects seem to be relevant knowledge in the light of contemporary cities' transformations.

© Касаткина С.С., 2017.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Отделения по гуманитарным и общественным наукам РФФИ, проект № 15-33-01341.

Key words: city, city as a system, city structure, city and society, city and personality, urban development, socio-dynamics of the city.

Город – система, состоящая из компонентов концепта, структуры и субстрата, где первый определяет суть города, структура выражена совокупностью социальных институтов и отношений, связывающих субъектов городской среды; а субстрат состоит из многообразных элементов личного и публичного городского пространства. Научная новизна исследования обозначена рассмотрением принципов структуры города в русле системно-семиотического подхода, что обусловлено вниманием к проблемам урбанистики в последнее время. Предметом исследования служит социально-философский анализ взаимодействия человека и общества с городским пространством.

Взаимосвязь человека и социума с пространством города явилась сферой исследований Ю.Ц. Тыхеевой [8], О.Ф. Филимоновой [9], Г.Н. Горновой [2], О. Запорожец [5], Д.Н. Суховской [7] и других авторов. Развитие человеческих отношений в городском пространстве выступает сложным явлением, сформированным многогранными формами урбанизации. Город в большинстве работ представлен как лабораторный конструкт, практикум, универсальная модель общества, где происходят сложные динамичные процессы. Так как город – бытие личности и социума, структурный уровень города как системы раскрывается в отношении городского населения к пространству проживания. Город выполняет многие социальные функции. В современном обществе в процессе урбанизации функционал города выражается в градообразующих прин-

ципах его хозяйственного развития (что особенно характерно для промышленных городов, где жизнь определяется деятельностью ключевых предприятий), в административной политике, в духовной сфере (культура, образование, здравоохранение, спорт), в финансово-торговом секторе городской реальности, в принципах правовой юрисдикции, в решении социальных вопросов.

Город формирует социальные институты, посредством которых организуется его социальное пространство. Среди базовых социальных институтов города следует выделить городскую власть, городское сообщество, городскую культуру, транспорт, медиасферу, городские традиции, городское хозяйство, социальное партнёрство в городской среде, городские инновации в формировании публичных пространств и многое другое. Посредством взаимосвязи личности и социума в условиях города эти проявления структурных компонентов городской системы активно развиваются. Взаимодействие субъектов с урбанизированной средой проживания осуществляется в форматах «человек – город» и «общество – город». Отношение «человек – общество – город» как принцип системности характеризуется пониманием различных модусов восприятия «города для человека».

Во-первых, город существует как особый способ личностного бытия, место реализации жизненных планов, перспектив, амбиций и желаний. С городом связываются человеческие судьбы, выстраиваются приоритеты

развития. Иногда создаётся впечатление, что города «руководят» людьми, диктуют им направления жизни. Человек либо принимает город, в котором живёт, либо нет. Городские пространства предоставляют субъекту особые условия, связанные с комфортностью проживания, наличием необходимой инфраструктуры, реализацией духовного потенциала человека и пр. Поэтому внутренние миграции населения в стране демонстрируют степень развития городов. Людям свойственно выбирать город для себя, формируя своё личностное пространство.

Во-вторых, город является институтом социализации личности. Город создаёт условия для обеспечения преемственности поколений, культуры, традиций, посредством которых индивид становится членом общества, усваивая его нормы и ценности. Социализация происходит под влиянием широкого набора социокультурных, политических и экономических тенденций. Урбанизированный мир XX–XXI вв. представляет особые перспективы городской жизни. Решение многих проблем повседневности зависит от уровня освоения городского пространства, от осознания его закономерностей и противоречий. Понятие городской повседневности включает в себя как инфраструктуру города, особую социокультурную среду, развивающуюся под воздействием региональных и общегосударственных контекстов, являющуюся пространством существования его обитателей, так и потребности горожан, их трудовые будни и отдых, качество и уровень жизни.

В-третьих, город – креативное явление, созданное человеком и обществом. Город состоит из сложного сплава раз-

нообразных людей, групп интересов, институтов, организационных форм, отраслей экономики, социальных групп и культурных ресурсов [3]. Как справедливо отмечает Ч. Лэндри, креативность города формируется за счёт силы мышления и идей горожан, определяющих их мировоззрение, а также за счёт восприятия культуры как творческого ресурса. Городское пространство – условие развития творческой личности. В креативном пространстве города выражаются суть социальных особенностей городского населения, их творческий подъём, демонстрирующий свободу от жизненных проблем и сложных обстоятельств. Духовность, сформированная креативностью города, является фактором устойчивости его системы [4]. Социальный институт городской культуры и досуга отражает степень развитости духовной сферы населения конкретного города, принципы её развития.

В-четвертых, город – особый механизм интеграционных процессов по внедрению человека в социокультурное пространство мира. Город – открытое социальное пространство. В его условиях личность оказывается в русле социальных трансформаций городского пространства. Город помогает человеку и обществу освоиться в мире, предоставляя возможности для развития, познания, усвоения различных умений и навыков. Горожане подвергаются интенсивному воздействию средств массовой информации и социальной коммуникации. Тенденции глобализации, виртуализации и интерактивности городского пространства определяют мир человека и общества как сложный феномен социокультурной реальности города.

В-пятых, город понимается как сфера духовной самореализации человека и общества. Несмотря на прогресс культурных инноваций в наше время, человек и социум испытывают кризис духовности, иногда находятся на грани их утраты. Город обеспечивает эффективные каналы для активизации потенциалов «духовности», располагая разнообразными образовательными, культурными, религиозными и иными ресурсами для самореализации индивида, эффективного развития социума. Городские учреждения образования и культуры играют огромную роль в духовном совершенствовании населения. Их наличие, статус и возможности реализации культурных и образовательных программ дополняют представление о городе в целом. Город как бы формирует набор инструментов для личностного роста, социального развития, а также служит средой вдохновения, лабиринтом мышления, концептуальным жизненным фоном.

В-шестых, городские обыватели формируют антропогенный ландшафт города, где живут «типичные городские» [1], а также «деперсонифицированные» субъекты [6]. Стандартизация жизни в городе привела к появлению устойчивого феномена его обывателей – горожан, причём иногда различающихся по разновидности городов. Городской ландшафт определён их темпом и ритмом жизни, привычками, традициями, жизненными ценностями. Разделяя представление Г.В. Горновой о «Номо urbanus» («животное городское»), стоит

отметить, что естественной средой обитания его является город [2, с. 269]. Наряду с выделенными автором «Философии города» подходами к определению «человека городского», можно добавить системно-семиотический подход, выраженный в представлениях о прочной структурной взаимосвязи городской среды и человека. Человек komponует среду города, реализуя свои принципы жизни, создаёт её концептуальную суть. С другой стороны, город также влияет на определение ценностей и идеалов горожан, стереотипы поведения, ориентированные в большей степени на производственные процессы и потребительское отношение к жизни. Эти особенности отношений приводят к трансформации городского пространства. В одних случаях территория города вяло изменяется под влиянием обстоятельств, рутинного бытия, текущей повседневности. В других случаях города превращаются в экспериментальные площадки инноваций и территории креатива.

Таким образом, городское пространство – отражение человеческого развития, а также способ личностно-социального бытия, институт социализации человека, креативное явление, механизм интеграции человека и социума в мировое пространство, сфера их духовной самореализации, территория проживания «типичных городских». Система города формируется и функционирует благодаря социальной активности его обывателей, энергии индивидуальных личностей городских сообществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Высоковский А. Борьба за горожанина: человеческий потенциал и городская среда [Электронный ресурс] // Высшая школа урбанистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: [сайт]. URL: <http://docplayer.ru/380260-Borba-za-gorozhanina.html> (дата обращения 14.07.2017).

2. Горнова Г.В. Философия города. М.: Инфра-М, 2014. 344 с.
3. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика – XXI, 2006. 399 с.
4. Майкова В.П., Молчан Э.М. Духовность как фактор устойчивости социальных систем // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 1. С. 46–53.
5. Микроурбанизм. Город в деталях: сб. статей / под отв. ред. О. Бредникова, О. Запорожец. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 352 с.
6. Семерник З.С. Отчуждение социокультурных форм как фактор риска в развитии эконоцентрического общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2015. № 3. С. 67–73.
7. Суховская Д.Н. Креативное пространство российских городских поселений и его влияние на формирование ценностных ориентаций личности: дис ... канд. филос. наук. Пятигорск, 2015. 198 с.
8. Тыхеева Ю.П. Человек в городском пространстве (Философско-антропологические основания урбанографии): автореф. дис. ... док. филос. наук. СПб., 2003. 36 с.
9. Филимонова О.Ф. Жизненное пространство города: концептуальные начала и ментальные структуры. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2004. 116 с.

REFERENCES

1. Vysokovskii A. [The Struggle for the Citizen: Human Potential and Urban Environment]. In: *Vysshaya shkola urbanistiki, Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaya shkola ekonomiki»* [Higher School of Urban Studies, National Research University "Higher School of Economics"]. Available at: <http://docplayer.ru/380260-Borba-za-gorozhanina.html> (accessed: 14.07.2017).
2. Gornova G.V. *Filosofiya goroda* [The Philosophy of the City]. Moscow, Infra-M Publ., 2014. 344 p.
3. Lendri Ch. *Kreativnyi gorod* [Creative City]. Moscow, Classic – XXI Publ., 2006. 399 p.
4. Maikova V.P., Molchan E.M. [Spirituality as a Factor of Social Systems Stability]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2017, no. 1, pp. 46–53.
5. Brednikova O., Zaporozhets O., eds. [Microarrays. City in Detail]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie* Publ., 2014. 352 p.
6. Semernik Z.S. [The Alienation of Social and Cultural Forms as a Risk Factor in the Development of Econometric Society]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2015, no. 3, pp. 67–73.
7. Sukhovskaya D.N. *Kreativnoe prostranstvo rossiiskikh gorodskikh poselenii i ego vliyanie na formirovanie tsennostnykh orientatsii lichnosti: dis ... kand. filos. nauk* [Creative Space of the Russian Urban Settlements and its Influence on the Formation of Personality's Values: PhD thesis in Philosophy]. Pyatigorsk, 2015. 198 p.
8. Tykheeva Yu.Ts. *Chelovek v gorodskom prostranstve (Filosofsko-antropologicheskie osnovaniya urbanologii): avtoref. dis ... dok. filos. nauk* [Human in Urban Space (Philosophical-Anthropological Foundations of Urbanology): an abstract of PhD thesis in Philosophy]. SPb., 2003. 36 p.
9. Filimonova O.F. *Zhiznennoe prostranstvo goroda: kontseptual'nye nachala i mental'nye struktury* [City's Living Space: Conceptual Basis and Mental Structure]. Saratov, Publishing House of Saratov University Publ., 2004. 116 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Касаткина Светлана Сергеевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета; e-mail: SvetlanaCH5@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana S. Kasatkina – PhD in Philosophy, associate professor, associate professor at the Department of History and Philosophy, Cherepovets State University; e-mail: SvetlanaCH5@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Касаткина С.С. Взаимосвязь человека и общества с городским пространством как принцип системности города (социально-философский контекст) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 3. С. 31-36

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-31-36

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

Kasatkina S.S. Human, Society and Urban Space Interconnection as a Principle of City's Consistency (Socio-Philosophical Context). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 3, pp. 31-36

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-31-36

УДК 124.53

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-37-48

СОЦИАЛЬНЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ КАЗАЧЕСТВА КАК СОЦИАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ

Комаров А.Л.*Министерство образования и науки Российской Федерации**125993, г. Москва, ул. Тверская, д. 11, Российская Федерация*

Аннотация. Автором осуществлён социально-философский анализ феномена казачества, который выявил причины его возникновения на Руси и в России, и главной из них является военная. В состав казаков входили все этнические общности, которые проживали на территориях нашей страны с наибольшими военными конфликтогенными показателями. Сущность такой социальной общности, как казаки, была заключена в их готовности осуществлять эффективные военные действия против агрессоров. Объективно-субъективный переход казаков на государственную службу русскому государю преобразовал их в сословие с соответствующими обязанностями перед властью и определёнными правами. Автор сделал вывод, что казаки как сословие – это исторически сформировавшаяся большая социальная общность людей разного этнического состава, занимающая определённое статусное положение в иерархической структуре российского общества и обладающая своими обязанностями, правами, привилегиями за несение обязательной службы, закреплёнными в законе и передаваемыми по наследству. Казаки сформировали и закрепили в своей жизнедеятельности определённые материальные и духовные ценности, которые во многом диктовали им отношение к другим социальным общностям, к государственной власти и к самим себе.

Ключевые слова: казак, казачество, сословие, социальная общность, бытие, ценность, народ, социально-философский подход.

SOCIAL, POLITICAL AND CULTURAL BACKGROUND OF THE FORMATION OF COSSACKS AS A SOCIAL COMMUNITY

A. Komarov*Ministry of Education and Science of the Russian Federation**11, Tverskaya st., CSP-3, Moscow, 125993, Russian Federation*

Abstract. The author carried out a socio-philosophical analysis of the phenomenon of Cossacks, which allowed him to analyze the causes of their origin in Old Rus and Russia, the main of which was a military one. The article states that the Cossacks included all ethnic and other communities that lived in the Russian regions with the highest military conflict indicators. The social essence of Cossacks was their readiness to carry out effective military actions against aggressors. Cossacks' transition to public service to the Russian sovereign transformed them into a class with the corresponding duties to the authorities and certain rights. The author concludes that

Cossacks is a historically formed large social community of people of various ethnic composition occupying a certain status in the hierarchical structure of the Russian society with their duties, rights, privileges for compulsory service, legally fixed and inherited. Cossacks formed and consolidated in their life certain material and spiritual values which largely predetermined their relationship to other social communities, to the state authority and to themselves.

Key words: Cossack, Cossacks, social group, social community, being, value, people, socio-philosophical approach.

В период значимых преобразований, которые происходят в современной Российской Федерации, всё более неоспоримым становится тот факт, что в истории становления и развития российского государства казаки сыграли и продолжают играть особую роль. В первую очередь следует отметить, что они заселяли окраины страны и защищали её от внешних врагов. Они демонстрировали высокий уровень патриотизма, верного служения Отечеству.

Однако на сегодняшний день не выявлено никаких письменных источников, раскрывающих время, место и причины возникновения казаков как социальной общности. Отдельные исследователи пытались обнаружить возникновение казаков в национальных корнях их предков: скифов, половцев, хазар, алан, киргизов, татар, горских черкесов, касогов, бродников, чёрных клобуков, торков и др. [4; 15, с. 23–25]. В противовес им другие исследователи рассматривают казаков как воинскую общность, возникшую в результате объединения ряда племён со славянами, которые заселили Причерноморье. При этом отсчёт этого процесса велся с начала новой эры [8]. Третья группа учёных доказывает русские корни казачества, основываясь на географических факторах [10, с. 231–233].

К настоящему моменту ни одна из описанных выше концепций не даёт

исчерпывающего ответа на вопрос о происхождении казаков. В течение многих лет господствовало мнение, что казаки – это бежавшие от крепостной зависимости русские крестьяне. Однако она не объясняет многих явлений жизни казаков, таких как развитое самоуправление, хорошая военная подготовка. Интересна концепция происхождения казаков А.А. Гордеева. По мнению этого исследователя, их предками является русское население Золотой Орды, занявшее территории современного компактного проживания казаков [2].

В связи с перечисленным выше осмысление казачества как специфической социальной общности будет осмысливаться с позиций социально-экономических, политических и духовных сторон их бытия, но в контексте исторического становления и развития России, российской государственности. В целом социально-философский подход позволяет выявить причины и источники становления и развития казачества, понять сущность этого социального феномена. Такое рассмотрение также даёт возможность выявить, сформулировать и классифицировать ценности бытия казаков, проследить динамику развития этих ценностей, позволившую казачеству влиять на другие социальные общности. Социально-философский подход позволяет уточнить определение этой

социальной общности, которая на определенном этапе развития страны получила статус сословия.

Отметим, что процесс становления казаков на Руси начался тогда, когда, как отмечает В. Чивилихин, в ней наличествовали: «...феодалная раздробленность, малочисленность дружин и ратей, большие труднопреодолимые расстояния для оповещения и сборов войск...» [16, с. 194]. Правда, при этом, как утверждает М.Н. Тихомиров, «...мы не знаем русского города, который сдался бы на милость победителя в это трудное для страны время» [14, с. 5].

Эти обобщения, основанные на исторических фактах, свидетельствуют о том, что острые социально-политические противоречия внутри страны соседствовали с собственным достоинством её граждан, с чувствами суверенности, независимости, презрения к врагам и готовностью жертвовать собой, но не сдаваться врагу. Это было своеобразное проявление патриотизма, сочетавшееся с ненавистью многих людей к собственным князьям, другим представителям власти в конкретных землях и в целом в стране.

Таков логически необъяснимый набор духовных ценностей, которыми руководствовались граждане нашей страны в тот период. Они принадлежали представителям разных народностей, социальных общностей, соблюдавших разные уклады жизни, проповедовавших разные религиозные воззрения.

Обратим внимание на географическое положение, в котором находилась наша страна в тот период. Практически со всех сторон она подвергалась экспансии и одновременно развивалась, укреплялась. Очевидно, что и в

формировании казачества как социального феномена проявляли себя две группы условий и факторов: а) группа объективных, обусловленных формированием российской государственности; б) группа субъективных, предопределенных личными качествами и устремлениями тех или иных субъектов.

В соответствии с таким подходом есть основание согласиться с позицией Е. Савельева, который считает, что социально-политические противоречия явились причиной и источником формирования такой социальной общности, как казачество. Он утверждает, что «...казачество, как лихие конники, с копьями и саблями – на суше и отважные мореходцы – на море, представляя передовой оплот великого славяно-русского племени, было известно, под тем или другим именем в глубокой древности, за много веков до Рождества Христова; что оно обитало почти в тех же местах, которые занимает и ныне; что оно в XII в. до Р. Х. на 30 кораблях с берегов Дона, Днепра и Днестра ходило на защиту Трои, потом часть его проникло в Италию, под именем гетов-русов, а впоследствии основало Рим; что, начиная с VI в. до Р. Х. и до XIII в. по Р. Х., оно наводило страх на персов и мидян, на греков и арабов; что оно боролось с татарскими ордами и в конце концов осталось победителем над всеми своими многочисленными врагами, на славу великих свободолюбивых предков и в наидание грядущему, несокрушимо и гордому потомству» [11].

Есть подтверждение тому, что некоторые социальные группы, а потом и общности, не желая покориться ни монгольским ханам, ни Великому кня-

жеству Литовскому, свободно жили на днепровских островах. Они не препятствовали поселению на этих островах русских, которые бежали от крепостного права. Смешавшись с ними и получив общее название «казаки», эти люди составили одну уникальную социальную общность. Такая социальная логика формирования казаков непротиворечиво объясняет тот факт, что в истории следующих времён появляются казаки: ордынские, азовские, ногайские и др.

Важной ценностью их бытия было то, что они являлись «вольными людьми». При этом эти «вольные люди» могли состоять и на службе у русских удельных князей и служить татарским ханам, где или составляли их охрану, или сопровождали ханских чиновников. Если же они находились в войсках, то составляли передовую конницу. По мнению В.Н. Татищева [13], казаки-первопроходцы осваивали и завоёвывали новые земли для нашей страны. Во времена военных действий они были наиболее мобильными и боеспособными подразделениями войск. При этом казакам доставались самые трудные и ответственные участки в боях.

Социально-политические предпосылки формирования казачества как социальной общности и её основной вид деятельности закреплялись в духовных и материальных ценностях, которыми руководствовались казаки. Например, в заповедях казаков находим:

1. превыше всего казачья воля и народоправство;
2. честь и доброе имя для казака дороже жизни;
3. казаки все равны в своих правах;

4. служи верно своему народу, а не вождам;

5. держи слово;

6. чти старших, уважай старость. Власть же стариков – не от силы, а от авторитета и мудрости;

7. держись веры предков, поступай по обычаям;

8. погибай, а товарища выручай;

9. будь трудолюбив, не бездействуй;

10. береги свою семью, служи ей примером [6].

В этих заповедях просматривается содержание высочайшей патриотической культуры бытия всех народов России, но сконцентрированной в одной социальной общности. Выходило, что казачество – это «братство» людей, проживающих в нашей стране и объединённых особым состоянием духа, нравственности и морали. При этом у них сформировалась своя культура бытия, своя история взаимоотношений с государственной властью.

Казаки всегда служили родной земле, однако доминирующими ценностями казачьего бытия всегда выступали казачья свобода (воля) и народоправство (прямое или представительское народовластие) [12]. Так как казачество как социальная общность складывалось в разных регионах страны, естественно, у казаков разных территорий формировались и свои отличительные признаки. Однако бытие казаков в самых разных его проявлениях всегда существенно отличалось от бытия населения других российских территорий. В дальнейшем с развитием российской государственности, изменением хозяйственной деятельности в стране стал изменяться и их социальный статус. Казаки стали превращаться в сословие.

На основе рассмотренного выше можно утверждать, что казаки формировались как историческая социальная общность людей разного этнического состава, единение которой обуславливалось интересами воинской деятельности, предполагающей защиту себя и страны, что обеспечивало им реализацию их «вольницы» и народоправства. Что же касается достижения казаками статуса сословия, то, как отмечал В.О. Ключевский, оформление сословий в России началось с середины XVI в., совпав по времени с процессом централизации власти в государстве [7]. Одновременно с этим в стране начинают созываться земские соборы, участниками которых вместе с представителями бояр, дворян и духовенства становятся представители посадов, а на соборе 1613 г. – представители черносошного крестьянства.

Путь казаков к достижению сословного статуса и, естественно, утверждению в их жизнедеятельности определённых прав, обязанностей и ценностей происходил достаточно сложно. Как отмечалось выше, определяющее значение в жизни казаков играла война, военные действия. Это был существенный признак данной социальной общности. Естественно, что добытые в ходе боевых действий трофеи становились для казаков одним из главных источников существования. Все захваченное в боях становилось общей собственностью – дуваном, делёж которого проходил после окончания похода. При этом доля каждого казака прямо зависела от его вклада в боевые успехи, участия в казачьем самоуправлении и походных делах. Если же казак погибал в походе, его родные получали причитающуюся ему долю.

Другими формами получения жизненного блага вольными казаками являлись охота, рыболовство, животноводство. Образно говоря, они жили «с травы и воды». Известно, что вплоть до начала XVIII в. в некоторых казачьих войсках заниматься земледелием запрещалось.

Дополнительные блага казаки могли получать от государственной власти. Но их взаимоотношения с российской властью были двойственными. Первоначально они строились по принципу некоторой суверенности, при том что казаки и власть выступали против одного противника. И в этом случае они являлись союзниками. В этом союзе государство являлось ведущим партнёром и играло главную роль, поскольку располагало значительно большими, чем казаки, ресурсами. Для успешного выполнения задач, стоящих перед государственной властью, московские цари ежегодно посылали отдельным войскам казаков подарки, деньги, вооружение и боеприпасы, продовольствие. При этом все отношения между государственной властью и казаками происходили через Посольский приказ, т. е. как с иностранным государством. На основе таких отношений между казаками и государственной властью последняя в своих внешнеполитических подходах представляла казачество в значительной степени как независимого партнёра.

Но как только казаки начинали действовать вразрез с интересами государственной власти, она прекращала помогать казачеству. Практически непрерывное недовольство государственной власти по отношению к казакам вызывали несколько процессов: а)

постоянный «уход» подданных власти в казачьи области, где в определённой степени действовали демократические порядки: все равны; нет властей; нет налогов; б) мощные антиправительственные выступления казаков на протяжении XVII–XVIII вв. Из его рядов вышли предводители многочисленных казацко-крестьянских восстаний, названных в советской историографии крестьянскими войнами. Значительную роль сыграли казаки в Смутное время в начале XVII в. Встав на сторону Лжедмитрия I, они стали значительной частью его войск. Однако на Земском соборе 1613 г. поддержка казачьих атаманов стала решающей при избрании царем Михаила Романова.

С учётом всех сторон жизнедеятельности казаков российская государственная власть, учитывая важнейшую их роль как военной силы в пограничных районах, проявляла долготерпение и стремилась подчинить их своей власти. Первым значимым шагом в этом направлении было принятие к концу XVII в. всеми казачьими войсками (последним – Войско Донское в 1671 г.) присяги на верность царю. Как следствие, казаки из добровольных союзников превратились в российских подданных. А с включением юго-восточных территорий в состав России казачество осталось лишь особой частью российского населения, постепенно потеряв многие свои демократические права и завоевания.

И уже с XVIII в. государство постоянно регламентировало жизнь казачьих областей, модернизировало в нужном для себя русле традиционные казачьи структуры управления, превратив их в составную часть административной системы российской им-

перии. Более того, с 1721 г. все казачьи части уже находились в ведении казачьей экспедиции Военной коллегии. В том же году Петр I упразднил выборность войсковых атаманов и ввёл институт наказных атаманов, назначаемых верховной властью.

Последних остатков своей «вольницы» как отличительной ценности казачьей социальной общности казаки были лишены в 1775 г. после разгрома отрядов Е. Пугачёва. Тогда же Екатерина II ликвидировала Запорожскую Сечь. А в 1798 г. по указу Павла I все казачьи офицерские чины были приравнены к общеармейским. Правда, при этом их обладатели получили права на дворянство.

В 1802 г. было разработано первое Положение для казачьих войск. С 1827 г. августейшим атаманом всех казачьих войск стал назначаться наследник престола. В 1838 г. был утверждён первый строевой устав для казачьих частей, а в 1857 г. казачество перешло в ведение Управления (с 1867 г. – Главного Управления) иррегулярных (с 1879 г. – казачьих) войск Военного министерства, с 1910 г. – в подчинение Главного штаба.

Таким образом, сформировались устойчивые обязанности казаков в отношении государственной власти. Они были закреплены в старинной казачьей поговорке: «Для того казак родится, чтоб царю на службе пригодиться». Его служба по закону 1875 г. продолжалась 20 лет, начиная с 18-летнего возраста: 3 года в подготовительном разряде, 4 на действительной службе, 8 лет на льготе и 5 в запасе. На службу каждый являлся со своим обмундированием, снаряжением, холодным оружием и верховой лошадью [5].

За подготовку и несение воинской службы отвечала казачья община (станция). Собственно служба, особый вид самоуправления и система землепользования как материальная основа были тесно взаимосвязаны и в конечном итоге обеспечивали стабильное существование казачества в качестве грозной боевой силы.

Главным собственником земли выступало государство, которое от имени императора отводило казачьему войску завоеванную кровью их предков землю на правах коллективной (общинной) собственности. Полученную землю войско, оставив часть на войсковой запас, делило между станциями. Станичная община от имени войска периодически занималась переделом земельных паёв (колебался от 10 до 50 десятин). За пользование наделом и освобождение от налогов казак и обязан был нести военную службу. Войско также выделяло земельные наделы и казакам-дворянам (пай зависел от офицерского чина) в потомственную собственность, но эти участки не могли продаваться лицам невойскового происхождения.

В XIX в. основным хозяйственным занятием казачества стало земледелие, хотя в разных войсках имелись свои особенности и предпочтения, например, интенсивное развитие рыболовства как основной отрасли в Уральском, а также в Донском и Уссурийском Войсках, охота в Сибирском, виноделие и садоводство на Кавказе, Дону и т. д. [1, с. 34–39].

В конце XIX в. в недрах царской администрации обсуждались проекты по ликвидации казачества. Накануне Первой мировой войны в России насчитывалось 11 казачьих Войск: Дон-

ское (1,6 млн чел.), Кубанское (1,3 млн чел.), Оренбургское (533 тыс. чел.), Забайкальское (264 тыс. чел.), Терское (260 тыс. чел.), Уральское (174 тыс. чел.), Сибирское (172 тыс. чел.), Амурское (50 тыс. чел.), Семиреченское (45 тыс. чел.), Астраханское (40 тыс. чел.), Уссурийское (35 тыс. чел.) и два отдельных казачьих полка. Они занимали 65 млн десятин земли с населением 4,4 млн. чел. (2,4% населения России), в том числе 480 тыс. служилого состава. Среди казаков в национальном отношении преобладали русские (78%), на втором месте были украинцы (17%), на третьем буряты (2%). Большинство казаков исповедовало православие, среди них имелся большой процент старообрядцев (особенно в Уральском, Терском, Донском Войсках), а национальные меньшинства исповедовали буддизм и мусульманство. В целом сословие казаков к концу XIX в. насчитывало 2829 тыс. чел., что составляло 2,34% от общего населения страны [9].

В рамках своего сословного статуса казаки имели определённые права и обязанности, которые доступнее всего раскрыть в ответе на следующие вопросы:

1. *Приобретался ли статус казака по рождению?* Да, казаками по рождению были исключительно дети казаков.

2. *Как человек мог получить этот сословный статус?* Мещанин или крестьянин мог уволиться из своего мещанского общества и вступить в станичное казачье общество.

3. *Как человек мог потерять этот сословный статус?* Лица, получившие высшие права состояния (но не офицерские чины в казачьем войске), вы-

ходили из казачества. Незамужние дочери казаков продолжали оставаться в казачьем обществе пожизненно.

4. *Можно ли было выйти из сословия по собственному желанию?* В принципе, казаки, по возрасту уже не имевшие обязанностей казачьей военной службы, могли перейти в мещанство и в крестьянство.

5. *Требовалось ли согласие членов сословия на вступление в него?* Для лиц, вступавших в станичное общество из казаков других обществ, крестьян и из мещан, требовалось согласие общества (приёмный приговор) и согласие военного казачьего начальства. На практике ни казачьим обществам, ни военным начальникам не были нужны новые казаки. Крестьяне, селившиеся на землях казачьих войск, получали статус иногородних, т. е. оставались обыкновенными крестьянами.

6. *Можно ли было одновременно находиться в другом сословии?* У донских казаков имелось отдельное торговое казачье общество, члены которого, по существу, являлись купцами, не имели обязательства военной службы и платили за это повышенные налоги. Офицеры и генералы казачьих войск, а также духовные лица, при наличии оседлости в станицах, были членами станичных обществ, имея при этом дворянство или принадлежа к духовенству.

7. *Имелось ли у казаков сословное самоуправление?* Казаки имели двухуровневое самоуправление. Нижним уровнем был хутор с хуторским атаманом, более или менее соответствовавший селению. Верхним уровнем была станица со станичным атаманом, более или менее соответствовавшая церковному приходу. Все должностные лица

казачьего самоуправления были выборными, кроме того, наиболее важные решения принимались напрямую хуторскими сходами, в которых участвовали все домохозяева, и станичными сходами, в которых принимали участие выборные по участкам.

8. *Существовали ли обязательные сословные сборы?* Да.

9. *Кто вёл регистрацию членов сословия?* Станичный атаман.

10. *Было ли у казаков сословное учреждение опеки?* У казаков была казенная Окружная опека, к ведомству которой относились жители всех сословий.

11. *Каковы особые условия военной службы казачества?* Казаки не подлежали всеобщей воинской повинности, при которой поступающие на службу выбирались из общей массы не имевших отсрочек и здоровых призывников по жребию. Вместо этого часть из них отбиралась на действительную службу начальством, а часть проходила службу по льготе, т. е. дома, занимаясь своим хозяйством, но в состоянии повышенной мобилизационной готовности, с обязанностью проходить сборы и учения. Казаки, в отличие от призывников, за свой счёт обеспечивали себя конем, обмундированием и амуницией.

12. *Каков был допуск казаков к государственной службе?* До 1906 г. казаки-недворяне не могли поступать на государственную службу. При наличии образовательного ценза (среднее или высшее образование) на государственную службу могли поступать лица всех сословий, но для казаков требовалось согласие военного начальства.

13. *Как осуществлялось участие казаков в земском самоуправлении?* В губерниях, где были казачьи войска,

не было земств. Область Войска Донского была губернией особого типа, в которой казачье военное управление и губернское управление для всех сословий были совмещены, в ней также не было земства.

14. *Как осуществлялось участие казаков в городском самоуправлении?* Казаки участвовали в городских выборах, только если они владели цензовым имуществом в городах, на равных основаниях и вместе со всеми другими сословиями.

15. *Как участвовали казаки в выборах в Государственную Думу?* В тех губерниях, где имелись казачьи войска, и в Области Войска Донского казаки образовывали отдельную избирательную курию. В некоторых губерниях и областях выборщики от казачьей курии вливались в общий избирательный съезд, а в некоторых выбирали отдельных депутатов от казачества; таких депутатов было всего шесть.

16. *Участвовали ли казаки в выборах в Государственный Совет?* Не участвовали.

17. *Имело ли казачество привилегированный доступ к образованию?* Нет.

18. *Имело ли казачество привилегированный доступ к хозяйственной деятельности?* Все члены казачьего сословия располагали паем в пользовании общественной станичной земель, у офицеров был увеличенный пай. Станичная паевая земля, переданная в пользование казаку, не могла быть продана или передана никому, кроме казака той же станицы.

19. *Каковы особенности судопроизводства у казаков?* Казаки имели собственный сословный выборный станичный суд, занимавшийся разбором мелких споров и малозначительных

правонарушений до простой мелкой кражи включительно. Суд не имел обязанности следовать общему гражданскому праву и мог пользоваться местными обычаями [3].

Важным было и то, что казаки, по своему сословному статусу являясь социальной опорой самодержавия, получали бесплатное медицинское обслуживание и бесплатное образование. В то время, когда они не несли службы, казаки занимались земледелием, чему способствовало право каждого мужчины-казака на надел в 30 десятин земли.

Рассмотренные компоненты становления казаков как социальной общности и превращение их в сословие позволяют сделать выводы.

Во-первых, причинами возникновения казаков на Руси и в России были социально-политические противоречия, главными из которых были военные, объективно «сопровождающие» процесс становления и развития российской государственности и требующие их разрешения посредством использования квалифицированно подготовленных воинских подразделений.

Во-вторых, объективно в состав казаков входили все этнические и другие общности, которые проживали на территориях Руси и России с наибольшими военными конфликтогенными показателями.

В-третьих, сущность такой социальной общности, как казаки, была заключена в их социальной готовности осуществлять эффективные военные действия против агрессора.

В-четвёртых, объективно-субъективный переход казаков на службу русскому государю преобразовал их в сословие с соответствующими обязанностями перед властью и определёнными правами.

Таким образом, казаки как сословие – это исторически сформировавшаяся большая социальная общность людей разного этнического состава, занимающая определенное статусное положение в иерархической структуре российского общества и обладающая своими обязанностями, правами, привилегиями за несение обязательной службы, закрепленными в законе и передаваемыми по наследству.

Наряду со всеми перечисленными обязанностями и правами казаки, приобретшие статус сословия и форму существования как казачество, сформировали и закрепили в своей жизнедеятельности определённые материальные и духовные ценности, которые во многом диктовали им отношение к другим социальным общностям, к государственной власти и к самим себе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быт Русской Армии XVIII – начала XX века / авт.-сост. С.В. Карпущенко. М.: Военное издательство, 1999. 366 с.
2. Гордеев А.А. История казаков в 4 т. Т. 1: Золотая орда и зарождение казачества. М.: Страстной бульвар, 1992. 173 с.
3. Ерохов И. Как была устроена сословная система в царской России. Казачество [Электронный ресурс] // D3: [сайт]. URL: <https://erohov.d3.ru/kak-byla-ustroena-soslovnaia-sistema-v-tsarskoi-rossii-kazachestvo-1245981> (дата обращения: 28.09.2017).
4. Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю [Электронный ресурс] // Литература и жизнь: [сайт]. URL: http://dugward.ru/library/ilovayskiy/ilovayskiy_nachalo_rusi.html (дата обращения: 28.09.2017).
5. Казаки // Военная энциклопедия / под ред. В.Ф. Новицкого. В 18 т. Т. 11. Инкерман – Кальмар Зунд. СПб.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1913. С. 273–278.
6. Казачьи заповеди [Электронный ресурс] // Русские казаки: [сайт]. URL: <http://russkie-kazaki.ru/kazachii-zapovedi> (дата обращения: 28.09.2017).
7. Ключевский В.О. История сословий в России [Электронный ресурс] // Литература и жизнь: [сайт]. URL: http://dugward.ru/library/kluchevskiy/kluchevskiy_ist_sosloviy.html (дата обращения: 28.09.2017).
8. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1998. 510 с.
9. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года: в 89 томах / под ред. Н.А. Тройницкого [Электронный ресурс] // Wikimedia commons: [сайт]. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C_%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%8F_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%98%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8_%D0%B2_89_%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%85 (дата обращения: 28.09.2017).
10. Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2012. 448 с.
11. Савельев Е.П. История казачества с древнейших времён до конца XVIII века. Историческое исследование в 3 ч. Ч. I. Предки казачества. Новочеркасск, 1915 [Электронный ресурс] // Старые донские дороги Евграфа Савельева: [сайт]. URL: <http://passion-don.org/history-1.html> (дата обращения: 28.09.2017).

12. Слобожанинов М. Народоуправство и трудовое начало в исторических формах трудовых артелей. М.: Белые альвы, 2013. 48 с.
13. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времён. К. 5 [Электронный ресурс] // Альтернативная наука: [сайт]. URL: http://www.vixri.com/d2/V.N.TATISHEV%20-%20ISTORIJa%20ROSSIJSKAJa_Tom%20V.pdf (дата обращения: 28.09.2017).
14. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. 2-е изд. перераб. и дополн. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 475 с.
15. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. 3-е изд., дополн. М.: ИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991. 320 с.
16. Чивилихин В. Память: в 2 кн. Кн. 2. М.: Профиздат, 1988. 684 с.

REFERENCES

1. Karpushchenko S.V., ed. *Byt Russkoy Armii XVIII – nachala XX veka* [The life of the Russian army in the XVIII to the beginning of the XX century]. Moscow, Military publishing house Publ., 1999. 366 p.
2. Gordeev A.A. *Istoriya kazakov: v 4 t. T. 1: Zolotaya orda i zarozhdeniye kazachestva* [History of the Cossacks: in 5 vols. Vol. 1: the Golden Horde and the emergence of the Cossacks]. Moscow, Strastnoi bul'var Publ., 1992. 173 p.
3. Erokhov I. [How was organized by a class system in tsarist Russia. The Cossacks]. In: D3. Available at: <https://erohov.d3.ru/kak-by-la-ustroena-soslovnaia-sistema-v-tsarskoi-rossii-kazachestvo-1245981/> (accessed: 28.09.2017).
4. Ilovaiskii D.I. [Researches on early Russia. Instead of introducing in Russian history]. In: *Literatura i zhizn'* [Literature and life]. Available at: http://dugward.ru/library/ilovayskiy/ilovayskiy_nachalo_rusi.html (accessed: 28.09.2017).
5. [Cossacks]. In: *Voyennaya entsiklopediya: v 18 t. T. 11. Inkerman – Kal'mar Zund*. [Military encyclopedia in 18 vols. Vol. 11. Inkerman – Kalmar Sund]. St. Petersburg, Tip. t-va I.D. Sytina Publ., 1913. 322 p.
6. [Cossack commandments]. In: *Russkie kazaki* [Russian Cossacks]. Available at: <http://russkie-kazaki.ru/kazachii-zapovedi> (accessed: 28.09.2017).
7. Klyuchevskii V.O. [History classes in Russia]. In: *Literatura i zhizn'* [Literature and life]. Available at: http://dugward.ru/library/kluchevskiy/kluchevskiy_ist_sosloviy.html (accessed: 28.09.2017).
8. Mininkov N.A. *Donskoye kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 g.)* [Don Cossacks in the late middle ages (before 1671)]. Rostov-on-Don, Publishing house of Rostov University Publ., 1998. 510 p.
9. *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 goda* [The first General census of the Russian Empire in 1897]. In: *Wikimedia commons*. Available at: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B2%D0%B0%D1%8F_%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C_%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D1%8F_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%98%D0%BC%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8_%D0%B2_89_%D1%82%D0%BE%D0%BC%D0%B0%D1%85 (accessed: 28.09.2017).
10. Savelev E.P. *Drevnyaya istoriya kazachestva* [Ancient history of the Cossacks]. Moscow, Veche Publ., 2012. 448 p.

11. Savel'ev E.P. *Istoriya kazachestva s drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka. Istoricheskoye issledovaniye. Ch. I. Predki kazachestva* [History of the Cossacks from ancient times to the late eighteenth century. Historical study. P. I. The Ancestors of the Cossacks]. In: *Starye donskie dorogi Evgrafa Savel'eva* [Old Don road Yevgraf Savelyev]. Available at: <http://passion-don.org/history-1.html> (accessed: 28.09.2017).
12. Slobozhaninov M. *Narodopravstvo i trudovoye nachalo v istoricheskikh formakh trudovykh arteley* [The beginning of popular rule and labor in the historical forms of labor collectives]. Moscow, Belye al'vy Publ., 2013. 48 p.
13. Tatishchev V.N. [History of Russia since ancient times. B. 5]. In: *Al'ternativnaya nauka* [Alternative science]. Available at: http://www.vixri.com/d2/V.N.TATISHchev%20-%20ISTORIJa%20ROSSIJSKAJa_Tom%20V.pdf (accessed: 28.09.2017).
14. Tikhomirov M.N. *Drevnerusskiye goroda* [Old Russian cities]. Moscow, State Publishing House of Political Literature Publ., 1956. 475 p.
15. Khudyakov M.G. *Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva* [Essays on the history of the Kazan khanate]. Moscow, INSAN Publ., Sovet po sokhraneniyu i razvitiyu kul'tur malykh narodov Publ., SFK Publ., 1991. 320 p.
16. Chivilikhin V. *Pamyat': v 2 kn. K. 2* [Memory: in 2 b. B. 2]. Moscow, Profizdat Publ., 1988. 684 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комаров Алексей Павлович – ведущий советник отдела внутреннего финансового контроля и аудита Департамента контрольно-ревизионной деятельности и профилактики правонарушений Министерства образования и науки Российской Федерации;

e-mail: komarov_alexey11@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey P. Komarov – Leading Adviser of the Internal Financial Control and Audit Subdivision of the Department for Control and Audit Activities and Prevention of Offenses of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation;

e-mail: komarov_alexey11@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Комаров А.П. Социальные, политические и культурные предпосылки формирования казачества как социальной общности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 3. С. 37-48

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-37-48

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

Komarov A.P. Social, Political and Cultural Background of the Formation of Cossacks as a Social Community. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 3, pp. 37-48.

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-37-48

УДК 740

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-49-59

К ВОПРОСУ О ВОЛЕ И ДЕЙСТВИИ.**ЧАСТЬ 1. ВОПРОС О ВОЛЕ И ДЕЙСТВИИ В ЛИТЕРАТУРЕ****Мешкова А.В.***Московский технологический университет**107996, г. Москва, ул. Стромынка, д. 20, Российская Федерация*

Аннотация. В статье проведён обзор древних и современных литературных произведений о воле, о последствиях действий или пассивности, об опасности подчинения и стремления во что бы то ни стало поступать во всём по-своему; приводятся выводы западных и восточных философов о том, чему же посвящать свои действия; сравниваются западные и восточные ценностные установки и подходы к деятельности человека; прослеживаются изменения взгляда на человека и возможности его действий, произошедшие в разные эпохи. На основе изложенных в статье размышлений можно сделать вывод о необходимости ответственного и сознательного отношения к своим действиям, а в том числе даже и к бездействию, о необходимости делать выбор в своей жизни и о его последствиях. В статье были использованы исторический, сравнительный методы, методы диалектики и синтеза.

Ключевые слова: воля, свобода воли, действие, деятельность, пассивность, деяние, последствия деяний, западные и восточные ценностные установки.

TO THE ISSUE OF WILL AND ACTION.**PART 1. THE ISSUE OF WILL AND ACTION IN LITERATURE****A. Meshkova***Moscow Technological University**20, Stromynka st., Moscow, 107996, Russian Federation*

Abstract. The article reviews ancient and modern literary works about will, the consequences of actions or passivity, danger of subordination and desire to do everything in one's own way at all costs. The author analyses the views of western and eastern philosophers on the aim of human actions and compares western and oriental value orientations and approaches to human activity in historical perspective. On the basis of all these reflections it is concluded that humans should be conscious of and responsible for their actions, including even inaction, and the choice they make in their life.

Keywords: will, freedom of will, action, activity, passivity, the consequences of acts, eastern and western value orientations.

Сначала определим, что означают понятия *свобода, воля, деятельность*.

Свобода – «1. В философии: возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества. С. воли (философская категория, отражающая понятие свободы или предопределённости действий, поступков субъекта).

2. Отсутствие стеснений и ограничений, связывающих общественно-политическую жизнь и деятельность какого-н. класса, всего общества или его членов» [17].

Воля – «сознательная целеустремленность человека на выполнение тех или иных действий» [28, с. 57].

Деятельность – «форма активного отношения человека к окружающему его миру с целью преобразования» [16, с. 193].

*Много есть чудес на Свете,
Человек – их всех Чудесней*
Софокл «Антигона» [26, с. 299].

Наверное, многим приходило в голову, какое чудо – существование сознания и самосознания как представления о своём собственном «Я». Камень вряд ли обладает сознанием, обладают ли сознанием растения? Способны ли животные мыслить? Люди, которые держат в доме домашних животных, утверждают, что их питомцам, похоже, не достаёт только дара речи, чтобы доходчиво выразить своё мнение о нас. Считается, что поведение их обусловлено инстинктами (Микеланджело в картине «Сотворение мира» показывает, что Бог вдохнул в Адама именно разум, способность осознавать свои действия, что и отличает человека от животного. Этот вывод подтверждает и сходство между

тенью, окружающей Бога и ангелов на фреске «Сотворение Адама» Сикстинской капеллы, и очертаниями головного мозга, на которое указал в 1990 г. доктор Фрэнк Линн Мешбергер. Микеланджело изучал анатомию человека, и сходство не является случайным).

Конечно, можно задать вопрос: почему автор начинает статью о Человеке именно с «Я»? Дело в том, что только у себя мы можем наблюдать существование сознания. Остальное же остаётся «вещью в себе». Размышления по этому поводу изложены Браманом Чаттерджи: «Начнём с анализа нашей собственной природы. Мы увидим вскоре, что во всей Вселенной, в нас самих, мы знаем одно: Движение. “Вещь в себе”, как сказал бы Кант, мы не можем постигнуть с помощью наших чувств. Когда мы начинаем исследовать окружающие объекты, видим, что они не имеют, как таковые, абсолютно никакой реальности. Всё, что мы видим, имеет не более как относительное значение, меняющееся сообразно условиям нашего восприятия. Сущность же вещей остаётся для нас неизвестной.

Чтобы познать эту Сущность, человек должен познать самого себя. Это предвидели великие Учителя всех стран и народов. Сократ говорил: “Познай самого себя”; это изречение предлагает начинать Истинное познание с глубокого изучения нашей собственной природы. В этом же смысле наш Великий Учитель Христос завещал своим ученикам искать «Царство Божие внутри себя...» [3, с. 11].

«Движение производится всегда силой; силу же мы можем познать только в себе самих и нигде больше, всё остальное – только гипотеза. Ваше собственное сознающее существо – един-

ственная двигательная сила, которую вы можете знать реальным образом. Так, моя рука движется, а моё внутреннее сознание говорит, что это я двигаю моей рукой. Движение это произведено не самим этим движением, а мною. Вот единственное истинное познание движения, производимого силой.

Исходя из этого внутреннего познания, вы одаряете природу силой, которая производит другие движения, объекты вашего восприятия; и тут вы начинаете строить произвольные гипотезы» [3, с. 28].

Так что же такое – человек? Что такое – «я»? Каждый, наверное, когда-нибудь задавался вопросом: какое чудо существование «самосознания», что это такое, что отсутствует у неодушевленных предметов?

Один из героев С. Кьеркегора ставит похожие вопросы: «Где я? Что значит сказать – мир? Каково значение этого слова? Кто заманил меня сюда и покинул здесь? Кто я? Как я оказался в мире? Почему меня не спросили, почему не познакомили с его правилами и обычаями, а просто всунули в него, как будто я был куплен у продавца душ? Как я оказался вовлечённым в это громадное предприятие, называемое действительностью? Разве это не дело выбора?.. Кому я могу пожаловаться?» [12, с. 116].

Во времена Средневековья взгляд на сущность человека был весьма пессимистичным и человека называли «сосудом греха»; в эпоху Возрождения его воодушевленно объявили «венцом творения».

Человек – это чудо, несомненно; будь он творением Бога или эволюции, действующее существо с сознанием, с дарованными ему возможностями,

со способностями к действию более широкими, чем у животного. Э. Дюркгейм пишет, что животное ограничено своими инстинктами, мы можем предсказать его действия, в какую бы среду оно ни попало, – у человека, несомненно, возможности шире [9].

Другими словами, человек – это сознание, обладающее дарами пяти чувств: слышать, видеть, осязать, обонять, – обладающее даром речи, движения, способное осмысливать информацию и, в свою очередь, не только воспринимать, но и влиять на окружающую его действительность. Существует мнение, что фраза из Священного Писания «Бог создал человека по образу Своему и подобию» [2, Быт. 1: 26–27], возможно, означает, что человек, как и его создатель, способен «творить».

«Творить», – как поясняет словарь Ожегова – означает: «1. творчески создавать (высок.)» или «2. делать, совершать (какие-либо поступки), осуществлять» [17].

Итак, человек – это чудо, сознание с дарованными ему в этом мире физическими возможностями действовать согласно своей воле или подчиняясь чужой. Причём сначала, в детстве, мы неспособны сами осуществлять никакой своей воли. Нам для удовлетворения самых необходимых для жизнедеятельности потребностей, таких, например, как еда и одежда, нужна помощь матерей. Есть и примеры обратного, когда дети, оказываясь брошенными родителями, общаются в первые годы жизни только с животными (так называемые дети-маугли). Такие дети затем отстают в развитии (если выживают и возвращаются к людям). Возможно только частичная социализа-

ция и адаптация такого человека после его возвращения в человеческое общество. Эти печальные примеры подтверждают вывод Г. Гегеля, что человек во многом – продукт общества [5].

Как же мы распорядимся своими дарами в дальнейшем?

Наверное, логично было бы творить прекрасное, в идеале в самом широком значении этого слова. Иначе, какой смысл вообще в каком-либо деянии? Вместо прекрасного можно стремиться к благу, к любви, к счастью, к познанию, достатку, полезному. В диалоге Платона «Пир» Сократ определяет: *«Счастливые счастливы потому, что обладают благом»* [19, с. 201].

Однако возникают некоторые проблемы даже при самых лучших устремлениях на пути к прекрасному. Во-первых, это вопрос средств: иезуитам приписывают фразу *«цель оправдывает средства»* [4]. С этим спорит небезызвестная поговорка *«благими намерениями вымощена дорога в ад»*. А если не учитывать морально-духовного аспекта, всё равно дурные средства на пути к прекрасному могут привести нас к безобразию. *«Безобразие»*, – как объяснила Сократу, по его словам, мантийянка Диотима (пророчица из города Мантинеи, «чтимая Зевсом»), – это неподходящее для всего божественного, тогда как прекрасное – подходящее» [20, с. 117].

Если пренебрегать средствами, можно в стремлении к познанию уподобиться известным учёным-врачам концлагерей Йозефу Менгеле и Исии Сиро, которые ради науки, как они считали, убивали людей. Йозеф Менгеле у заключённых концлагеря, в котором работал, получил прозвище «Ангел смерти». Оправдание для себя

они видели в том, что ставили опыты на врагах (тут можно вспомнить диалог Сократа об относительности понятия справедливости и о том, что каждая из воюющих сторон считает себя правой). Так и нацистская идеология: считать свою национальность лучшей, распоряжаться судьбами других, конечно, всем льстит, но в этом присутствуют гордыня и эгоизм в масштабе целой народности.

Л.Н. Толстой писал, что человек не должен быть для других средством достижения своих целей и решения своих проблем [27]. Об этом же сказано и у А.С. Пушкина в Евгении Онегине:

*Мы почитаем всех нулями,
А единицами, – себя.*

Мы все глядим в Наполеоны;

Двуногих тварей миллионы

Для нас орудие одно... [22, с. 213].

Такой подход представлен в сказке Отфрида Пройслера «Крабат» [20], где хозяин мельницы, колдун, продлевает своё существование за счёт жизней оставшихся во время войны без родителей детей (сейчас это можно было бы сравнить с продажей молодых здоровых людей на органы). Этому в произведении противопоставлена любовь главного героя и его возлюбленной, готовность пожертвовать собой ради другого.

Христианская религия проповедует в жертву приносить себя из любви к другим, а язычество и сатанизм, наоборот, приносить в жертву себе других.

Как было замечено выше, проблема состоит ещё и в том, что в большинстве случаев мы не можем предсказать последствия тех или иных наших действий. А если и можем ещё предсказывать и планировать своё поведение в случае особой сознательности, пред-

сказать поведение других людей или изменения обстоятельств не представляется возможным. Отсюда появилось ещё одно небезызвестное выражение: *«Планировать что-либо значит пытаться рассмеить Бога»*. Отчего произведение А. Шопенгауэра, посвящённое человеческим желаниям и воле, исполнено небезызвестного пессимизма? В «Афоризмах житейской мудрости» он пишет: «Все мы ... вступаем в жизнь, исполненные притязаний на счастье и наслаждение, и питаем пустую надежду осуществить их на деле. Обыкновенно в скором времени является судьба, грубо налагает на нас свою руку и доказывает нам, что здесь нет ничего нашего» [30, с. 280]. Наши действия вместо блага могут в дальнейшем привести к противоположному, и, наоборот, то, что казалось ранее по незнанию недостойным нас, окажется недостаточно рассмотренным, а некоторые наши размышления покажутся впоследствии нам же наивными. Точнее, мы можем получить то, на что рассчитывали, не усмотрев других сторон желанного нами предмета, не говоря уже о непредсказуемости будущих обстоятельств. Не случайно народная мудрость гласит: *«За что боролись, на то и напоролись»*; или знаменитая французская поговорка многовековой давности *«Лучшее – враг хорошего»*.

Наиболее активным временем жизни человека считается юность, не обладающая ни опытом, ни знаниями. Поэтому Шопенгауэр в своём произведении о воле приводит изречение Аристотеля из «Этики Никомаха»: *«Мудрец стремится не к приятному, а к беспечальному»* [30, с. 277]. «Не искать себе проблем», – советует нам и Эпикур [31].

Но в пике им вспоминается сказка «Премудрый пескарь» М.Е. Салтыкова-Щедрина [24]. Не жизнь ли этой рыбки проповедуют умудрённые опытом старцы? Или приходит на ум произведение А.П. Чехова «Человек в футляре» [29], в которого мы можем превратиться, внимая мудрым учениям.

Проблема человеческой деятельности и её последствий обсуждалась ещё в древневавилонском произведении «Разговор господина с рабом» [23, с. 204–208]. Этот произведение является примером древнейшей диалектики. Его смысл явно сходен с мнениями древнегреческих философов-софистов о непредсказуемости последствий деяний человека и относительности всего. В этом диалоге прослеживается дуализм суждений, мнений и оценок. Недаром одними из символов древнего мира были и двуликое изображения бога и лабрис (секира), обращенные в противоположные стороны. В этом диалоге усматривается проявление древнего пессимизма и прослеживаются параллели с книгой Экклезиаста [2].

О том же, о непредсказуемости жизни и стихотворение И. Гёте «Vanitas! Vanitatum vanitas!» (Суета! Суета сует! [лат.]) [6], которое было написано как пародия на церковный гимн некоего Иоганнеса Папуса «На Бога сделал ставку я».

Подобное пессимистическое мнение о тщетной суете людей также выражено в пьесе А.Н. Островского «Гроза» в монологе странницы Феклуши, кажущемся поначалу таким же глупым, как и её рассказы о странах или льстивые речи: «Ведь это суета! Вот хоть бы в Москве; бегают народ взад да вперёд неизвестно

зачем. Вот она суета-то и есть. Суетный народ, матушка Марфа Игнатьевна, вот он и бежит. Ему представляется-то, что он за делом бежит; торопится, бедный: людей не узнает, ему мерещится, что его манит некто; а придёт на место-то, ан пусто, нет ничего, мечта одна. И пойдёт в тоске» [18].

Другая проблема, к которой может привести вроде бы похвальная сила воли, обсуждается в повести Н.С. Лескова «Железная воля». В ней рассказывается о немце, который, «как все люди, желающие во что бы то ни стало поступать во всём по-своему, сами того не замечают, как становятся рабами чужого мнения» [14, с. 238].

О непредсказуемости последствий человеческих действий говорит и восточная современная литература, например рассказ известного иранского писателя Мохаммада Али Джамаль-заде «Браки бывают разными» [7].

В известном диалоге Сократ сомневается, способны ли мы вообще определить, что является благом даже для себя, не говоря уже о других, ведь для того чтобы действовать, изъявлять свою волю, что-то желать, надо сначала определить, куда двигаться и что нам надо, желательно и предвидеть, к чему это приведёт [11, с. 115–127].

Нашей «слепоте» посвящена картина Питера Брейгеля Старшего «Слепые»: слепые, держась друг за друга, идут вслед за поводырем, который, к сожалению, тоже слеп и летит уже в пропасть, остальные ещё не видят этого, но им уготована такая же участь вслед за своим вождем.

Символично, что в древности многие прорицатели и пророки тоже были слепыми (например Гомеру приписывают слепоту), а безумные считались

блаженными и прозорливыми (отмечает в своих работах М. Фуко) в знак «слепоты» зрячих и «безумия окружающего мира» (как написано в Новом Завете). «Осознай себя», – звучит призыв в древнегреческой пьесе Софокла «Царь Эдип». Главный герой этой пьесы, прозревая морально, осознав свою греховную жизнь, ослепляет себя в наказание и в знак своей прежней духовной «слепоты». Тиресий, слепой провидец, сообщает ему:

*Мою ты слепоту коришь, но сам
Хоть зорек ты, а бед своих не видишь...* [25].

Исходя из вышеописанных рассуждений о непредсказуемости и, возможно, поэтому даже о вреде необдуманных действий (проявления своей воли, желаний) человека, можно понять, почему один православный старец, пропустивший свой обед из-за посетителей, на их вопрос, не жалеет ли он об этом, ответил: «Для меня является высшим благом своей воли не иметь».

И древнекитайский мудрец Лао-цзы [13] призывал к бездеятельности и следованию природе.

Нельзя, однако, здесь не упомянуть, что подчинение имеет и отрицательную сторону, что показано в знаменитых экспериментах Аша и Милгрэма [15] Это касается и исполнения социальных ролей, что было продемонстрировано в Стэнфордском эксперименте (некоторые могут возразить: «А если подчиняющиеся пойдут за преступником?»).

В православии это невозможно, ибо сначала человек должен учитывать волю Бога и не идти с ней вразрез.

Особую законопослушность немецкого народа отмечал английский писатель Джером Клапка Джером в своём

произведении «Трое на велосипедах» («Трое на четырёх колёсах»). Он писал: «О немцах можно с уверенностью сказать, что этот народ пойдёт в любое место, куда ему велят, и сделает всё, что ему прикажут» (что, видимо, и привело к «эффекту», описанному Зимбардо¹). Английский писатель подчёркивал послушность немца: «Немецкий обыватель – солдат, а полицейский – его командир».

«Немец слишком долго был солдатом, и тяга ко всему военному у него в крови».

«Удивительно, что человек безвольный, как малое дитя, стоит ему надеть мундир, становится разумным существом, способным принимать решения и проявлять инициативу. Немец может управлять, им могут управлять, но управлять собой он не способен. Каждого немца надо выучить на офицера, а затем отдать под свою же команду. Нет сомнений, он будет отдавать себе приказы, преисполненные мудрости и благорассудства, и сам же следить, чтобы они выполнялись точно и в срок» [8, с. 302].

«В Германии вы за себя не отвечаете. Всё делается за вас и делается хорошо. Вы можете о себе не беспокоиться, никто вас в этом не обвинит; заботиться о вас – долг немецкого полицейского».

«В безропотном, законопослушном немце наших дней, который с гордостью платит налоги и делает всё, что ему велят те, кого Провидение благоволило назначить ему в начальники, признаться, трудно найти какие-либо следы его мятежного предка» [8, с. 298].

¹ Зимбардо Филипп Джордж – американский социальный психолог, организатор знаменитого Стэнфордского тюремного эксперимента.

Сегодня, после двух мировых войн, изменились стереотипы, и интересно сравнить их с выводами того же Джерома после путешествия по Германии: «Немцы – хороший народ. В целом, наверное, лучший в мире: дружелюбный, бескорыстный, добрый. Я уверен, что подавляющее большинство немцев попадают в рай. И действительно, сравнивая их с другими христианскими нациями, невольно приходишь к выводу, что рай в основном немецкого производства» [8, с. 298].

Надо отметить, что свои известные опыты американский социальный психолог Стэнли Милгрэм стал проводить, впечатленный ответами нацистских преступников на суде, что они «только исполняли приказ».

Сегодня, после пребывания у власти в Германии нацистов во главе с Гитлером, кажутся особенно иронично-предсказательными слова Д.К. Джерома: «Формирование характера немца в этом направлении возложено, конечно же, на школу. Долг немца – постоянно учиться. Это светлый идеал, к которому должен стремиться любой народ. Но не будем спешить перенимать передовой опыт, прежде посмотрим, что такое “долг”. Немец понимает его как “слепое подчинение каждому, кто носит форменный мундир”. Это полная противоположность представлениям англосакса; а так как и англосаксы, и тевтоны процветают, в обоих подходах есть что-то положительное. До сих пор судьба благоприятствовала немцу – им исключительно хорошо управляли; если так и дальше пойдёт, то менять свои воззрения ему не придётся. Все беды начнутся, когда по каким-то причинам откажет машина управления. Но, может быть, в том-

то и заключается достоинство такого подхода, что он обеспечивает бесперебойные поставки хороших правителей, и, скорее всего, это действительно так» [8, с. 302].

Справедливости ради стоит добавить, что противопоставляемые писателем немцам англосаксы, в свою очередь, во время колонизации повели себя не лучшим образом с австралийскими аборигенами, индейцами [5, с. 23], или туземцами и бурами во время англо-бурской войны, создав первые концентрационные лагеря, так как

законом это не наказывалось. «То, что Колумб сделал с араваками Багамских островов, Кортес сделал с ацтеками в Мексике, Писарро – с инками в Перу, а английские поселенцы Вирджинии и Массачусетса – с поватенами и пекотами» [1]. Морально преступники оправдывали свои безобразия тем, что иные (темнокожие) расы «не имеют души» (как видно из произведения «Разговор господина с рабом» [23] разум способен найти рациональное оправдание для любого поступка).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартоломе де Лас-Касас. История Индии / пер. с исп.; подгот. изд. В.Л. Афанасьева и др. СПб.: Наука, 2007. 472 с.
2. Библия. Ветхий Завет [Электронный ресурс] // Библия. Синодальный перевод. URL: <https://planeta.one/bible/v.htm> (дата обращения: 27.09.2017).
3. Браман Ч. Сокровенная религиозная философия Индии: лекции, чит. в Брюсселе в 1898 г. / предисл., пер. с фр. Е. Писарева. Калуга: Тип. Губ. зем. упр., 1906. 109 с.
4. Всегда ли цель оправдывает средства [Электронный ресурс] // Этика: [сайт]. URL: <http://ethicscenter.ru/vsegda-li-cel-opravdyvaet-sredstva.html> (дата обращения: 27.09.2017).
5. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 480 с.
6. Гёте И.В. Vanitas! Vanitatum vanitas! [Электронный ресурс] // И.В. Гёте: [сайт]. URL: http://gete.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=sc_37 (дата обращения: 27.09.2017).
7. Джамаль-заде М. али. Браки бывают разными [Электронный ресурс] // Библиотека: [сайт]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A1/saedi-golamhosejn/persidskie-yumoristicheskie-i-satiricheskie-rasskazi> (дата обращения: 27.09.2017).
8. Джером К.Дж. Трое на четырёх колёсах: роман / пер. с англ. Н. Жаринцевой // Джером К.Дж. Избранные произведения: в 3 т. Т. 2. М.: Книжный куб книговец, 2012. 328 с.
9. Дюргейм Э. О разделении общественного труда [Электронный ресурс] // VRN Politstudies: [сайт]. URL: <https://vrn-politstudies.nethouse.ru/static/doc/0000/0000/0134/134389.28ords6d1k.pdf> (дата обращения: 27.09.2017).
10. Зинн Г. Народная история США: с 1492 года до наших дней. М.: Весь Мир, 2006. 879 с.
11. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе: сборник / пер., послесл. С.И. Соболевского. М.: Наука, 1993. 379 с.
12. Кьеркегор С. Повторение / пер. с дат. П. Ганзена. М.: Лабиринт, 2008. 203 с.
13. Лао-цзы. Лао Дэ Цзин [Электронный ресурс] // Библиотека Альдебаран: [сайт]. URL: <http://www.abhidharma.ru/A/Dao/Macter/Lao-Czy/0002.pdf> (дата обращения: 27.09.2017).
14. Лесков Н.С. Железная воля // Лесков Н.С. Левша. М.: Детская литература, 2015. 332 с.
15. Милгрэм С. Подчинение авторитету. Научный взгляд на власть и мораль [Электронный ресурс] // Ставрос: [сайт]. URL: http://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/submission_authority.pdf (дата обращения: 27.09.2017).

16. Новейший философский словарь / В.А. Кондрашов, Д.А. Чекалов, В.Н. Копорулина; под общ. ред. А.П. Ярещенко. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. 668 с.
17. Ожегов С.И. Словарь русского языка [Электронный ресурс] // Академик: [сайт]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (дата обращения: 27.09.2017).
18. Островский А.Н. Проза [Электронный ресурс] // Lib.ru: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0060.shtml (дата обращения: 27.09.2017).
19. Платон. Диалоги. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 503 с.
20. Платон. Сочинения: в 4 т. Т. 2. Федон. Пир. Федр. Парменид / пер. с древнегреч. С.А. Ананьина и др.; общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; авт. вступ. ст., ст. в примеч. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1999. 526 с.
21. Пройслер О. Крабат: легенды старой мельницы [Электронный ресурс] // Lib.ru: [сайт]. URL: <http://lib.ru/TALES/PROJSLER/krabat.txt> (дата обращения: 27.09.2017).
22. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1986. С. 186–353 с.
23. «Раб, повинуйся мне!..». Разговор господина с рабом / пер. с аккадского В. Якобсона // Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии. М.: Художественная литература, 1981. С. 204–208.
24. Салтыков-Щедрин М.Е. Премудрый пескарь [Электронный ресурс] // RuLit: [сайт]. URL: <http://www.rulit.me/books/premudryj-piskar-read-133248-1.html> (дата обращения: 17.09.2017).
25. Софокл. Царь Эдип [Электронный ресурс] // Lib.ru: [сайт]. URL: <http://lib.ru/ROEEAST/SOFOKL/edip.txt> (дата обращения: 27.09.2017).
26. Софокл. Эдип-царь. Эдип в Колоне. Антигона: трагедии / пер. с древнегреч. С. Шервинского, Н. Познякова. Калининград: Янтарный сказ, 2002. 383 с.
27. Толстой Л.Н. Исповедь [Электронный ресурс] // Lib.ru: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0440.shtml (дата обращения: 27.09.2017).
28. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова; 4-е изд. М.: Издательство политической литературы, 1980. 444 с.
29. Чехов А.П. Человек в футляре [Электронный ресурс] // RuLit: [сайт]. URL: <http://www.rulit.me/books/chelovek-v-futlyare-read-137646-1.html> (дата обращения: 17.09.2017).
30. Шопенгауэр А. Избранные произведения. М.: Просвещение, 1993. 479 с.
31. Эпикур. Главные мысли [Электронный ресурс] // RuLit: [сайт]. URL: <http://www.rulit.me/books/glavnye-mysli-read-196782-1.html> (дата обращения: 17.09.2017).

REFERENCES

1. Bartolomé de Las Casas. *Istoriya Indiy* [History of the Indies]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 472 p.
2. [The Bible. Old Testament]. In: *Bibliya. Sinodal'nyi perevod* [The Bible. Synodal Translation]. Available at: <https://planeta.one/bible/v.htm> (accessed: 27.09.2017).
3. Brāhmachārīn Ch. *Sokrovennaya religioznaya filosofiya Indii: lektzii, chit. v Bryussele v 1898 g.* [Secret religious philosophy of India: lectures which was read in Brussels in 1898]. Kaluga, Printing house of the provincial zemstvo council type Publ., 1906. 109 p.
4. [Is it always the end justifies the means]. In: *Etika* [Ethics]. Available at: <http://ethicscenter.ru/vsegda-li-cel-opravdyvaet-sredstva.html> (accessed: 27.09.2017).
5. Hegel G.W.F. *Lektzii po filosofii istorii* [Lectures on the philosophy of history]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 480 p.
6. Goethe J.W. *Vanitas! Vanitatum vanitas!* [Vanity! Vanity of vanities!]. In: *I.V. Gete* [Goethe]. Available at: http://gete.velchel.ru/index.php?cnt=6&rhime=sc_37 (accessed: 27.09.2017).

7. Jamalzadah M. Ali [Marriages are different]. In: *Biblioteka* [Library]. Available at: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A1/saedi-golamhosejn/persidskie-yumoristicheskie-i-satiricheskie-rasskazi> (accessed: 27.09.2017).
8. Jerome K.J. [Three Men on the Bummel]. In: *Izbrannyye proizvedeniya: v 3 t. T. 2* [Selected works: in 3 volumes. Vol. 2]. Moscow, Knizhnyi kub knigovek Publ., 2012. 328 p.
9. Durkheim E. *O razdelenii obshchestvennogo truda* [About the division of social labour]. In: *VRN Politstudies*. Available at: <https://vrn-politstudies.nethouse.ru/static/doc/0000/0000/0134/134389.28ords6d1k.pdf> (accessed: 27.09.2017).
10. Zinn H. *Narodnaya istoriya SShA: s 1492 goda do nashikh dney* [A People's History of the United States]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2006. 879 p.
11. Xenophon. *Vospominaniya o Sokrate* [Memories of Socrates]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 379 p.
12. Kierkegaard S. *Povtoreniye* [Repetition]. Moscow, Labirint Publ., 2008. 203 p.
13. Lao-Tzu. *Lao De Tszin* [Lao Te Ching]. In: *Biblioteka Aldebaran* [Library Aldebaran]. Available at: <http://www.abhidharma.ru/A/Dao/Macter/Lao-Czy/0002.pdf> (accessed: 27.09.2017).
14. Leskov N.S. [Iron will]. In: *Leskov N.S. Levsha* [Lefty]. Moscow, Children's literature Publ., 2015. 332 p.
15. Milgram S. *Podchinenie avtoritetu. Nauchnyi vzglyad na vlast' i moral'* [Submission to authority: Scientific opinion on power and morality]. In: *Stavros*. Available at: http://stavroskrest.ru/sites/default/files/files/books/submission_authority.pdf (accessed: 27.09.2017).
16. Yaremenko A.P., ed. *Noveyshiye filosofskiy slovar'* [The newest philosophical dictionary]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2005. 668 p.
17. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian language]. In: *Akademik* [Academician]. Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (accessed: 27.09.2017).
18. Ostrovskii A.N. *Groza* [Storm]. In: *Lib.ru*. Available at: http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0060.shtml (accessed: 27.09.2017).
19. Plato. *Dialogi* [Dialogues]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1998. 503 p.
20. Plato. *Sochineniya: v 4 t. T. 2. Fedon. Pir. Fedr. Parmenid* [Works in 4 volumes. Vol. 2. Fedon. Feast. Phaedrus. Parmenides]. Moscow, Mys' Publ., 1999. 526 p.
21. Preußler O. *Krabit: legendy staroi mel'nitsy* [Krabat: the legend of the old mill]. In: *Lib.ru*. Available at: <http://lib.ru/TALES/PROJSLER/krabat.txt> (accessed: 27.09.2017).
22. Pushkin A.S. [Eugene Onegin]. In: *Sobraniye sochineniy: v 3 t. T. 2*. [Collected works in 3 volumes. Vol. 2]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. Pp. 186–353 c.
23. ["Slave, obey me!..". The conversation of the master with the slave]. In: *Ya otkroyu tebe sokrovennoe slovo. Literatura Vavilonii i Assirii* [I will tell you the secret word. Literature of Babylonia and Assyria]. Moscow, Imaginative literature Publ., 1981. Pp. 204–208.
24. Saltykov-Shchedrin M.E. *Premudryi peskar'* [Wise fish]. In: *RuLit*. Available at: <http://www.rulit.me/books/premudryj-piskar-read-133248-1.html> (accessed: 17.09.2017).
25. Sophocles. *Tsar' Edip* [Oedipus the king]. In: *Lib.ru*. Available at: <http://lib.ru/POEEAST/SOFOKL/edip.txt> (accessed: 27.09.2017).
26. Sophocles. *Edip-tsar'. Edip v Kolone. Antigona: tragedii* [Oedipus-the king. Oedipus at Colonus. Antigone]. Kaliningrad, Yantarny Skaz Publ., 2002. 383 p.
27. Tolstoi L.N. *Ispoved'* [The confession]. In: *Lib.ru*. Available at: http://az.lib.ru/t/tolstoj_lew_nikolaewich/text_0440.shtml (accessed: 27.09.2017).
28. Frolov I.T. *Filosofskii slovar'* [Philosophical dictionary]. Moscow, Publishing house of political literature Publ., 1980. Pp. 57.

29. Chekhov A.P. *Chelovek v futlyare* [The person in the case]. In: *RuLit*. Available at: <http://www.rulit.me/books/chelovek-v-futlyare-read-137646-1.html> (accessed: 17.09.2017).
30. Schopenhauer A. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1993. 479 p.
31. Epicurus. *Glavnye mysli* [The main idea]. In: *RuLit*. Available at: <http://www.rulit.me/books/glavnye-mysli-read-196782-1.html> (accessed: 17.09.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мешкова Анна Валентиновна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Московского технологического университета;
e-mail: AVMeshkova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Meshkova – PhD in Historical Sciences, associate professor at the Department of Philosophy, Moscow Technological University;
e-mail: AVMeshkova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Мешкова А.В. К вопросу о воле и действии. Часть 1. Вопрос о воле и действий в литературе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 3. С. 49-59
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-49-59

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

Meshkova A.V. To The Issue of Will and Action. Part 1. The Issue of Will And Action in Literature. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 3, pp. 49-59
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-49-59

РАЗДЕЛ III. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-60-71

ФИЛОСОФЕМЫ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ XIX–XX ВВ. КАК ЭЛЕМЕНТЫ ТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Батурин В.К.¹, Песоцкий В.А.², Батурина И.В.²

¹ Независимый исследователь

² Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. В статье прослеживаются взаимосвязь и взаимообусловленность философемы и творчества в контексте познавательной деятельности. Путём анализа философем, содержащихся в духовном наследии выдающихся отечественных мыслителей – религиозных философов П.Я. Чаадаева, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и П.А. Флоренского – показано, как через осмысление феномена творчества открывается принципиальная возможность выхода на глубинное понимание самой сущности философем как необходимых элементов сложнейшего процесса познания. Анализу подвергнуты фрагменты текстов, суждения, умозаключения, концепции, включённые в произведения указанных авторов, в которых раскрываются масштаб и глубина мировоззренческих исканий означенного периода и одновременно просматривается многоуровневость самого понятия философемы, так как оно не связано с каким-то одним философским вопросом, а охватывает целый идейный спектр. Авторы приходят к выводу, что именно с помощью таких понятий, как символ, образ, иррационально-интуитивное начало, философема и др., можно как-то описать и зафиксировать смысловое поле, вектор развития и вербальную ткань подлинного творческого акта.

Ключевые слова: творчество, философема, познание, взаимообусловленность, мировоззрение.

THE PHILOSOPHEMES OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY OF THE 19TH–20TH CENTURIES AS ELEMENTS OF CREATIVE PROCESS

V. Baturin¹, V. Pesotskij², I. Baturina²

¹*Independent researcher*

²*Moscow Region State University*

10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation

Abstract. The article analyzes the interconnection and interdependence between a philosopheme and creative activity in human cognition. By analyzing the philosophemes in the literary works of Russian religious philosophers, such as P. Chaadaev, A. Khomyakov, I. Kireyevskij and P. Phlorenskij, the authors of the article demonstrate how the insight into creativity opens an opportunity of genuine comprehension of the philosopheme as a necessary tool of cognition. The body of studied material includes text passages, judgments, conclusions and concepts in the works of the mentioned authors whose extent of philosophical pursuit characterizes the period of the 19th –20th centuries. It is concluded that the philosopheme can be defined as a multi-layered phenomena not being connected with a particular philosophical issue but covering the whole spectrum of ideas and capable of describing the conceptual field, vector and verbal expression of a genuine creative act.

Key words: creativity, philosopheme, cognition, interdependence, worldview.

Понятие «философема» всё чаще употребляется в современных научных и философских исследованиях в своём главном и определяющем значении – некоего важного фрагмента целостной картины мира, обладающего потенциалом для решения фундаментальных вопросов познания и ценностного целеполагания. Здесь важно подчеркнуть, что философемы представляют собой результаты глубокой интеграции философского и нефилософского знания, полученные на основе использования определённых методологий и носящие ярко выраженный гипотетический и творческий характер [3]. Более того, в постижении сущностного содержания философем отчётливо может быть «просвечен» и сам процесс творческого развития различных идей, понятий, подходов, концепций, связей и отношений во всех аспектах познания: философском, на-

учном, методологическом, обыденном, интуитивном. В равной степени справедливо и другое утверждение: через осмысление феномена творчества открывается принципиальная возможность выхода на глубинное понимание самой сущности философем как базовых элементов этого сложнейшего процесса. Всё вышесказанное позволяет предположить, что такая взаимозависимость и взаимообусловленность, с одной стороны, философем, а, с другой стороны, феномена творчества сулит исследователю потенциальную возможность получения совсем нетривиальных результатов с далеко идущими выводами и обобщениями предельно общего, философского и мировоззренческого характера [4]. Такого рода работа выполнена нами на материале русской религиозно-философской литературы XIX–XX вв. [1]; сформулировано около 170 философем

40 русских религиозных философов: П.Я. Чаадаева, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, Ю.Ф. Самарина, Ф.А. Голубинского, Ф.Ф. Сидонского, В.Н. Карпова, П.С. Авсенева, С.С. Гогоцкого, А.М. Бухарева, В.Д. Кудрявцева-Платонова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Н.И. Пирогова, В.С. Соловьева, В.И. Несмелова, М.М. Тареева, А.И. Бровковича, П.Д. Юркевича, А.А. Козлова, С.А. Аскольдова, К.Н. Леонтьева, А.И. Спира, Л.Н. Толстого, П.Б. Струве, Е.Н. Трубецкого, С.Н. Трубецкого, Н.Ф. Федорова, П.И. Новгородцева, Б.П. Вышеславцева, Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского, И.А. Ильина, С.Л. Франка, Л.И. Шестова, А.Ф. Лосева, В.В. Зеньковского и др. Сразу же отметим, что ввиду ограниченности объёма статьи мы сосредоточимся только на четырёх персоналиях из великой плеяды русских религиозных философов указанного исторического периода – П.Я. Чаадаеве, А.С. Хомякове, И.В. Киреевском и П.А. Флоренском; об остальных постараемся рассказать в следующих своих работах.

**П.Я. Чаадаев: философия
провиденциализма как элемент
творческого процесса**

У этого замечательного русского философа можно отметить несколько особо важных философем, напрямую связанных с постижением сущности творчества. Первая и наиважнейшая здесь – *философема провиденциализма* как сугубо религиозное понимание хода человеческой истории, процесса творчества, всей судьбы и жизни человека, а фактически – *силы Творца*, сто-

ящего за Своим творением. Согласно этой главной философеме Чаадаева, все мироздание движется *Богом*, лишь вслед за которым выступает *человек* – фигура интересная и значимая только в единстве и связи с Творцом. Ведь, по мысли философа, каждый человек имеет «зародыш высшего сознания», который может придать земному облику нашей жизни надежду на полное обновление и духовное преображение. Именно поэтому творчество, согласно Чаадаеву, есть *встреча высшего, ищущего инобытия начала в самом человеке и исходящих от Бога смыслов* – духовных и провиденциальных по своей сути; подлинное творчество по своей интенции и природе обязательно *религиозно* [9].

Краткий анализ содержания первой философемы Чаадаева позволяет зримо увидеть подлинную *глубину* метафизической сути творчества в понимании мыслителя: *творчество* есть самое *непостижимое* и *сложное* деяние для человека, в котором от человека зависит только совсем немного – сам вектор устремления к вышнему; всё же остальное – развёртывание провиденциального замысла. В этом ключе следует трактовать и смысл известного положения Чаадаева о том, что всё благо, нами совершаемое, заключается лишь в нашей *способности подчиняться* какой-то неведомой силе.

Словами самого Чаадаева эта философема может быть выражена ещё более подробно и тонко: «Значительная часть (наших мыслей и поступков) определяется чем-то таким, *что нам отнюдь не принадлежит*; самое хорошее, самое возвышенное, для нас полезное из происходящего в нас *вовсе не нами производится*. Всё благо, какое

мы совершаем, есть прямое следствие присущей нам способности подчиняться неведомой силе» [8].

Следует, наконец, отметить, что в контексте философии провиденциализма Чаадаев внутренне подчёркивал, что никогда человек не сводится и не может сводиться к чисто животному началу, к жизни как некоему приспособлению к «миру сему», и это неизбежно влечёт признание *принципиальной неподвластности судьбы человека лишь ему самому*. По Чаадаеву, только невежество и буйство страстей заслоняют от нашего сознания такую глубинную истину, приводит к нашему неразумению нами действительно *главного и подлинного*; причём самым ярким примером такой слепоты человека выступает ... *западная философия индивидуализма и секуляризма* – философия собственного «Я».

Заметим: какова глубина, каковы метафизические горизонты воззрений отечественного мыслителя! К тому, о чём в своё время уже так масштабно, так глубоко размышлял Чаадаев, в целом непонятый и недооцененный по достоинству до сих пор, в том числе в своей собственной стране, человечество еле-еле «добирается» только сейчас!

Великий русский религиозный философ всё время подчёркивает, что личность рождается и значима только тогда, когда *она не утрачивает* связи с надмировым и трансисторическим началом, которое по сути своей религиозно. И собственно творчество Чаадаев понимает как встречу высших человеческих устремлений и исходящих из надмирового начала, или Абсолюта, трансцендентных энергий; поэтому оно – самая главная и высшая

тайна человека. В этом ракурсе следует трактовать и смысл «тёмного» изречения Чаадаева, что всё благо, нами совершаемое, заключается исключительно в нашей способности подчиняться какой-то неведомой силе.

А.С. Хомяков: философия «живознания» как элемент творческого процесса

По А.С. Хомякову, «познание рассудочное не обнимает действительности познаваемого; то, что в нём мы познаем, уже не содержит первоначала в полноте его сил» [6, с. 278]. Фактически Хомяков напрямую утверждает, что рациональное познание и чистый разум вообще далеки как от какого-либо приближения к истине, так и от настоящего «схватывания» любого начала жизни. Более того, рафинированное познание убивает вещь как таковую и реальность во всём её многообразии и глубине самым своим актом. Познание означает рассечение и умертвление, выделение части в отрыве от единства и цельности; именно поэтому рационализм, по Хомякову, «есть логическое знание, *отделённое от* нравственного начала» [7, с. 30]. И сам Хомяков, и дальнейшие его последователи (славянофилы) считали проблему познания одной из центральных в своей философии, но не в её ограниченных, чисто гносеологических форматах (как в западной мысли), а в принципиально целостном и «живом», не разрушенном рационализмом виде. Цельное (внутреннее) знание, по глубокому убеждению славянофилов, формирует основу всего мироотношения, является фундаментом философской системности как таковой, а вовсе не гносеологи-

ей – причём началом пути к цельному знанию выступает потребность человека в *Абсолютном*. «Для уразумения истины, – пишет Хомяков, – самый рассудок должен быть согласен со всеми законами духовного мира ... в отношении ко всем живым и нравственным силам духа. Поэтому все глубочайшие истины мысли доступны только разуму внутри себя устроенному, в полном нравственном согласии со всесущим разумом» [6, с. 281]. По мысли Хомякова, *принцип соборности*, организующий всё церковное бытие, должен господствовать и в истинной гносеологии, превращая её в целостное учение о познании и морали, окончательно отсекающее принцип разумного эгоизма, и в *творчестве*, открывая в последнем потенциал приближения к Абсолютной Истине. Раскрывая принцип соборности, Хомяков пишет: «Каждый человек находит в Церкви самого себя, но себя не в бессилии своего духовного одиночества, а в силе духовного единения с братьями и со Спасителем. Он находит в ней себя в своём совершенстве или – точнее – находит в ней то, что есть совершенного в нём самом» [7, с. 111, 112].

Следует отметить, что Хомяков в своём учении о соборности и универсальном церковном сознании одним из первых напрямую возводит проблематику творчества к религиозной полноте и сложности, сближая конечные цели творчества с абсолютным, живоносным, а, следовательно, *истинно религиозным мироотношением*. Самой необходимой для творчества составляющей, по Хомякову, выступает *свобода*, понимаемая им прежде всего как *дар устремлённости человека к непреходящему, как воспоминание им*

своей небесной родины. Хомяков принципиально настаивает, что свобода есть далеко не только принцип выбора или свободы *от чего-либо*. По сути, наоборот: *высшая свобода есть служение Абсолюту*, даже когда человек отделён от Него завесой забот мира сего. Фактически Хомяков говорит о двух реальностях: духовной и земной, искусственной, где всё находится во власти человека, где не может идти речь о творчестве, а только об определенном навыке, даже таланте наиболее совершенным образом адаптироваться к извне довлеющим законам. Другая, духовная реальность – сфера абсолютно неизведанного, непредсказуемого, непостижимого, к ней пролегает только путь глубинного вслушивания и созерцания; именно в этой реальности свобода означает служение тому, что бесконечно привлекает человека и что ему совершенно неподвластно. *Так и начинается творчество*, которое в своей подлинности есть *преодоление секуляризма*, убивающего мир самим фактом приспособления его к ограниченности человеческих познавательных способностей. Доминантой философии А.С. Хомякова выступает здесь сам *процесс познания как подлинное творчество*. Рациональный человек, по Хомякову, есть личность ущербная, разрушенная, которая способна обладать только видимостью знания, но едва ли способна жить и тем более творить; рационализму философ противопоставляет творчество как «живознание» – единство субъективной воли, духа и объекта восприятия, нерасторжимую связь нравственного поиска, мыслительных усилий и тонкого, интуитивного проникновения в неисчерпаемую сложность бы-

тия. Хомяков мыслит творчество как переход человека *из мёртвого, внешне заданного мира в инобытие*, где воля неотделима от истины, а дух – от познания. Фрагментом же и прообразом иного мира на земле для философа выступает церковь.

И.В. Киреевский: философемы антропологии, гносеологии и творчества

В философии И.В. Киреевского также много ярких и глубоких философем, посвящённых феномену творчества, а те общие выводы, к которым в итоге пришел этот великий русский философ относительно феномена творчества, – *парадоксальны и поразительны*. Правда, следует отметить, что философемы И.В. Киреевского не имеют завершённого, афористического характера, а остаются своеобразным проблемным полем развития его мысли. Это обусловлено неоднозначным, антиномическим отношением мыслителя к феномену творчества и к достижениям философии как таковой, по сути, пессимистическим его взглядом на свободу человеческой мысли, – потому исследование взглядов Киреевского не может иметь форму стройной мировоззренческой системы, и философемы предстают здесь как бы в раскрытом, неопозитивизированном виде. Остановимся только на самых значимых философемах И.В. Киреевского, посвящённых человеку, проблеме познания и творчеству.

Центральной является та, в которой контрастно противостоят *человек внутренний*, обращенный к Абсолютному началу, и человек, полностью принадлежащий *миру внешних инте-*

ресов. Творчество, искусство творения, подчёркивает философ, принципиально недоступно внешнему человеку и, наоборот, подвластно только человеку внутреннему, начавшему восхождение к нравственным вершинам, где начинается свечение смыслов внутреннего опыта. Фактически здесь Киреевский идёт след за Хомяковым: изначально создавая образ внутреннего, живущего духовной жизнью человека, Киреевский наиболее близко подходил к тайне творчества вообще, первично не отделяя его от начала религиозного.

Другая философема И.В. Киреевского направлена на *поиск глубинной цельности* в бытии, человеческом сознании и культуре. К тайнам цельности в мироздании Киреевский идёт, исследуя глубину и природу самого человека, в том числе занимаясь и центральной для всех славянофилов темой – *проблемой познания*. По Киреевскому, *цельность* – начало, заключающее в себе корень индивидуальности и условие своеобразия каждой личности, в том числе своеобразия творческого. Искать же его необходимо не иначе как *в глубинах самого себя, в своей духовной жизни*. Киреевский всячески подчёркивал, что внутренний человек отделён в нас от внешнего не в силу онтологической разнородности, а по причине первородного греха. В данном случае речь идёт о том, что, по мысли философа, *душевно-духовно* человек всегда сохраняет свою связь и единство с *Абсолютом*, т. е. даже в реальном бытии не отрываясь до конца от Бога, а лишь удаляясь или приближаясь к Нему.

Третья философема И.В. Киреевского говорит о связи таинственной глубины в человеке, метафизики и

творчества: *метафизика* есть своего рода раздвоение, прорыв, или выход за пределы непосредственного внешнего опыта и причинно-следственной *физической реальности*. Человек для Киреевского есть краугольная вершина мироздания, в которой подлинное *единство антропологического и онтологического начал* не может состояться без третьего – *теологического* – начала, и потому только в религиозном мироощущении Киреевский видит единственный путь к утраченной цельности бытия и подлинной самореализации человека: «Главный характер верующего мышления заключается в *стремлении* собрать все отдельные силы души в одну силу, отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум, и воля, и чувство, и совесть, прекрасное и истинное, удивительное и желаемое, справедливое и милосердное, и весь объём ума сливаются в одно живое единство, и таким образом *восстанавливается* существенная личность в её *первозданной неделимости*» [2, с. 275].

Развивая свою антропологию и доводя её до завершения в образе целостной и духовной личности, которой вполне подвластно *и искусство творения*, или творчество, Киреевский вдруг осознаёт всю принципиальную *недостижимость* этого уровня реальным, так называемым *земным, человеком*. Всё, на что способен земной человек, – только устремиться, только начать своё восхождение к *нравственной высоте*, вершина которой ему неведома и недостижима. В этом суть ещё одной философы И.В. Киреевского, согласно которой именно сам процесс восхождения, а не достижения духовных вершин философ и называет глубинным, или живым зна-

нием, *творческим бытием*, которое противопоставляется *изменчиво-приходящему, а значит нетворческому*, категориально-логическому, мышлению и такому же – рационально-внешнему – бытию. Постижение человека у Киреевского очень глубоко: мыслитель видит в любой живой душе и ничем не истребимое небесное начало, и слепоту греха, его мощь и силу. По Киреевскому, гармонизовать личность, *собрать человека воедино* невозможно без третьего, абсолютно иноприродного ему *теологического начала*, и все силы душевно-духовного бытия и земной жизни должны быть направлены на достижение искомой и благодатной цельности.

Итак, в философемах Киреевского отражена своеобразная философия творчества в её идеальном понимании – как *целостного бытия в единстве веры, знания, воли и жизни*. На пути исследования образа идеального, гармоничного человека мыслитель приходит к неминемому осознанию несоизмеримости, несопоставимости даже высших, творческих человеческих усилий и того внутреннего озарения, которое есть Откровение. Киреевский вынужден признать неимманентность истины не только бытию, но и внутреннему содержанию отдельного человека: в финале философ приходит к осознанию глубочайшего и трагического *разрыва человеческих возможностей и устремлений*, с одной стороны, и *Абсолютного начала* как такового, с другой. Завершением теоретических построений является всё большее тяготение Киреевского к *таинствам церкви и соборности*, к *мудрости*, сокрытой в трудах святых отцов. Киреевский вообще высказывает

мысль, что, трудясь над своим духовным устроением, каждый отдельный человек «действует не один и не для одного себя – он делает *общее дело всей церкви...* Для развития самобытного православного мышления не требуется особой гениальности ... развитие этого мышления должно быть общим делом всех людей верующих и мыслящих» [2, с. 273, 277]. Изначально стремясь к единству творческого бытия человека и религиозного миропонимания, в итоге Киреевский приходит к примату и даже к самозамкнутости церковного бытия, не находя единения свободы и веры, личной гениальности и православной мудрости. По Киреевскому, подлинное творчество недоступно человеку в силу недостижимости его задач и, скорее, даже разрушает личность, нежели восстанавливает её. Отсюда философ делает жёсткий, но неоспоримый для него вывод: лучшая жизнь есть движение к таинствам церкви и мудрости святых отцов. Вывод этот звучит *пессимистически*, но следует признать, что в мировоззрении позднего Киреевского *творческой свободе и познавательным усилиям философии* места уже нет. Киреевский убеждён, что мудрость святых отцов превышает и включает в себя всякие мирские достижения, и потому *творчество фактически излишне*. По сути, Киреевский вскрывает одну из существеннейших антиномий философии творчества – *вопрос о несоизмеримости религиозного бытия и творческого самосознания личности*. Эта антиномия – *узел смысловой проблематики философии творчества*, так как в зависимости от её решения последняя приобретает либо религиозный, т. е. теоцентрический характер, либо замы-

кается на антропологическую проблематику с множеством открывающихся человеку реальностей. Киреевский не ищет и не стремится искать разрешение этой антиномии, так как она является тем самым желаемым завершением его философских построений, которое переводит мирозерцание Киреевского в иное русло в конце его жизни: «Глубокое, живое и чистое любомудрие Св. Отцов представляет зародыш высшего философского начала: простое развитие его, соответственное современному состоянию науки и сообразное требованиям и вопросам современного разума, составило бы само собой новую науку мышления» [2, с. 270].

В человеческих устремлениях и возможностях, по мысли И.В. Киреевского, присутствует непреодолимый трагизм, выражающийся в *антиномии творчества как такового*; этот общий вывод может быть истолкован как результат, полученный путём синтеза всех рассмотренных выше философем И.В. Киреевского.

П.А. Флоренский: философия трагедийного антиномизма как путь творческого восхождения

П.А. Флоренский был всегда настроен критически к существующему аналитическому мирозерцанию, восходящему к истокам естествознания и воцарившемуся в культуре с эпохи Возрождения: оно, по мысли философа, принципиально *нетрагедийно и сознательно отворачивается от того, чего не в силах постичь*. Флоренский подчёркивает, что, стремясь всегда к определённости явлений, схваченной через фиксацию неизменных законов

и принципов, такое мировоззрение упускает главные – непредсказуемые – явления бытия: всякую индивидуальность, свободу как таковую, подвиг, исторические катаклизмы, время, непредсказуемость собственной жизни и судьбы, саму смерть, истоки мироздания, эсхатологию и, наконец, *творчество*. Оно приводит к тому, что человек довольствуется лишь некой проекцией искусственных рациональных установок на непостижимость мироздания; Флоренский передаёт эту мысль своей *особой философией*, которая, на наш взгляд, крайне важна для глубинного понимания именно феномена творчества: «Нужно преодолеть самодовольство рассудка, порвать магический круг его конечных понятий и выступить в новую среду, – в среду сверхконечного, рассудку недоступного и для него нелепого» [5, с. 513]. Преодолеть формально-логический рационализм значит осуществить выход в иные области, где и совершается творчество, а это невозможно без устранения самодовольного догматизма разума. Флоренский особо отмечает, что главный импульс на таком труднейшем пути – *чувство трагедии*, совершающейся как во всём мире, так и в бытии отдельного человека, неуклонно приближающегося к смерти; в сфере мысли же этот импульс – *противоречие, антиномизм*, который мыслитель считал вообще основой живого и подлинного, а значит, творческого, познания: «Если мир познаваемый надтреснут и мы не можем на деле уничтожить трещин его, то не должны и прикрывать их... Бесильное усилие человеческого рассудка примирить противоречия, вялую попытку напрячься давно пора отразить бодрым признанием противоречи-

вости» [5, ч. 1, с. 157]. Одна из самых главных мыслей, которую выражает Флоренский в связи с рассуждениями об антиномизме, состоит в признании, что корнем расчленённости мироздания, т. е. и *причиной* возникновения *антиномии* в нём, являются *грех* и *зло*, разрушившие *цельность мира* и гармоническое существование человека. По Флоренскому, линейный рассудок и есть прямое послушание последствиям греха, т. е. абсолютная слепота по отношению к сущности явлений и попытка найти её как бы «наощупь», через псевдозакономерности. Антиномизм в познании означает первое пробуждение человека, столкновение его лицом к лицу с непостижимым, как бы случайным, с явлениями якобы взаимоисключающими. Более того, по Флоренскому, *антиномизм* означает признак приближения к *истине*, которая по природе своей превышает как человеческий рассудок, так и всё человеческое бытие. Поэтому истина никогда не может быть выражена напрямую, она лишь просвечивает, отдалённо брезжит, как дорога в инобытие.

Крайне важно здесь подчеркнуть, что приближение к антиномизму требует от познающего отречения от самого себя, так как *сущность* антиномии есть *бессмыслица* для рассудка. Более того, усилие постичь антиномию есть уже начало подвига не познания как такового, но *веры*, выводящей человека из линейности этого мира. Противоречия, по мысли Флоренского, необходимы, ибо именно они есть *уколы инобытия* и *проблески верующего сознания*: «Чтобы прийти к Истине, надо отрешиться от самости своей, надо выйти из себя; а это для нас *решительно невозможно*, ибо мы – плоть. Но,

повторяю, как же именно, в таком случае, ухватиться за Столп Истины? – Не знаем, и знать не можем. Знаем только, что сквозь зияющие трещины человеческого рассудка видна бывает лазурь Вечности. Это непостижимо, но это – так. И знаем, что “Бог Авраама, Исаака, Иакова, а не Бог философов и учёных” приходит к нам, приходит к одру ночному, берёт нас за руку и ведёт так, как мы не могли бы и подумать. “Человекам это невозможно, Богу же всё возможно” (Мф 19: 26, Мк 10: 27)» [5, ч. 2 с. 489].

Итак, мы рассмотрели четыре философемы русской религиозно-философской мысли, в которых обнажаются масштаб и глубина мировоззренческих исканий означенного периода, а одновременно просматривается и многоуровневость самого понятия философемы, так как оно связано не с каким-то одним философским вопросом, а охватывает целый

идейный спектр. К примеру, философема провиденциализма сопряжена с вопросами философии истории, эсхатологии, антропологии, гносеологии, творческого процесса, сотериологии и др.; то же самое можно сказать и обо всех других философемах – они многоплановы, никогда не завершены, не столько констатируют мысль, сколько выводят её к определённым горизонтам. Именно поэтому прослеживается органическая взаимосвязь между проблемой философемы как таковой и феноменом творческого акта. Только с помощью таких понятий, как символ, образ, иррационально-интуитивное начало, философема и др., можно как-то описать и зафиксировать смысловое поле, вектор развития и вербальную ткань подлинного творческого акта. В силу этого вполне правомерно и конструктивно вводить понятие философемы в концептуальное рассмотрение феномена творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батурина И.В. Концепция творчества в русской религиозной философии XIX–начала XX вв.: дис. ... док. филос. наук, М., 2017.
2. Киреевский И.В. Полное собрание сочинений: в 2 т. / под ред. М.О. Гершензона. Т. I. М.: Типография Императорского московского университета, 1911. 295 с.
3. Песоцкий В.А. Философема в структуре философского знания: опыт классификации философем. Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 2 С. 22–35.
4. Песоцкий В.А. Философия и художественная литература: философема в структуре философского знания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. № 1. С. 66–77.
5. Флоренский П.А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Столп и утверждение истины. М.: Правда, 1990. 352 с.
6. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 1. 3-е изд., доп. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1900. 409 с.
7. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. Сочинения богословские. 5-е изд. М.: Типо-литогр. Т-ва И.Н. Кушнер и Ко, 1907. 550 с.
8. Чаадаев П.Я. Философские письма [Электронный ресурс] Библиотека «Вехи»: [сайт]. URL: <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html> (дата обращения: 29.09.2017).
9. Чаадаев П.Я. Сочинения и письма: в 2 т. Т. II / под ред. М. Гершензона. М., 1914. 342 с.

REFERENCES

1. Baturina I.V. *Kontseptsiya tvorchestva v russkoy religioznoy filosofii XIX – nachala XX vv. Dis. ... dok. filos. nauk* [The Concept of Creativity in Russian Religious Philosophy of the 19th – Early 20th Centuries. Doctoral Thesis in Philosophy]. Moscow, 2017.
2. Kireevskii I.V. *Polnoye sobraniye sochineniy. T. 1* [The Complete Works. Vol. 1]. Moscow, Publ., 1911. 295 p.
3. Pesotskii V.A. [Philosopheme in the Structure of Philosophical Knowledge: the Experience of Classification of Philosophemes]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskiy nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2016, no. 2, pp. 22–35.
4. Pesotskii V.A. [Philosophy and Fiction: Philosopheme in the Structure of Philosophical Knowledge]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskiy nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2016, no. 1, pp. 66–77.
5. Florenskii P.A. *Sochineniya. T. 1. Stolp i utverzhdeniye istiny* [Works. Vol. 1. The Pillar and Ground of the Truth]. Moscow, Pravda Publ., 1990. 352 p.
6. Khomyakov A.S. *Polnoye sobraniye sochineniy. T. 1* [The Complete Works. Vol. 1]. Moscow, Universitetskaya tipografiya na Strastnom bul'vare Publ., 1900. 409 p.
7. Khomyakov A.S. *Polnoye sobraniye sochineniy. T. 2. Sochineniya bogoslovskiy* [The Complete Works. Vol. 2. Theological Essays]. Moscow, Tipo-lit. T-VA I.N. Kushner and Co. Publ., 1907. 550 p.
8. Chaadaev P.Ya. [Philosophical Letters]. In: *Biblioteka «Vekhi»* [The Library “Milestones”]. Available at: <http://www.vehi.net/chaadaev/filpisma.html> (accessed: 29.09.2017).
9. Chaadaev P.Ya. *Sochineniya i pis'ma. T. II* [Essays and Letters. Vol. II]. Moscow, 1914. 342 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Батулин Владимир Кириллович – доктор философских наук, академик РАН, академик Общественной ноосферной академии, академик Международной академии социальных технологий и местного самоуправления, отличник народного просвещения РСФСР;

e-mail: BaturinVK@yandex.ru

Песоцкий Владислав Анатольевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного областного университета;

e-mail: kaf-filosof@mgou.ru

Батурина Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Московского технологического института;

e-mail: BaturinVK@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladimir K. Baturin – Doctor of Philosophy, honorary educator of the RSFSR, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Academician of the Public Noosphere Academy, Academician of the International Academy of Social Technologies and Local Self-Government;

e-mail: BaturinVK@yandex.ru

Vladislav A. Pesotskij – Doctor of Philosophy, professor, head of the Department of Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: kaf-filosof@mgou.ru

Irina V. Baturina – PhD in Philosophy, associate professor at the Department of Social and Humanitarian Disciplines Moscow Technological Institute;
e-mail: BaturinVK@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Батурин В.К., Песоцкий В.А., Батурина И.В. Философемы русской религиозной философии XIX–XX вв. как элементы творческого процесса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 3. С. 60–71
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-60-71

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

Baturin V.K., Pesotskij V.A., Baturina I.V. The Philosophemes of Russian Religious Philosophy of the 19th –20th Centuries as Elements of Creative Process. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 3, pp. 60–71
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-60-71

УДК 1(091)+122+14+16

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-72-80

НЕЯВЛЕННАЯ СУБСТАНЦИОНАЛЬНОСТЬ ФИЛОСОФИИ Г.Г. ШПЕТА (ЧАСТЬ 1)

Колесниченко Ю.В.*Институт деловых коммуникаций**125323, г. Москва, ул. Пудовкина, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация. Данная статья начинает изучение метафизической основы шпетовского знания. Обозначенная проблема, не получившая до настоящего времени своего решения в отечественной историко-философской литературе, является одной из ключевых в определении принадлежности философии выдающегося мыслителя Г.Г. Шпета к русской философской традиции. Результаты исследования материалов обширной базы источников, а также применение герменевтической техники исследования, использование исторического, аналитического, синхронического, диахронического, идеографического и номотетического методов, некоторых приёмов психолингвистического анализа дают возможность причислить философа Шпета к поколению отечественных философов, имевших глубинной (неявленной) основой своего творчества субстанциональное единое – личность, понимаемую как личностность, как основу онтического, конкретного бытия.

Ключевые слова: философия Шпета, личность, личностность, онтическое бытие, субстанциональность, метафизика, феноменология, герменевтика, социальная психология, затекст.

THE UNMANIFESTED SUBSTANTIALITY OF G. SPET'S PHILOSOPHY (PART 1)

Yu. Kolesnichenko*Institute of Business Communications**4, Pudovkina st., Moscow, 125323, Russian Federation*

Abstract. The article is an approach to solving an important historical and philosophical problem of defining the specifics of G. Spet's metaphysics. So far the problem has not been elaborated enough in the national philosophical literature, though it seems to be essential in maintaining the affiliation of Spet's philosophy with the Russian philosophical tradition. Based on vast historical data and accomplished with historical, hermeneutical, analytical, ideographical, nomothetical research methods and some psycholinguistic techniques ("off/text-concept" definition) the study allowed the author to associate G. Spet with other Russian philosophers of the 1920–1930-s and to qualify his philosophy as deeply centered on an unmanifested concept of the substantiality of *litchnost* (taken as *litchnostnost*) – the basis for the ontic concrete Being.

Key words: G. Spet, litchnost, litchnostnost, ontic Being, substantiality, metaphysics, phenomenology, hermeneutics, social psychology, off-text.

Новое видение личности в гуманитарном знании первой трети XX столетия есть новое видение бытия, основанное на выходе за пределы когнитивной логики, в мир реального субъекта с его ситуативно-герменевтической логикой. Не наблюдение личностью субъектно-объектных отношений со стороны, но погруженность бытия в личность и личность как источник этого субъектно-объектного бытия становятся основными предметами научного интереса.

В указанный период «личность» в русской философии ещё совершенно не есть то, чем / как она видится современной российской (в значительной степени всё ещё марксистской, что касается методологических приёмов и объёмов традиционных философских понятий) мыслительной традиции. Она не есть ещё (в силу отсутствия строгой специализации философского знания того времени) сугубо социально-философская категория. Личность как феномен гуманитарного знания всё более становилась фокусом, центром «исходящей» философии. Личность не была объектом исследования, понятие личности было философской онтогносеологической базой, оно (подобно пониманию иконы русской философской традицией) ничего (концептуально) не изображало, оно «являло». Через понятие «личность» философия нового времени штурмовала ранее неизвестные онтологические вершины, добивалась нового видения бытия, присваивала, покоряла «личностностью» само бытие.

Основатели этой философской парадигмы в отечественной философии (такие, например, как А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, Л.П. Карсавин, Г.Г. Шпет)

анализируют новую субстанциональность исключительно через отражение и исследование её качеств-проявлений (у Л.П. Карсавина – «качествованиях» *личности*; бытие-событие, не-алиби в бытии – у М.М. Бахтина; интуиция и миф – у А.Ф. Лосева; Абсолютное бытие «Я» – у Г.Г. Шпета), но не переходят непосредственно на исследование источника этих качеств, субстанции, этими качествованиями обладающей. Указанные авторы отвечают здесь на вопрос о субстанциональности парадигмально по-новому, т. е. основным вопросом своей философии видят производный вопрос «как» (вопрос метода), тогда как традиционно для осуществления философской понятийной полноты (отражённого знания) необходимо было ответить, прежде всего, на вопрос «что». Т. е. ответить на вопрос о субстанциональной принадлежности названных качеств. В связи с этим встаёт принципиальный вопрос о том, *кто* есть субъект многочисленных предикатов, содержащихся в труде «Диалектика мифа» А.Ф. Лосева, в работе «К философии поступка» М.М. Бахтина, в «Философских этюдах» и «Эстетических фрагментах» Г.Г. Шпета?

Для достижения целостного понимания парадигмальной подосновы философствования того периода необходимо реконструировать философскую мысль указанных авторов именно в этом ключе, в плоскости воссоздания субстанционального *общего* на фоне многочисленного особенного. Безусловно, древнейший духовный опыт «описания мистерий» (исключительно через *описание* качеств без называния субстанционального «владельца» этих качеств) применялся авторами ука-

занных текстов не случайно. Герменевтическое же прочтение указанных текстов позволяет практически всегда угадывать «вторым рядом» понятийно, логически и методологически непротиворечивые «ссылки» на субстанциональность личности при изучении основных свойств и характеристик современным образом трактуемого бытия. Именно в связи с вышесказанным В.П. Зинченко отмечает, что «сходство размышлений о Я, о личности у П.А. Флоренского, М.М. Бахтина, Г.Г. Шпета очевидно...» [1, с. 112]. Исследователи Б.И. Пружинин и Т.Г. Щедрина считают, что понятие «личности» может служить идентификатором русской эпистемологической традиции, ибо оно фактически замещает в ней центральное понятие классической гносеологии – понятие субъекта познания. Оно связывает смысловую ткань этой традиции, выражая её стилистическое единство» [4, с. 25]. Согласившись с указанным обстоятельством, добавим, что уникальное понятие русской философии – понятие личности – в силу своей предельной понятийной полноты субстанционального свойства становится центральным идентификатором не только эпистемологической традиции, но и онтогносеологического модуса русской философии в целом.

Погружение в научно-философский в широком смысле слова контекст того времени, попытка применить щадящие, методологически близкие понятийным предпочтениям тех лет методы исследования – главная задача этой статьи. Превратить ушедшее в методологическое и парадигмальное прошлое философское *«тогда-бытие»* – в *«сейчас-бытие»* (с целью демонстрации

чрезвычайной мировоззренческой значимости философии указанного периода для истории мировой философии в целом) также является целью настоящей работы. Выражаясь языком М.М. Бахтина, необходимо некое замедление над объектом (исследования). Исходя из этого, философское творчество Г.Г. Шпета следует превратить из объекта в предмет исследования, «взять» его в общепhilosophическом онтогносеологическом парадигмальном контексте. «Одна из методологических проблем, стоящих перед исследователем, – пишет историк философии И.В. Павленко, – необходимость вслушаться в этот контекст, который присутствует практически у любого крупного мыслителя, попытаться проявить внутреннюю жизнь и динамику мысли. Подобный подход предоставляет автору несколько большую свободу по отношению к материалу исследования, деятельность уразумения и интерпретации, столь свойственные герменевтике, как нельзя более подходят к рассмотрению философского творчества самого Г.Г. Шпета» [3, с. 10, 11].

В истории отечественной философии Г.Г. Шпет широко известен как феноменолог, герменевтик, психолог, философ языка, чьи основные работы были посвящены философии смысла, теории и практике субъекта семиотических пространств, различным областям интерпретации знака, образа, пониманию сути индивидуального, а также абсолютного «Я» в контексте главных методологических требований феноменологии, герменевтики, а также социальной психологии.

Философия Г.Г. Шпета в последнее время привлекает значительный исследовательский интерес. Абсолютное

большинство текстов, написанных на эту тему, посвящено феноменологической, семиотической, герменевтической и психологической репрезентациям мысли философа. В нашу задачу не входит освещение этого круга проблем, так как они относятся к специальным областям гуманитарного знания и непосредственного онтогносеологического значения в понимании метафизической принадлежности учёного не имеют: «философский статус Г.Г. Шпета в восприятии исследователей его творчества сохраняет какую-то долю неуловимости и неопределённости...» [5, с. 486, 487].

Автор настоящей статьи делает попытку внести свой вклад в решение вопроса об определении философского статуса Шпета в целом.

Необходимо отметить, что активная феноменологическая позиция Шпета в философии, его безжалостная критика «до-научной» [8, с. 51] философии порой не позволяют увидеть за жёсткими формулировками гуссерлианского толка важнейший элемент его творчества, роднивший его, как ни парадоксально это прозвучит на первый взгляд, с другими представителями русской философской традиции постсоловьёвского культурного пространства. Это положенное в основу философствования представление о конкретном живом бытии и его носителе – личности, понятой Шпетом, подчеркнём, не только в философско-социальном или психологическом измерении, но в измерении онтическом, в измерении предельных оснований конкретного «здесь-бытия».

Шпетовская концепция относится не только к герменевтической традиции, но в равной степени и к так на-

зываемой «глубинной семиотике». Зёрна этой традиции обнаруживаются в работах М.М. Бахтина, А.Ф. Loseва, П.А. Флоренского. Основная идея «глубинной семиотики» как области научного знания – в осмыслении не только языковых, но и культурных феноменов ... включая особым образом постигаемую личность» [6, с. 94, 95]. Феноменологическое открытие, сделанное Шпетом, заключалось в обнаружении им наряду с чувственным опытом и сущностного созерцания социальной интуиции; он полагал последнее фундаментом, «предустановлением» самого бытия в сознании. В связи с вышесказанным представляется, что Шпет, очевидный последователь западноевропейских философских традиций, тем не менее полагал необходимым условием своей положительной философии концепт личности, обеспечивающий уникальную целостность живого социального бытия. Но в силу ставшей в те годы традиционной апофатичности философии Шпет почти нигде впрямую не говорит о личности как о субстанциальном начале любого положительного знания. Это обстоятельство существенным образом осложняет герменевтическую дешифровку исходных исследуемых текстов, выявление заложенных в них глубинных философских смыслов. Представляется, что включение в объяснительную схему элементов философско-психолингвистической эвристики позволит нам с большей точностью произвести герменевтическое погружение в изначальные авторские интенции. Одним из опорных понятий в постижении сквозных тематических замыслов философского творчества Шпета в целом может послужить понятие *затекста*.

Напомним, что если сам текст носит линейный характер явленной смысловой очевидности, то затекст есть связь самого текста с так называемыми фоновыми знаниями, которые существуют вне этого текста и являются частью культуры. Применительно к специальной области философии затекст есть, таким образом, реальность философского бытия, описанного автором средствами выбранного им философского анализа. Затекст присутствует в авторском тексте в неявленной форме и требует для своего обнаружения пошагового герменевтического снятия явленных смыслов текста. В связи с этим представляется, что у Г.Г. Шпета (равно как, например, у М.М. Бахтина, подразумевавшего носителем онтического бытия личность [2, с. 105–116]) «затекстовая», интенциональная тема личности аналогичным образом прорывается сквозь ткань философских и герменевтических, эстетических, семиотических текстов, ломая стройную логику изложения специально-научного материала, ставя тем самым современного исследователя в тупик. Представляется, что выход из описанного исследовательского тупика нужно искать в следующем обстоятельстве творчества самого Г.Г. Шпета: все специально-научные усилия философа, коим учёный посвятил свою творческую жизнь, имели в своём протобазисе парадигмального свойства личность, «второе абсолютное» (по В. Соловьёву), фундировали всё творчество Шпета основанием личностным, понятым как субстанциональная основа специально-научных терминов – понятий, приложимых, соответственно, к логике, психологии, семиотике, а именно: понятий субъ-

екта, “Я”, лица, индивидуума. Следует иметь ввиду, что сам Шпет в отличие от многих своих современников очень внимательно относился к точности, адекватности применения указанных понятий, всякий раз чрезвычайно строго обозначая их объём, а также эвристические пределы их использования, отмечая, что в основании философии «должно быть не только *всё*, но и *каждое на своём месте*» [10, с. 531]. Таким образом, для обеспечения непротиворечивости герменевтического хода нашего исследования необходимо обратиться к использованию не только метода историко-философского анализа, но также методов смежных гуманитарных дисциплин, а именно: герменевтики, философской психологии, психолингвистики.

Обеспечивая герменевтическое погружение в творческий контекст Г.Г. Шпета, реконструирующее мысль автора «изнутри», в её максимальной логико-понятийной непротиворечивости и полноте, мы имели возможность обнаружить одну из наиболее интересных и «показательных» (с точки зрения революционного парадигмального прорыва в эпистемологии) концепций личности периода гуманитарного модернизма. Обнаружение *центрирующего концепта* позволило объединить понятийную, логическую, доказательную, методологическую, наконец, парадигмальную составляющие авторской философской концепции в единый непротиворечивый контекст. Таковым концептом шпетовской философии, как нам видится, является понятие **личности** как субстанционального единства, средоточия конкретного живого бытия. Именно **реконструируя** философский контекст

конкретных произведений автора, фундируя его на протяжении всего прочтения субстанциональным понятием личности / личностности (как основы конкретного онтического бытия), мы добиваемся принципиально-го «снятия» всех терминологических и доказательных «на-первый-взгляд» противоречий шпетовской философии. Гипотетическое введение вспомогательного понятия «личностность» в философский контекст (своего рода герменевтическое моделирование историко-философского текста) даёт возможность осознать неясное на первый взгляд «что» в философии Шпета (в противовес его очевидно феноменологической «как»-компоненты). Последовательное использование этого методологического приёма позволяет увидеть в шпетовской философии не только последовательную феноменологическую гуссерлианскую концепцию, не герменевтическую или социально-психологическую теории, но фундаментальную философскую систему, основанную на субстанциональном (а именно, личностном) концепте наличного бытия. Необходимо также отметить, что понятийное «реконструирование» субстанциональности (на материале трудов Г.Г. Шпета) дало положительный результат лишь потому, что субстанциональность как центробежная «заданность» авторской философской системы имплицитно содержалась в заданном философском дискурсе изначально. Она не есть нечто *привнесённое*, но лишь *обнаруженное* нами в процессе историко-философских аналитических изысканий. *Личность* как субстанциональность есть средоточие шпетовского знания о бытии вообще, понимание

собственно бытия (бытия *per se*) как живого бытия-действия, погружённого в единственно доступную нашему видению человеческую, личностную протяжённость: «Личность есть *внешность*» (курсив мой – Ю.К.) [9, с. 696].

Итак, применение к текстам Г.Г. Шпета техники фундирования его работ центрирующим понятием «личности» (как, например, в случае с ранним творчеством М.М. Бахтина [2, с. 105–116]) даёт положительный результат. Именно поэтому, казалось бы, в невозможных для понимания моментах его текстов можно усмотреть онтогносеологический смысл сказанного в русле фундирования знания понятием личности, конципированной философом в качестве личности онтической.

Очевидна понятийная и методологическая строгость трудов Шпета. Но также очевидно и то, что в его работах всегда прослеживается некая «тоска» по Абсолюту, не получающая, как, например, у В. Соловьева, выхода в религиозную область для решения своего вопроса, но и не позволяющая себе низвергнуться в пучину философии отрицательной, а именно в философию голого метода. Именно традиционное для русской философии «устремление» в конечном итоге к человеку, к личности определило вектор развития философии самого Шпета: от феноменологии – через герменевтику – к социальной психологии (недаром Шпет пишет в 1927 г. специальную работу по этнической (читай здесь «социальной») философии, подчёркивая, что «сделанное в *общей* психологии ещё далеко не нашло своего приложения в её специальных отделах, в частности, в психологии этнической» [7, с. 6]).

К этой проблематике относится ещё один системообразующий момент в творчестве Шпета – его погружение в органическую логику В. Соловьева, преобразованную им впоследствии в логику единичного объёма (так, например, в работе 1922 г. «Эстетические фрагменты» автор безапелляционно утверждает, что «искусство – единично, искусство индивидуально» [10, с. 682], проводя, таким образом, мысль о невозможности синтеза искусств). Сам Шпет в своих работах подчёркивает применение различного рода «логик» в зависимости от исследуемого объекта. Формально-логический путь слишком узок для герменевтического, символического постижения бытия, считает философ. Так, в работах, посвящённых специальным (например семиотическим) проблемам, Шпетом делается уклон на замену формальной логики новейшими материально-логическими учениями семасеологии. Но для русского философа – Шпета – долгая остановка на специальных философских вопросах невозможна. Он идёт дальше, выстраивая теорию внутренней формы, имеющей внутренние же ресурсы саморазвития. Это теоретическое обстоятельство, как нам видится, роднит эстетическую теорию Шпета с психологической теорией личности М.М. Рубинштейна и принципом творческой самодеятельности С.Л. Рубинштейна, в те же годы в иной гуманитарной плоскости отразивших идею саморазвития и принципа субъ-

ектности конкретного бытия. «Таким образом, обогащение семиотической теории понятием внутренней формы было связано с поиском семиотических инструментов в анализе форм творческого присутствия человека в языке. Глубинно-семиотический подход, основателем которого выступает Г. Шпет, ставит во главу семиотического процесса самого человека. В сосюррианской и пирсианской семиотике мир знаков априори признается внешним по отношению к личности. Шпетовская семиотика человекомерна, или “целемерна”, в его собственных терминах...» [6, с. 179].

Важным для конечных целей нашего исследования является признание современных авторитетных исследователей философии Шпета, заключающееся в том, что «к сожалению, самосвидетельств относительно своего философского статуса Г. Шпет не оставил...» [5, с. 481]. Добавим, что специальные исследования отдельных трудов Г. Шпета по вышеобозначенным дисциплинам гуманитарного знания (герменевтике, эстетике, семиотике, философии языка и даже по феноменологии) не способны решить указанной выше проблемы. Выход из создавшегося положения возможно найти, лишь обратившись к глубинной герменевтике философских смыслов онтогеносеологического свойства, имплицитно, в неявленной форме, апофатически соприсутствующих в трудах Г. Шпета. Что же имеется ввиду?

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинченко В.П. Г.Г. Шпет и М.М. Бахтин (оппоненты или единомышленники?) // Вопросы психологии. 1999. № 6. С. 110–118.
2. Колесниченко Ю.В. Философия личности как преодоленная феноменология. Вл. Соловьев и М.М. Бахтин // Вопросы философии. 2012. № 1. С. 105–116.

3. Павленко И.В. Густав Шпет: философия языка и проблема семантической интерпретации ментальных феноменов: монография. Днепропетровск: Национальный горный университет, 2013. 154 с.
4. Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Личность как проблема культурно-исторической эпистемологии (по материалам архива Густава Шпета) // Теории и исследования. Психология, философия. Психологические и философские проблемы развития личности. 2015. № 2. С. 24–42.
5. Феноменолого-онтологический замысел Г.Г. Шпета и гуманитарные проекты XX–XXI веков: Г.Г. Шпет // *Comprehensio*. Шестые Шпетовские чтения: сборник статей и материалов Международной научной конференции, Томск, 1–7 июля 2015 г. / отв. ред. О.Г. Мазаева. Томск: Издательство Томского университета, 2015. 499 с.
6. Фещенко В.В., Коваль О.В. Сотворение знака: очерки о лингвостетике и семиотике искусства. М.: Языки славянской культуры, 2014. 640 с.
7. Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 160 с.
8. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Сочинения: приложение к журналу «Вопросы философии». М.: Правда, 1989. С. 11–345.
9. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г.Г. Избранные труды / сост. Л.Г. Березовая. М.: РОССПЭН, 2010. С. 678–804.
10. Шпет Г.Г. Явление и смысл (Феноменология как основная наука и её проблемы) // Шпет Г.Г. Избранные труды / сост. Л.Г. Березовая. М.: РОССПЭН, 2010. С. 524–677.

REFERENCES

1. Zinchenko V.P. [G.G. Shpet and M.M. Bakhtin (opponents or like-minded?)]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of philosophy], 1999, no. 6, pp. 110–118.
2. Kolesnichenko Yu.V. [The philosophy of the individual as overcome phenomenology. Vl. Solov'yev and M.M. Bakhtin]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of philosophy], 2012, no. 1, pp. 105–116.
3. Pavlenko I.V. *Gustav Shpet: Filosofiya yazyka i problema semanticheskoi interpretatsii mental'nykh fenomenov* [Gustav Shpet: Philosophy of language and the problem of semantic interpretation of mental phenomena]. Dnepropetrovsk, National Mining University Publ., 2013. 154 p.
4. Pruzhinin B.I., Shchedrina T.G. [Identity as a problem of cultural-historical epistemologies (on materials of archive of Gustav Shpet)]. In: *Teorii i issledovaniya. Psikhologiya, filosofiya. Psikhologicheskie i filosofskie problemy razvitiya lichnosti* [Theories and research. Psychology, philosophy. Psychological and philosophical problems of personal development], 2015, no. 2, pp. 24–42.
5. [Phenomenological and ontological conception of G.G. Shpet and humanitarian projects of the XX–XXI centuries: G.G. Shpet]. In: *Comprehensio. Shestye Shpetovskie chteniya: sbornik statei i materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Tomsk, 1–7 iyulya 2015 g.* [Comprehensio. Sixth Shpetovskie reading: collection of articles and materials of the International scientific conference, Tomsk, July 1–7, 2015]. Tomsk, Tomsk State University Press Publ., 2015. 499 p.
6. Feshchenko V.V., Koval' O.V. *Sotvorenie znaka: ocherki o lingvostetike i semiotike iskusstva* [The creation of the sign: essays on linguistic and semiotics of art]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014. 640 p.
7. Shpet G.G. *Vvedenie v etnicheskuyu psikhologiyu* [Introduction to ethnic psychology]. Moscow, Publishing house LKI Publ., 2010. 160 p.

8. Shpet G.G. [Outline of the development of Russian philosophy]. In: *Sochineniya: prilozheniye k zhurnalu «Voprosy filosofii»* [Works: Appendix to the journal "Questions of Philosophy"]. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 11–345.
 9. Shpet G.G. [Aesthetic fragments]. In: *Shpet G.G. Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. pp. 678–804.
 10. Shpet G.G. [The phenomenon and meaning (Phenomenology as the fundamental science and its problems)]. In: *Shpet G.G. Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. pp. 524–677.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Юлия Викторовна – кандидат философских наук, заведующая кафедрой философии Института деловых коммуникаций;
e-mail: Julikol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Kolesnichenko – PhD in Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Institute of Business Communications;
e-mail: Julikol@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесниченко Ю.В. Неявленная субстанциональность философии Г.Г. Шпета (часть 1) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 3. С. 72-80
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-72-80

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Kolesnichenko Yu.V. The Unmanifested Substantiality of G. Spet's Philosophy (part 1). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 3, pp. 72-80
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-72-80

УДК 1(09)

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-81-87

ИДЕЯ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФИИ И.А. ИЛЬИНА

Потапенко Т.В.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Признаком транзитивности, неустойчивости современного общества является утрата им базовых моральных ориентиров. В непростых условиях, когда новые моральные принципы только находятся в стадии формирования, молодому поколению предстоит сделать нравственный выбор. Этот выбор должен базироваться на высоком уровне духовного развития личности. В данном случае патриотизм выступает в качестве фундаментальной основы личности, о чём говорил русский философ первой половины XX в. И.А. Ильин, разрабатывая универсальную методику патриотического воспитания личности. Вне социальной среды личность деформируется, теряя гармонию и целостность. В статье сделаны выводы о приоритетности духовного начала в формировании патриотизма у личности, что в конечном счёте является основой гуманного общества. Автором статьи использованы методы историко-философского анализа: сравнительного философского анализа, историко-философской реконструкции, интерпретации.

Ключевые слова: патриотизм, духовность, личность, нравственность, целостность.

THE IDEA OF PATRIOTIC FOUNDATIONS OF PERSONALITY IN I.A. ILYIN'S PHILOSOPHY

T. Potapenko*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract: The sign of transitivity, instability of the modern society is the loss of its basic moral guidelines. In difficult conditions, when new moral principles are only in the process of formation, the young generation will have to make a moral choice. This choice should be based on a high level of spiritual development of the individual. In this case, according to the Russian philosopher of the first half of the twentieth century, I.A. Ilyin, patriotism acts as the fundamental basis of the individual. I.A. Ilyin developed a universal method of patriotic education. Outside social environment, the personality gets deformed losing its harmony and integrity. By using the methods of a comparative philosophical analysis, historical-philosophical reconstruction, and the method of interpretation the author of the article argues the priority of the spiritual principle in inspiring patriotism in the personality, which ultimately forms the basis of the humane society.

Key words: patriotism, spirituality, identity, morality, integrity.

В современном мире на переломных этапах развития общества, когда оно теряет моральные принципы и нормы, существовавшие до этого времени, а новые туманны и находятся в стадии формирования, очень важным и актуальным становится формирование у подрастающего поколения способности делать морально-нравственный и духовный выбор, в основе которого будет лежать высокодуховное личностное развитие. В этом случае патриотизм выступает фундаментальной основой становления личности [9].

Универсальным методом патриотического воспитания личности является приобщение её к традициям и культурному достоянию своего народа, отечества, той социальной среды, из которой она происходит. Отказ от духовности в системе патриотического воспитания ведёт к деформации самой личности и утрате ею гармоничности и целостности.

Любой человек – это в первую очередь личность, имеющая свои собственные идеалы, этические и моральные нормы, ценностные ориентиры, неповторимый внутренний мир. Нравственное воспитание личности, её духовный потенциал дают возможность построить гуманное общество, которое является одной из главных основ современного мира. «Духовный, т. е. ценностный кризис тем отличается от всех других кризисов, что здесь человек как бы потерял самого себя, то, с чем он себя идентифицировал, веровал...» [1, с. 143]. Именно поэтому на сегодняшний день наиглавнейшей задачей современного общества становится возрождение духовности и нравственности при формировании личности у растущего поколения.

Этими вопросами неоднократно задавался и русский философ и публицист Иван Александрович Ильин (09.04.1883–21.12.1954). Отличительной чертой его философии являются широта охватываемых им тем, углублённость в них с точки зрения православно-религиозного мировоззрения, патриотичность, духовность его учений [4].

Иван Александрович уделял огромное внимание в своём творчестве развитию морально-нравственных, духовных и патриотических качеств личности. Личность им рассматривалась с точки зрения духовности, которая включает в себя опыт нравственности и религиозности [3].

Главными аспектами духовности в формировании личности философ считает формирование в ней таких духовных качеств, как патриотические, религиозные, нравственные и эстетические [10].

Ильин в своих трудах всё время затрагивает тему воспитания и формирования личности, её духовности и морального здоровья. Личность, обладающая такими качествами, сможет сделать верный выбор, столкнувшись с социальным и духовно-нравственным злом. Однако в этом понимании следует учитывать и то, как воспринимаются смысл человеческой жизни, её сущность и бытие. И здесь отправную точку Ильин видит в духовно-нравственном творчестве русских философов и писателей: В.С. Соловьёва, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и многих других. Их объединяло неприятие того назначения человека и смысла его жизни, который можно назвать «философией жизни», в основе которой представление о жизни как о наи-

высшей ценности. Философ, наоборот, говорил о несостоятельности видения смысла жизни в самой человеческой жизни. Есть иные ценности, которые находятся выше этой самой жизни, и существует «некий особый надбиологический и надсоциальный её смысл». Эти выводы можно сделать, исходя из того, что человек в первую очередь духовное существо. И из этого следует, что наивысшие ценности – религиозные, духовные и патриотические [2].

Он считал, что патриотическое воспитание – это приобщение человека как индивида к совершенному и родовому. Два разных аспекта патриотического воспитания определяют становление целостного человека. Уровень качества сопоставления моральных и духовно-нравственных критериев, с которыми личность себя идентифицирует и к которым стремится, определяет уровень её внутренней целостности, душевного и морального здоровья.

Непосредственной отправной точкой в воспитании и формировании личности является своё, родовое, кровное, национальное, родное. Отчизна, историческая память, родная культура, национальные традиции и символы – всё это в процессе патриотического воспитания осваивается и усваивается в качестве важнейшей основы самоопределения, самоидентификации личности человека и её самореализации. Формирование стремления к лучшему связано с воспитанием чувства принадлежности к национальному, родному; это даёт возможность глубже понять и принять духовное становление личности, которое и является процессом воспитания, передаваемого последующему поколению с целью развития и формирования у

него способностей к нравственному выбору.

Духовная основа содержания и структуры становления личности определяет процесс патриотического воспитания в качестве коммуникативной и социокультурной связующей. Этот процесс базируется на объединении, а не разъединении его участников. Главный смысл воспитания состоит не в простой адаптации его подопечных-воспитанников, в элементарном приспособлении к изменяющимся условиям внешней среды, а в социализации подрастающего поколения как объекта и субъекта духовно-патриотического воспитания, его эффективной адаптации, идентификации и самореализации.

Такое воспитание напрямую связано со специфическими и универсальными характеристиками его организации, предполагающей поиск оптимальных моделей и технологий патриотизации. Различные типы патриотического воспитания подразумевают дифференцированный подход при применении его конкретного типа и технологий, которые, в свою очередь, должны учитывать условия, сложившиеся на данный момент времени.

Процесс патриотического воспитания, нацеленный на своё, родное и лучшее, должен способствовать воспроизводству духовности человека, его стремлению к морально-нравственному развитию, определяющему объективно лучшую, исторически правильную и подлинно верную логику его мыслей и поступков. С этой точки зрения патриотическое воспитание является истинным развитием личности, наполнением её доблестью, верностью, героизмом, идеалами слу-

жения отечеству, добру, совестливости и чести. Это воспитание превращает человека не просто в нравственно-этическое существо, чему, скажем, могут служить и некоторые другие виды воспитания, но и в личность духовно-полноценную, социально-ответственную и действительно культурную и патриотическую [8].

И.А. Ильин считал религиозность и патриотизм живым и искренним стремлением к идеалу, который должен захватить все уголки человеческой души и привести их в движение, затрагивая все сферы его жизнедеятельности.

В своих трудах философ много раз обращался к этическим и нравственным вопросам. Ему были не безразличны проблемы справедливости, добра и зла.

Духовная основа, как и патриотизм, зарождается и становится именно в семье. Основа такого преобладания – любовь родителей к собственному ребенку, любовь к ближним. Как известно, для возникновения патриотизма только одной родительской любви не хватает, а иногда она провоцирует развитие эгоизма и равнодушия в ребенке. Важной составляющей духовной основы патриотизма является именно сама духовность, любовь к предельному, совершенному, абсолютному. Благодаря развитию именно такой любви ребенок начинает *самовоспитываться, стремясь найти именно тот глубокий смысл бытия*, и устремляется к объективно лучшему, объективно прекрасному. Просветлённость духовно-нравственного воспитания основывается на *духовной любви*, а патриотизм представляется через совокупность духовной и родительской любви как

их общее детище. Когда такой совокупности нет, что бывает в духовно «мёртвой» семье или в отсутствии родительской любви, то ребенок становится постепенно «частным» лицом и в то же время *отчужденным*, а не слитым со своей семьей. А это означает, что он не патриот. Семья, таким образом, выступает не просто как социальный институт, первоначальная ячейка общества, подразделение, но как *вместилище духовного очага и основа его возникновения*.

Не зря Иван Александрович писал по этому поводу: «Воспитать ребёнка значит заложить в нём *основы духовного характера* и довести его до способности *самовоспитания*» [7, с. 191]. Философ считает, что семья – это «духовный очаг» патриотизма, его источник, благодаря которому человеку даётся возможность «самому *войти* в ту *Родину*, которой стоит жить и гордиться, за которую стоит бороться и умереть». Помимо воспитания в любви Ильин акцентирует внимание на таких жизненно важных функциях, возложенных на семью, как: «...поддержание из поколения в поколение *отечественной традиции*»; «Семья есть для ребёнка первое родное место на земле; сначала место-жилище, источник тепла и питания, потом место осознанной любви и духовного понимания»; «Семья есть для ребенка первое «мы», возникшее из любви и добровольного служения, где один *стоит за всех и все за одного*. Она есть для него лоно естественной солидарности, где взаимная любовь превращает долг в радость и держит всегда открытыми священные врата совести. Она есть для него школа взаимного и совместного, организованного действия. Не ясно ли, что ис-

тинный гражданин и сын своей родины воспитывается именно в здоровой семье?» [7, с. 193, 194].

По мнению философа, необходимость в национальном воспитании присуща каждому народу, «только на этом пути человечеству удастся соблюсти священное начало родины и в то же время одолеть соблазны – как больного национализма, так и все разлагающего интернационализма» [6, с. 208].

Иван Александрович считал национализм любовью к духовному своеобразию народа и его духу, своего рода защитной реакцией народа на искажение основ бытия и национального духа. Национализм в этом свете выступает в качестве чувства любви к своей Родине, в отличие от современной трактовки, понимающей национализм как идеологический и политический термин, который представляется в извращенном понимании как разжигание межэтнической и межнациональной вражды, замкнутая обособленность внутри и недоверие к другим нациям. Философ понятия «национализм» и «патриотизм» ставит близко друг к другу, но у него «национализм» более узкое понятие. «Национализм» – это одна из составных положительных частей патриотизма. Всё, что сегодня приписывается отрицательного онятию «национализм» – обособленность народа, его самомнение, ненависть и враждебное отношение к другим народам, – Ильин трактовал как извращение этого понятия и говорил о том, что необходимо уважать национальные чувства и духовность других народов.

Ильин считал, что если национализм понимается правильно, то национальная культура произрастает из

творческого единства национальных и религиозных чувств. Национализм не идёт в противоречие с христианскими ценностями потому, что каждой нации присущ свой особенный «религиозный смысл», а «религиозная вера осмысливает национализм, а национализм возводит себя к Богу» [5, с. 329].

По словам Ильина, только лишь зрелый в духовном смысле человек может быть патриотом и гражданином своей Родины потому, что он бескорыстно, прилагая все силы, будет защищать и стоять насмерть за духовную культуру Отчизны. Именно ради этого и стоит жить.

Истинной, духовной любовью настоящий патриот любит свою Родину, а тот, кто мёртв духовно, её не любит по-настоящему и может предать.

«Сопринадлежность» формирует у людей патриотическое единство, делает единым их духовный уклад. Иван Александрович подчёркивал следующее: «Люди связываются в единую нацию и создают единую родину именно в силу подобия их духовного уклада, а этот духовный уклад вырабатывается постепенно, исторически из эмпирической данности – внутренней, скрытой в самом человеке (раса, кровь, темперамент, душевные способности и неспособности), и внешней (природа, климат, соседи). Вся эта внутренняя и внешняя эмпирическая данность, полученная народом от Бога и от истории, должна быть проработана духом, причём она и со своей стороны формирует дух народа, то облегчая ему его пути, то затрудняя и загромождая их. В результате возникает единый национально-духовный уклад, который и связывает людей в патриотическое единство» [6, с. 189].

Настоящий патриотизм и национализм как его составляющая, как отмечал философ, – это «...любовь не слепая, а зрячая; и парение её не только не чуждо добру и справедливости, и праву, и главное, Духу Божию, но есть одно из высших проявлений духовности на земле» [6, с. 217].

Ильин настаивал на том, что надо бороться с национальным обезличи-

ванием, приобщая детей с раннего детства к духовно правильному национализму. Воспитание подрастающего поколения – это «пробуждение их бессознательного чувствилища к национальному духовному опыту, укрепление в нём их сердца, их воли, их воображения и их творческих замыслов» [6, с. 202].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абишева А.К. О понятии «ценность» // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 139–146.
2. Бондарева Я.В. Генезис принципа трансцендентности как методологической основы русской религиозной мысли // Вестник Московского областного государственного университета. Серия: Философские науки. 2009. № 2. С. 14–24.
3. Бондарева Я.В. Единство веры и знания как базовый гносеологический принцип русской религиозной философии середины XIX – первой половины XX веков (статья вторая) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2010. № 1. С. 23–27.
4. Гринер Ф.Т. Ильин о патриотизме как всечеловеческой ценности // Культурологический журнал. 2015. № 4 (22). С. 8.
5. Ильин И.А. Основы христианской культуры // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1996.
6. Ильин И.А. Путь духовного обновления // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1996.
7. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 432 с.
8. Каримов Р.Р. Патриотизм как форма общегражданской идентификации россиян: на основе учений И.А. Ильина // Вопросы политологии. 2012. № 4 (8). С. 104–111.
9. Слукин С.В. Патриотизм в социокультурном развитии личности: дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2005. 194 с.
10. Станкевич А.Р. Нравственные принципы и проблема становления личности в философии И.А. Ильина: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2010. 144 с.

REFERENCES

1. Abisheva A.K. [On the Concept of “Value”]. In: *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 2002, no. 3, pp. 139–146.
2. Bondareva Ya.V. [The Genesis of the Principle of Transcendence as A Methodological Basis of Russian Religious Thought]. In: *Vestnik Moskovskogo oblastnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2009, no. 2, pp. 14–24.
3. Bondareva Ya.V. [The Unity of Faith and Knowledge as the Basic Epistemological Principle of Russian Religious Philosophy of the middle 19th – early 20th Centuries (the Second Article)]. In: *Vestnik Moskovskogo oblastnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2010, no. 1, pp. 23–27.
4. Griner F.T. [Ilyin on Patriotism as a Universal Human Value]. In: *Kul'turologicheskii zhurnal* [Journal of Cultural Research], 2015, no. 4 (22), pp. 8.

5. Ilyin I.A. [The Basics of the Christian Culture]. In: *Sobranie sochineniy. T. 1.* [Collected Works. Vol. 1]. Moscow, *Russkaya kniga* Publ., 1996.
 6. Ilyin I.A. The Path of Spiritual Renewal. In: *Sobranie sochineniy. T. 1.* [Collected Works. Vol. 1]. Moscow, *Russkaya kniga* Publ., 1996.
 7. Ilyin I.A. *Put' k ochevidnosti* [The Path to the Obvious]. Moscow, *Respublika* Publ., 1993. 432 p.
 8. Karimov R.R. [Patriotism as a Form of Civil Identity of the Russians: on the Basis of the Teachings of Ivan Ilyin]. In: *Voprosy politologii* [Issues of Political Science], 2012, no. 4 (8), pp. 104–111.
 9. Slukin S.V. *Patriotizm v sotsiokul'turnom razvitii lichnosti: dis. ... kand. filos. nauk* [Patriotism in Sociocultural Development of the Personality: PhD thesis in Philosophy]. Ekaterinburg, 2005. 194 p.
 10. Stankevich A.R. *Nravstvennyye printsipy i problema stanovleniya lichnosti v filosofii I.A. Il'ina. Dis. ... kand. filos. nauk* [Moral Principles and the Problem of Personality in I.A. Ilyin's Philosophy]. PhD thesis in Philosophy]. St. Petersburg, 2010. 144 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Потапенко Татьяна Владимировна – аспирант кафедры философии Московского государственного областного университета;
e-mail: vestimo@progtech.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Potapenko Tatiana V. – postgraduate student the Department of the Philosophy, Moscow Region State University;
e-mail: vestimo@progtech.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Потапенко Т.В. Идея патриотической основы личности в философии И.А. Ильина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 3. С. 81-87
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-81-87

CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Potapenko T.V. The Idea of Patriotic Foundations of Personality in I.A. Ilyin's Philosophy. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 3, pp.81-87
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-81-87

УДК 159.923.2

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-88-99

«РУССКИЙ КОММУНИЗМ» КАК ПОИСК РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (К 100-ЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ)

Тимошин А.С.*Ульяновский государственный технический университет**432037, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, д. 32, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируются взаимовлияние и связь двух феноменов: «русского коммунизма» и «русской идентичности». Целью этой статьи являются анализ и описание свойств, характеристик, особенностей проявления феномена русской идентичности в период «русского коммунизма» в России (СССР), который рассматривается как этап исторического творчества и попытка претворения идеалов коммунизма в действительность. Автор приходит к выводу, что русская идентичность, волею исторических судеб соединившись с нежизнеспособной в своей сущности марксистской догмой, «оживила» русский коммунизм своей творческой самобытностью и продемонстрировала миру альтернативный путь эволюции человечества, накопив как позитивный, так и негативный опыт процесса и результатов исторического творчества.

Ключевые слова: русский коммунизм, русская идентичность, историческое творчество, социальные справедливость и гармония, устремленность в будущее.

“RUSSIAN COMMUNISM” AS A SEARCH FOR RUSSIAN IDENTITY (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN REVOLUTION)

A. Timoshin*Ulyanovsk State Technical University**32, Severniy Venec st., Ulyanovsk, 432037, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the mutual influence and connection of two phenomena: “Russian communism” and “Russian identity”. The purpose of this article is to analyze and describe the properties, characteristics, features of the manifestation of the phenomenon of Russian identity in the period of “Russian communism” in Russia (the USSR) which is regarded as a stage of historical creativity and attempts to translate the ideals of communism into reality. The author comes to the conclusion that Russian identity due to historical reasons merged with Marxist’s non-viable dogma and turned into the Russian communism the creative originality of which demonstrated to the whole world an alternative way of mankind’s evolution as well as both positive and negative experience of the process and the results of historical creativity.

Key words: Russian communism, Russian identity, historical creativity, social justice and harmony, aspiration for the future.

Для проведения обозначенного исследования, выявления особенностей феномена русской идентичности в период русского коммунизма нами выбран социологический роман «Русская трагедия (Гибель утопии)» известного учёного-логика и социолога А.А. Зиновьева [2], который интересен не только оригинальной формой представления научных результатов социологического исследования в форме романа [4], но и личностью и судьбой самого автора. Вся научная и творческая жизнь А. Зиновьева была поделена на два периода, один из которых был посвящён критике «реального коммунизма» в СССР, а второй – в эмиграции – защите его явных преимуществ на фоне западного образа жизни. Для Зиновьева как для социолога и важнее всего как для человека и «романтика коммунизма» русская идентичность навсегда осталась связанной с русским коммунизмом как мировым историческим феноменом, идеалом и мечтой, исторической романтикой, которой жили миллионы, и свидетелями и участниками которой они являлись, переживая все его достижения, весь позитивный опыт. В своей последней работе, социологическом романе «Русская трагедия (Гибель утопии)» [2; 5] А. Зиновьев делает сравнительный анализ русского коммунизма с «постсоветизмом» (термин Зиновьева), установившимся после перестройки, анализирует причины гибели русского коммунизма, перспективы развития России, и, что важно для нашего исследования, указывает на особые свойства русского национального характера, русской идентичности, её особенностей, которые ярко проявили себя в переломный

для русской истории момент, период строительства советского общества, который Зиновьев называет периодом «русского коммунизма».

То, что Зиновьев признавал существование феномена идентичности у различных народов, наций, становится понятным из некоторых его суждений. Например: «Народы различаются по интеллектуальному уровню, по степени предприимчивости, по степени самоорганизации и многим другим признакам, играющим огромную роль в организации управления, в экономике, в овладении современной технологией и так далее» [1]. Зиновьев также утверждает факт существования национального характера и называет механизмы его сохранения: биологическая и социальная наследственность и искусственный отбор в виде системы воспитания, культуры, идеологии, религии, моральных норм и других социальных факторов [1]. Кроме того, он ставит в прямую зависимость особые свойства и характеристики национальной идентичности как от возникновения, так и от возможности решения многих социальных проблем данной нации.

Таким образом, концепт «идентичность нации» может рассматриваться, по Зиновьеву, по многим критериям: духовному, идеологическому, культурному, государственному, политическому, экономическому, социальному, цивилизационному, историческому, психологическому (национальный характер) и др.

Основным методом настоящего исследования является анализ социологического романа А. Зиновьева в предложенной парадигме и логике: выделение и систематизация авторских

взглядов и оценок «русского коммунизма» по предложенным выше критериям, и через этот анализ экспликация понимания феномена «русской идентичности». Попробуем проанализировать русскую идентичность периода русского коммунизма (1917–1991 гг.) по некоторым из них.

С идеологической точки зрения русская идентичность периода русского коммунизма имеет своим источником классический марксизм (К. Маркс, Ф. Энгельс), перерабатывается В.И. Лениным применительно к российским условиям (ленинизм), вульгаризируется И.В. Сталиным (сталинизм), ослабевает во время критики культа личности Сталина и вступает в полосу кризиса, наконец, терпит крах, заканчивая своё существование в качестве государственной идеологии при разрушении советской системы власти. Идеология «коммунизма» сыграла свою роль идеала справедливого устройства жизни, стремления к социальной правде, предложила новый исторический смысл существования всему человеческому сообществу, в том числе русскому. Зиновьев называет *устремленность в будущее* одним из основных качеств русской идентичности, т. к. идеологически русская идентичность устремлена и живёт в лучшем будущем [2, с. 7]. Люди «жили в коммунистическом будущем» лишь ментально, но от того, что эта жизнь была наполнена верой в коммунистическое будущее, вся реальная жизнь становилась *огромным социальным порывом* к работе для этого будущего.

И хотя реальный коммунизм сильно отличался и даже противоречил идеологическому, «догматическому» коммунизму, опыт построения перво-

го в мире социального (социалистического) государства при действии феномена русской идентичности продемонстрировал всему миру безусловные достоинства и достижения России (СССР). И здесь проявилось особенное свойство русской идентичности – «перерабатывать» любое новое по форме учение и идеологию в своё, со свойственным русским содержанием: «У нас, русских, всё получается не по теории. Что бы мы ни строили, у нас все получается по-русски, а не по социальным законам» [2, с. 14]. Высокая способность к историческому творчеству заставила русский коммунизм, зародившись, складываться во многом совсем не так, как рассчитывали революционеры и идеологи. «Он возник в результате исторического творчества миллионов людей, которые либо вообще понятия не имели о марксизме, либо знали о нём весьма смутно и истолковывали на свой лад. То, что получилось на деле, лишь по некоторым признакам похоже на марксистский “проект”» [2, с. 4, 8].

Тем более удивительным является исторический феномен, когда нежизнеспособная догма идеологического марксизма, «оживленная» специфической русской идентичностью, дала такие результаты в реальном русском коммунизме: гарантированное бесплатное образование по выбору в соответствии со способностями и склонностями, хорошо или достаточно оплачиваемая работа по профессии, оплачиваемый отпуск, бесплатное медицинское обслуживание, путёвки в дома отдыха и в санатории, дружеское общение в коллективе, совместные мероприятия, вечера, туристические походы, почти никакой бюрократи-

ской волокиты, бесплатное получение квартир. Зиновьев отмечает, что ценность всех перечисленных социальных условий будет осознана лишь со временем [2, с. 1, 2].

С культурной точки зрения Зиновьев отмечает русскую идентичность как необычайный мировой феномен, давший миру свидетельство *необычайной даровитости русского народа*, которая явилась в полную мощь как следствие культурной революции, совершенной в России в период русского коммунизма. Открылся совершенно свободный, поощряемый и даже насаждаемый властью доступ к образованию и культуре. Развитие и укрепление советской системы образования привело к возрастанию её авторитета на международной арене. Советская система образования скоро становится лучшей в мире, отмечает Зиновьев. Советская нация отмечается в международных исследованиях периода русского коммунизма как самая читающая нация в мире. Книга становится неотъемлемым атрибутом советского образа жизни и русской идентичности. Любовь русской (российской) интеллигенции и русского (российского) народа к книге становится характерной чертой советского периода: «Книга была для нас божеством. Мы были самым читающим народом в мире» [2, с. 2]. Неистребимая тяга и интерес к знаниям, к культуре, способность к творчеству, как только они стали возможны для большинства народа, стали свидетельством ещё одной характеристики русской идентичности периода русского коммунизма.

По государственному критерию Зиновьев указывает на расхождение теории и практики марксизма: марксистский постулат о постепенном от-

мирании государства Зиновьев характеризует как ложный. Государство при коммунизме не отмирает, но, напротив, укрепляется, функции его расширяются так, что оно становится базисом коммунистической социальной организации. Оно становится необходимым средством сохранения целостности общества и управления им как единым целым. *Государство при коммунизме* играет роль центральной нервной системы в организме и превращается в *сверхгосударство*. Государство не столько служит обществу, сколько «общество становится аренной и материалом деятельности государства, сферой приложения его сил, средством удовлетворения его амбиций и потребностей. Государство тут становится монопольным субъектом истории» [2, с. 29]. Исторический опыт построения первого в мире коммунистического общества показал не только ошибочность марксистской догмы об отмирании государства, но и *тяготение к сильной центральной власти* в России как единственное условие для сохранения жизнеспособности государства. Органическое стремление к сильной централизации продемонстрировала также политическая власть КПСС, верховному аппарату которой принадлежала вся её полнота, и которая осуществлялась по принципу соподчинения, хотя иллюзия народовластия всячески стимулировалась и сохранялась через множество сопутствующих общественных форм самоуправления: комсомол, профсоюзы, советы народных депутатов и др.

При стремлении к централизации логичным явлением для русской идентичности периода русского коммунизма стала *экономика*, которая при-

обрела качества *планово-командной и государственной* в противовес рыночной и частной. Характерным также явилось стремление к *социально оправданной экономике и хозяйству*. Советская экономика постепенно сложилась в совокупность «государственных клеток» – предприятий, внутренняя цель которых была направлена на удовлетворение материальных (хозяйственных) потребностей государства и самых необходимых, можно сказать, минимизированных потребностей народа. Все эти «клеточки», которые функционировали по единому государственному плану, были организованы по принципам начальствования – подчинения и насыщены многочисленными социальными (неделовыми) функциями идеологии и коллективизма: «На Западе это называли командной экономикой и считали величайшим злом» [2, с. 82]. Стремление поставить во главу угла приоритеты исторической перспективы и романтики, а экономику сделать вторичной, обслуживающей и выполняющей роль необходимого материального базиса для решения великих исторических задач, является другой важной составляющей характеристикой русской идентичности периода русского коммунизма. Свою способность к творчеству в ведении хозяйства, умению воплощать в жизнь самые огромные по масштабу и смелые по творческому замыслу экономические проекты русская идентичность периода русского коммунизма показала в создании таких отраслей экономики, как космическая, автомобильная, атомная промышленность, самолетостроение, ВПК и др., в которых были достигнуты результаты мирового уровня.

Характеризуя русский коммунизм по социальному критерию, Зиновьев обращает внимание на *гарантии социальных прав*, на действие принципа *социальной справедливости* и на характер *социальных отношений*. Советские граждане получили минимум необходимых для жизни социальных гарантий и прав: на оплачиваемую работу, на отдых, на бесплатное медицинское обслуживание, на образование, на жильё, на питание, на личную безопасность, на пенсию по старости и инвалидности. Эти нормы, как отмечает Зиновьев, были реализованы в советском обществе и «общество социальной справедливости было построено фактически» [2, с. 80]. В социальном плане резко сократился разрыв беднейших и привилегированных слоев. Этот разрыв соотносился как 4 к 1 [2, с. 1] в сравнении 30–40 к 1 в современной России. К недостаткам социального плана при построении реального социализма-коммунизма в советском обществе нужно отнести, по мнению Зиновьева, тот факт, что за соблюдение этих прав и гарантий часто приходилось *сражаться в индивидуальных битвах, где все против всех*. Например, работа гарантирована, но часто не та, на какую претендует человек. Жильё гарантировано, но часто всего лишь коммуналка или комната в общежитии, а не комфортабельная квартира. Причём в социальном отношении «распределение доминирует над производством, так что это общество можно назвать *распределительским*» [2, с. 35].

К несомненным социальным достижениям русского коммунизма Зиновьев относит факт *высокой социальной мобильности* по подъёму из низших сло-

ев в высшие: «Дети рабочих и крестьян в огромном числе получали среднее и высшее образование, становились инженерами, врачами, учителями, профессорами, офицерами, чиновниками, учёными, артистами и т. д.» [2, с. 12]. Основными факторами движения вверх по социальной лестнице при коммунизме являются образование, квалификация, личные способности, факторами «вспомогательными» – личные связи (протекция), в том числе родителей, иногда карьеристская ловкость. Но в основном человек оценивался и продвигался по личным качествам. К этому очень быстро привыкли и перестали замечать, а воспринимали как данность «от природы» [2, с. 10]. Заметив, что это *качество социальных отношений* стало для русской идентичности «*природным*», Зиновьев указывает на её коннотативность, сущность изначальному сущностному смыслу и *стремлению русской идентичности к социальной справедливости и социальной гармонии*.

Социальные преобразования русского коммунизма стали, по мнению Зиновьева, *основным побудительным фактором к творческой составляющей русской идентичности*. Все взлёты и достижения русской культурной, научной и технической работы стали возможными, считает Зиновьев, лишь вследствие социальных преобразований – успехи в покорении космоса, в создании ракетного и ядерного оружия, в самолетостроении: «А за этим всем стояло возникновение новых категорий людей, нового образа их жизни, системы ценностей ... тонуса жизни, устремлений и т. д. Это был огромный жизненный подъём, взлёт, порыв» [2, с. 31]. Именно условия со-

циализма позволяли сосредоточить огромные материальные ресурсы и вдохновить людей на решение необходимых масштабных задач, которые часто невозможно решить в условиях рыночных отношений.

Основным феноменом в *социальных отношениях*, сформированных русским коммунизмом, Зиновьев называет *коллектив*: «...иллюзия того, что власть в стране принадлежит народу, была всеподавляющей иллюзией тех лет» [2, с. 12]. *Коллективизм* как свойство русской идентичности выражался в предельном демократизме общения, в регулярном приёме гостей. Сегодня «*феномен “домашних” объединений исчез*» [2, с. 3]. «Оказалось, что он был специфически советским. Для него нужны были люди со сходным уровнем и типом культуры, с обеспеченным материальным положением, без особых карьеристских склонностей, до известной степени удовлетворённых своим положением в обществе» [2, с. 3]. Разрушение коллективизма Зиновьев считает самой ощутительной потерей для русской идентичности, т. к. разрушение советских коллективов стало базовой основой для возникновения остального беспредела в новой российской действительности 90-х гг. XX в.: человек без «контроля своего ближайшего окружения» становится «беспредельщиком» по сути [2, с. 4].

Период осуществления «русского коммунизма» в *цивилизационном смысле* показал, по Зиновьеву, несколько важных цивилизационных достижений и позиций. Россия (СССР) показала всему миру *новое направление социальной эволюции*. «На этом пути Россия добилась колоссальных успехов. Она нашла решение самых фун-

даментальных социальных проблем, в принципе неразрешимых в рамках западного пути» [2, с. 59]. Советский Союз (Россия) за поразительно короткое (с исторической точки зрения) время развил *колоссальный интеллектуальный и творческий потенциал*, который напугал Запад не меньше, чем потенциал военный. Он стал реальным коммунистическим конкурентом западному варианту эволюции человечества и заразительным образцом для многочисленных народов планеты. Коммунизм стал стремительно распространяться по планете, особенно в результате победы Советского Союза над Германией в войне 1941–1945 гг. Для Запада *резко сократились возможности колонизации планеты* и нависла угроза быть загнанным в свои национальные границы, «что было бы равносильно его упадку и даже исторической гибели» [2, с. 59]. Советский Союз стал второй сверхдержавой планеты с огромным военным потенциалом. Угроза военного разгрома Запада и победы мирового коммунизма стала выглядеть вполне реальной. Сами *западные страны* под влиянием советского («русского») коммунизма вынуждены были усиливать тенденции к *«усвоению целого ряда черт коммунизма»* [2, с. 59].

Таким образом, в неотъемлемое свойство русской идентичности вошёл *опыт построения первого в мировой истории коммунистического общества*, опыт достаточно долгого, совершенно нового эволюционного исторического пути, который стал образцом не только для многих народов планеты, но заставил во многом измениться и западный путь развития и вновь на качественно другом историческом

уровне засвидетельствовал *свойственное русской идентичности мировое цивилизационное влияние*.

Особым историческим процессом и событием, которые «окрасили» весь послевоенный исторический период жизни советского общества, были события и процессы так называемой Холодной войны. Именно этот мировой исторический феномен подвергнут Зиновьевым тщательному анализу. Впервые, Зиновьев резко критикует основную цель этой войны и говорит, что война не была соревнованием или конкуренцией двух социальных систем. Идеологический «налёт» в противостоянии со стороны Запада скрывал другую истинную цель – разрушение России независимо от её социального строя. Провозглашая ложную цель – уничтожение коммунизма – Запад на самом деле стремился уничтожить Россию. Зиновьев считает, что *русская идентичность была необыкновенно подходящей для коммунизма*, срослась с ним, как с неким сродным себе компонентом, сущностью. Поэтому, когда, по-видимому, разрушали коммунизм, по сути, разрушали русскую идентичность в какой-то её важнейшей части и сущности. Зиновьев озвучивает свой знаменитый тезис: «Целились в коммунизм, а убили Россию» [2, с. 47].

Ненависть к России, желание её порабощения и попытки превращения в колонию начались задолго до революции 1917 г. После революции и неудавшейся интервенции западных держав Запад надолго расстался с надеждой на колонизацию России. Победа СССР во Второй мировой войне «отняла» у Запада пол-Европы и подтвердила опасения идеологов Запада: военным способом Россию не одолеть.

«Холодная война» стала своего рода «психологической обидой» и реакцией Запада на возросшую мощь Советского Союза. Теперь Западом ставилась задача разрушить советское общество идейно, морально и политически. В ход были пущены средства западного разложения: пропаганда секса, интимной сферы кинозвезд и медийных личностей, удержание внимания на сценах преступности, извращённых формах удовольствия, соблазна комфортом и праздным образом жизни, игрой, возможностями скорого и быстрого обогащения путём мошенничества, обмана, грабежа. При этом не забывались и всячески провоцировались национальные и религиозные конфликты. Как отмечает Зиновьев, именно здесь Западом была нащупана слабая часть русской идентичности [3, с. 163, 164]. И в результате вторая сверхдержава мира поразительно быстро капитулировала.

Оценивая самые важные *исторические вехи в развитии России XX в.*, Зиновьев отмечает прежде всего оценочную (критическую) и фальшивую терминологию, насильственно внедрённую в сознание российских и западных граждан. К этой терминологии относятся понятия «чёрный провал в российской истории» (о годах советского строя), «застой» – о брежневском периоде [2, с. 38, 49, 50], «империя зла» – об СССР. Зиновьев называет эти понятия не просто искажением или непониманием исторического пути России (СССР), но прямой и *умышленно-сознательной фальсификацией* советской истории и реальности со стороны Запада. Конечно, соглашается Зиновьев, советское общество не было идеальным, как не было идеальных

обществ во всемирной истории вообще. Оно имело свои недостатки, но достоинства, которые оно продемонстрировало в такой степени и в такой исторически короткий срок, вызвало на Западе бешеную ненависть, зависть и огромный страх перед заразительным примером коммунизма и беспрецедентными успехами Советского Союза.

Характеристика *исторической концепции развития* страны периода русского коммунизма, данная Зиновьевым, очень похожа на современную: идти своим самостоятельным путём, снять цель догоняющей Запад экономики, развивать социальное государство (социальные права и гарантии), прививать людям свою систему коммунистических (сегодня – православных и традиционных нравственных) ценностей, воздействовать своим примером на народы мира, оказывать помощь в национально-освободительной борьбе народам, развивать военную промышленность, укреплять вооружённые силы, проявлять мировую активность с опорой на военную мощь [2, с. 38]. Результатом воплощения этой исторической концепции стало закрепление статуса Советского Союза в качестве *второй супердержавы в мире*.

Размышляя о феномене русского коммунизма, Зиновьев уделяет достаточно много внимания *психологическим качествам* и характеристикам «человеческого материала» (термин Зиновьева), его трансформации и переходу в некое другое качество и состояние, отличные от таковых в предыдущем историческом времени. Так, он выделяет феномен формирования *некоего психологического типа «комму-*

няк» – людей, сформированных социальными условиями советского строя. Социальные условия русского коммунизма вырабатывали такие свойства, как «неприхотливость, хамелеонство, склонность к халтуре и очковителству, склонность к холуйству перед властями, уверенность в будущем, устойчивость жизненных линий, низкий уровень предприимчивости и способности к риску и т. п. В одних и тех же индивидах могли уживаться противоположные качества, проявляющиеся в зависимости от обстоятельств. Это, например, способность на самоотверженные поступки и трусость, надежность и способность на предательство» [2, с. 70]. Зиновьева особенно возмущало такое свойство некоторой части русской «идеологении» (термин Зиновьева), как предательство. Часть привилегированной элиты, писатели, академики, политики, люди культуры, в 90-е гг. изображали из себя жертв режима, будучи щедро вознагражденными этим режимом почестями и наградами, квартирами и дачами, закрытыми распределителями [2, с. 49]. Зиновьев просит отличать коммунистов от коммуняк. Их различия: 1) во времени возникновения: коммунисты возникли раньше, коммуняки – как исторический плод нового коммунистического строя; 2) по их роли в исторической действительности: коммунисты совершили революцию и строили коммунизм, коммуняки зародились после революции, стали множиться и зреть, и выгодно пользоваться преимуществами и результатами коммунизма; 3) коммунисты были идеологами построения коммунизма, коммуняки социальными потребителями и приспособленцами. Именно коммуняки

стали постепенно богатеть, обрывать привилегиями и имуществом, овладевать реальной властью во всех сферах советского общества. Коммуняки лишь имитировали коммунистов, но не были идейными убежденными коммунистами. Зиновьевым с сожалением отмечается *общая атмосфера лжи как нравственного качества*, пронизавшего всю советскую жизнь периода русского коммунизма.

Таким образом, Зиновьев связывает проявление феномена русской идентичности периода русского коммунизма с несколькими свойствами и характеристиками: с *особой «сродностью»*, в некотором смысле, *однородностью* русской идентичности с коммунизмом как неким воплощением идеала социальной справедливости и социальной гармонии, с её устремленностью в райское коммунистическое будущее, с необычайной способностью к историческому творчеству, перерабатывающему любую идеологию по-своему, и при этом с особой объективной и исторически судьбоносной одаренностью русского народа, обогатившей мировую историю опытом реализации колоссального интеллектуального и творческого потенциала на пути нового направления социальной эволюции человечества, с особыми социальными условиями советского образа жизни, где впервые в мире было фактически построено социальное (социалистическое) государство. Период русского коммунизма давал особое психологическое состояние: «детскую беззаботность в настоящем и взрослую уверенность в будущем» [2, с. 36].

Новая организация *плановой экономики* дала не только возможность

сосредоточения огромных материальных и людских ресурсов для осуществления грандиозных промышленных и военных проектов, но также продемонстрировала возможность работоспособности при определённых условиях и на определённый исторический срок социальной экономики, которая подчиняет принцип рентабельности принципу социальной оправданности. Именно качество русской идентичности в стремлении расположить иерархию ценностей с приоритетом социального и идеального над прибыльной экономикой как таковой исторически осуществило такой принцип организации. Опыт построения первого в мировой истории коммунистического общества, опыт нового эволюционного исторического пути, который стал образцом не только для многих народов планеты, но заставил во многом измениться и западный путь развития, засвидетельствовал качественно свойственное русской идентичности мировое цивилизационное влияние.

При этом русская идентичность показала и сильное тяготение к консервативным качествам сохранения сильной централизованной государственной власти. Это свойство русской идентичности подтверждается также и многими историческими фактами инициирования смены режима «сверху». Из консервативных начал, присущих русской идентичности, Зиновьев отмечает традиционное для неё явление коллективизма, не только сохранившееся, но и приумноженное в советской России (СССР). Все условия новой советской действительности (идеологические, государственные, экономические, политические и др.) стимулировали существование и ут-

верждение коллективной формы социальной организации. *Единовластие и единство русского народа*, неоднократно проявленное в русской истории и показавшие себя как стержень жизнеспособности русской идентичности, явились, по мнению А. Зиновьева, одной из главных мишеней Запада в разрушении России (СССР). Тотальную приватизацию крупных экономических активов Зиновьев относит именно к осуществлению этой задачи: разрушение единства русского народа и единовластия. Зиновьевым также отмечен феномен «будничности» коренного перелома в векторе развития России в 1991–1993 гг., как когда-то в 1917 г. [6], который, по его мнению, свидетельствует о неистребимом качестве русской идентичности: о доверии к власти и надежде на то, что «кто-то спасет их от обрушившихся на них бед» [2, с. 45].

К прирожденным психологическим недостаткам русской идентичности Зиновьев относит детскую доверчивость, расположенность к обману, незащищённость от западных заклинаний и мантр о страшной в мировой истории трагической судьбе русского народа, недостаточность здравого смысла, мужественного ума и характера. Слабость русской идентичности, по Зиновьеву, выразилась также в тщеславии, славомании, в неумении отделять зерна собственного положительного исторического опыта от пустых плевел насаждаемых западных идеалов, в неумении находить золотую середину и свой путь [7, с. 157]. Защищая идеальный коммунизм, Зиновьев отмечает, что реальный коммунизм одним из важнейших своих качеств, к сожалению, продемонстрировал ложь, прони-

завшую всю советскую жизнь периода русского коммунизма. Притяннутость и расхождение идеологических клише с реальной действительностью запустили многие «ложные» процессы в русском коммунизме: карьеризм и приспособленчество, стремление выдавать желаемое за действительное, воровство, приписки, скрытую и явную борьбу всех против всех. Нараставшие внутренние проблемы, требовавшие правдивого и трезвого взгляда

и решения, упорная психологическая и информационная борьба Запада с СССР предопределили усиливавшийся кризис русского коммунизма и в очередной раз изменили вектор развития страны.

Однако «русский коммунизм» как исторический феномен явился уникальным опытом проявления, развития, приобретений и уроков как для русской идентичности, так и для истории всего человечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиновьев А.А. Логическая социология [Электронный ресурс] // Alexander Zinoviev: [сайт]. URL: <http://www.zinoviev.ru/rus/text2logic.pdf> (дата обращения: 29.09.2017).
2. Зиновьев А.А. Русская трагедия [Электронный ресурс] // Крокус: [сайт]. URL: <http://croquis.ru/Zinovjev-Russkaya-tragedija> (дата обращения: 29.09.2017).
3. Кара-Мурза С.Г. Сборка народа как условие восстановления державы. // Национальная идентичность России и демографический кризис: материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 20–21 октября 2006 г. М.: Научный эксперт, 2007. С. 162–168.
4. Песоцкий В.А. Художественная литература и идеология: основные характеристики их взаимодействия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2008. № 2. С. 52–71.
5. Песоцкий В.А. Художественная литература и идеология (Природа и сущность идеологии, идей, идеалов и принципов) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2008. № 2. С. 36–51.
6. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени [Электронный ресурс] // Библиотека «Вехи»: [сайт]. URL: <http://www.vehi.net/rozanov/apokal.html> (дата обращения: 29.09.2017).
7. Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России. Руководящие идеи русской жизни // Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения / сост. Е. Троицкий. М., 1995. С. 152–162.

REFERENCES

1. Zinoviev A.A. [Logical Sociology]. In: *Alexander Zinoviev*. Available at: <http://www.zinoviev.ru/rus/text2logic.pdf> (accessed: 29.09.2017).
2. Zinoviev A.A. [The Russian Tragedy]. In: *Krokus*. Available at: <http://croquis.ru/Zinovjev-Russkaya-tragedija> (accessed: 29.09.2017).
3. Kara-Murza S.G. [The Assembly of People as a Condition for Power Restoration]. In: *Natsional'naya identichnost' Rossii i demograficheskii krizis: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Moskva, 20–21 oktyabrya 2006 g.* [National Identity of Russia and Demographic Crisis: materials of All-Russian Scientific Conference, Moscow, October 20–21, 2006]. Moscow, *Nauchnyi ekspert* Publ., 2007, pp. 162–168.
4. Pesotskii V.A. [Literature and Ideology: the Main Characteristics of Their Interaction]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2008, no. 2, pp. 52–71.

5. Pesotskii V.A. [Literature and Ideology (The Nature and Essence of Ideology, Of Ideas, Ideals and Principles)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2008, no. 2, pp. 36–51.
 6. Rozanov V.V. [Apocalypse of Our Time]. In: *Biblioteka «Vekhi»* ["Milestones" Library]. Available at: <http://www.vehi.net/rozanov/apokal.html> (accessed: 29.09.2017).
 7. Tikhomirov L.A. [The Reform of the Updated Russia. The Leading Ideas of Russian Life]. In: *Russkaya natsiya: istoricheskoe proshloe i problemy vozrozhdeniya* [The Russian Nation: History and Problems of Rebirth]. Moscow, 1995, pp. 152–162.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимошин Александр Сергеевич – аспирант кафедры философии Ульяновского государственного технического университета;
e-mail: lagger-2@hotmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Timoshin Alexander S. – postgraduate student at the Department of Philosophy, Ulyanovsk State Technical University;
e-mail: lagger-2@hotmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тимошин А.С. «Русский коммунизм» как поиск русской идентичности (к 100-летию Русской революции) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 3. С. 88-99
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-88-99

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

Timoshin A.S. "Russian Communism" As a Search for Russian Identity (To the 100th Anniversary of the Russian Revolution). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 3, pp. 88-99
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-88-99

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 168.521

DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-100-111

ОПЕРАЦИОНАЛИЗМ В НАУКЕ: ИСТОКИ, ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ (НА ПРИМЕРАХ ИЗ ИСТОРИИ ФИЗИКИ И ХИМИИ)

Чечеткина И.И.

*Казанский национальный исследовательский технологический университет
420015, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 68,
Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена проблеме математизации науки на примерах из истории физики и химии. Основное внимание акцентировано на анализе понятия «операционализм», выдвинутого в структурализме Н. Мулуда. Прослеживается зарождение операционализма в математике Декарта и его философском обосновании учения о методе. Рассматривается дальнейшее внедрение операциональных математических средств в физику и химию. Показаны как прогрессивная роль операционализма в создании алгоритмов и рождении новых понятий науки, так и его ограниченные возможности в создании единого языка химии. Действие операционализма в истории науки заключается в тотальной математизации, способствующей развитию формальных систем, языка и предсказательной функции науки. Автор приходит к выводу, что в химии этот процесс терпит крушение вследствие невозможности полной унификации и кодификации свойств химических частиц с помощью математических средств, поэтому химия остается самостоятельной и независимой наукой.

Ключевые слова: философия науки, структурализм, математизация науки, операционализм в физике и химии, создание новых понятий, язык химии, редукционизм.

OPERATIONALISM IN SCIENCE: ORIGIN, CAPACITIES AND LIMITS (EXAMPLES FROM THE HISTORY OF PHYSICS AND CHEMISTRY)

I. Chechetkina

Kazan National Research Technological University

68, K. Marx st., Kazan, Republic of Tatarstan, 420015, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the problem of mathematization of science illustrated by the examples from the history of physics and chemistry. The main attention is focused on the analysis of the concept of “operationalism” formulated in N. Mouloud’s structuralism. The study traces the origin of operationalism to Descartes’ mathematics and its philosophical grounding in *Discourse on the Method* and then covers further penetration of operational mathematical tools into physics and chemistry. The author shows a progressive role of operationalism in emergence of new scientific concepts and reveals its limitations in creating a common language of chemistry. The outcome of operationalism in the history of science is total mathematization promoting the development of formal systems, language and the predictive function of science. The author comes to the conclusion that this process crashes in chemistry due to the impossibility of complete unification and codification of the properties of chemical particles by means of mathematical means, that is why chemistry remains an independent science.

Key words: philosophy of science, structuralism, mathematization of science, operationalism in physics and chemistry, the creation of new concepts in science, the language of chemistry, reductionism.

Теоретизация науки ведёт к развитию её концептуального аппарата средствами математики. В результате проникновения в естественные науки операциональных алгебраических средств как совершенствуется язык науки, так и развиваются аксиоматические системы, опираясь на которые, наука может достаточно точно объяснять и предсказывать явления природы. В этом состоит методологическая роль операционализма в науке.

Философы и учёные, занимающиеся проблемой математизации науки, по-разному оценивают её роль в естественных науках. Одни видят в ней безграничное средство для развития науки: Пифагор, Платон, Г. Галилей, Р. Декарт, Р. Бэкон, И. Кант, К. Гаусс, М.В. Волькенштейн. Другие видят её

ограниченность в познании многих явлений: Э. Гуссерль, В. Гейзенберг и А. Эйнштейн, А.Е. и Б.А. Арбузовы.

Изучение роли математики в естественных науках требует обращения не только к настоящему, но и к прошлому, поскольку в нём существуют истоки этого явления, позволяющие раскрыть его особенности.

Операционализм Декарта как метод познания в математике

Термин «операционализм» заимствован из структурализма Мулуда, в котором он раскрыл «связь между системами символов и структурами объектов» [9, с. 35], которые изучаются естественными науками. Под операционализмом понимается техника оперирования символами и знаками

естественнонаучных объектов по правилам логики и математики.

В истории математики операциональные правила, способствующие преобразованию символов в аксиоматических системах, появились не случайно, они всегда были связаны с решением какой-либо математической задачи. Например, Лагранж и Коши выявили роль группы подстановок n элементов, когда решали алгебраические уравнения. Они привлекли внимание к понятию «группа», которое состояло в операциях над символами; операции заключались в изменении их порядка. Группа позволяет проводить преобразование свойств объекта, оставляя его неизменным. В дальнейшем изучение свойств групп привело к их классификации в зависимости от типа операции и стало источником развития не только самой математики, но и естественных наук.

Математика Античности (Евклид) и Нового времени (Декарт) дала первые модели операциональных правил, но со временем основу операционализма стали составлять символические формы алгебры, которые и легли в основу современной науки.

В Новое Время пионером в этом направлении был Ф. Виет, который стал вводить алгебраическую символику для решения числовых отношений. Он проводил параллель между решением алгебраических уравнений и геометрическими построениями.

Эти идеи оказали впоследствии влияние на Р. Декарта, создателя аналитической геометрии. Принципиально новым у Декарта было то, что им был изменён взгляд на саму геометрию: он не только ввёл новые символические обозначения в геометрию,

но и систематически сводил геометрические задачи к алгебраическим, широко внедряя операционалистский подход.

Внимание Декарта было сосредоточено на технизации геометрии с помощью алгебры. В труде «Геометрия» он построил исчисление отрезков, подобное арифметическому, и на основании операционального сходства предметов объединил геометрию и алгебру. Задачи на нахождение отрезков можно было решать с помощью формального алгоритма, как в арифметике, сам алгоритм выводится из соотношения, связывающего отрезки геометрической фигуры. Так получалось уравнение, решение которого приводило к выделению из него совокупности операций над известными отрезками для получения неизвестного.

Техника оперирования с отрезками была математическим выражением философского метода Декарта. В «Правилах для руководства ума» он описывает основные положения своего метода: начинать с простого и очевидного (от найденного уравнения). Дальше нужно с помощью цепочки умозаключений идти от простого к сложному с помощью дедукции, следуя алгоритму. При этом двигаться нужно методически, именно последнее обстоятельство гарантирует полноту полученных результатов. Искомое конструируется из того, что известно [5].

Последовательное применение найденного метода в науках, основанных на мере и порядке, должно было привести, по мнению Декарта, к построению универсальной математики, всеобщего исчисления, называемого *mathesis universalis*, основанного на

технике калькуляции с формальными символами.

Декарт с помощью нового метода отбросил всё богатство интуитивных возможностей в геометрии, которым следовала Античность (дополнительные построения в пространстве с помощью циркуля и линейки, интуитивное схватывание геометром формулы (эйдоса) геометрической фигуры). На первый план в познании вышел математический формализм в поиске алгоритма решения найденного уравнения и его дальнейшая геометрическая интерпретация. В.Н. Катасонов пишет о смысле операционализма как метода познания так: «Внимание методологии с наступлением Нового времени всё больше перемещается с тех сущностей, которыми оперирует наука, на те операции, которым подвергает её субъект, на активность самого субъекта, что в философии означает становление новоевропейского идеализма» [8, с. 99].

Внедрение операционализма в физику в Новое время

В Новое время дальнейший марш к научности, выразившийся в математизации механики, связан с именем Галилео Галилея, осознавшего фундаментальную роль математики в эксперименте. Он сближает физический объект с математическим в идеализированном эксперименте и создает новую физику, способную устанавливать законы движения. Отныне механика становится точной наукой, поскольку её основой является математика.

Математизацию механики осуществил Ж. Лагранж, широко внедряя операционалистские методы в механи-

ку И. Ньютона, что позволило ему создать новую аналитическую механику. Свою задачу в механике Лагранж видит так: «Я поставил себе целью свести теорию механики и методы решения связанных с нею задач к общим формулам, простое развитие которых даёт все уравнения, необходимые для решения каждой задачи...» [7, с. 11].

Лагранж создаёт математический формализм в механике следующим образом: заменяет множество сил, независимых друг от друга и действующих на индивидуальные тела, на одну силовую функцию, и все механические понятия сводит к математическим абстракциям. Для него силы пространства, времени и скорости являются простыми отношениями, обыкновенными математическими количествам. В «Аналитической механике» Лагранж заменяет уравнения движения Ньютона на базовый вариационный принцип. Последнее обстоятельство позволило упразднить множество *ad hoc* утверждений, существовавших в классической механике. Вариационный принцип стал базовым в механике Лагранжа, и вся аналитическая механика систематически сводила отдельные задачи механики к вариационной задаче для определенного интеграла [10, с. 256], к поиску его общей формулы. Этот подход был алгоритмическим, и именно в этом Лагранж видел его огромное значение: он стремился свести механику к области математического анализа, которая содержала в то время наиболее разработанную систему математических доказательств. Так, декартовский идеал всеобщей универсальной математики был реализован в механике Лагранжа.

Если физика, начиная с XVII в., с успехом внедряла математические

представления, развивая операционалистский подход, то химия в это время предпочитала от него воздерживаться, увидев его беспомощность в объяснении химических явлений, объём которых быстро нарастал. Химикам этого времени предстояло сначала пропустить свои вещества через реторту, выработать язык символов и свои собственные теоретические представления, чтобы потом на основе своих понятий (количественных законов и структурных представлений) объяснить фактический материал.

Исторические предпосылки запаздывания математизации химии по сравнению с физикой в XVII в.

Исторические предпосылки запаздывания научного развития химии по сравнению с физикой в XVII в. связаны с унаследованием химии от прошлого таких «концептуальных систем», как учение о четырёх элементах, или стихиях Аристотеля, спагиритовскую (последователи Парацельса) трехэлементную теорию и алхимические представления. Химики этого столетия свободно сочетали алхимические представления и стремились «вписать» свои наблюдения в космологическую картину мира, принятую ими в «концептуальных системах». Для этого они обращались к неоплатоническому спиритуализму или к алхимическим идеям трансмутации. Опытные данные они пытались объяснить с помощью этих учений, но универсальный язык описания явлений отсутствовал.

Решительную позицию по отношению к элементаризму Аристотеля, рассматривавшему химические элементы

как простые неделимые субстанции, занял Р. Бойль, введя в химию механико-корпускулярные представления. Целью Бойля было развитие языка описания механически движущихся корпускул, которые он наделял различными размерами, формами и характеристиками движения, чтобы объяснить свойства веществ. Бойль, следуя традиции Галилея, начинает вводить в экспериментальную химию количественный подход: он использует весы, приборы для измерения свойств газов и жидкостей. Но в отличие от Галилея Бойль ещё не понимает фундаментальной роли математики в теории, сводящейся к установлению связи между практикой и теорией, что позволяет эффективно управлять химическим экспериментом. Словом, химия в XVII в. нуждалась в традиции, идущей от Пифагора, утверждавшей, что «всё есть число», и без этой традиции химия не смогла бы стать наукой.

Исторические предпосылки запаздывания становления химии как науки по сравнению с физикой связаны также с особым типом химической рациональности, установившейся в среде научного сообщества до появления Лавуазье. Этот тип рациональности был ориентирован на сохранение объяснительного статуса качественного разнообразия мира, выступал альтернативой механико-корпускулярному подходу в химии, отсюда следовало скептическое отношение химиков к корпускулярным представлениям Бойля и неприятие его взглядов. Этот тип рациональности В.П. Визгин называет квалиитативистским, его главная черта – «отсутствие редукции чувственно воспринимаемых качеств изучаемых явлений, данных в опыте, к механико-корпускулярным

структурам и количественно определенным факторам», поэтому «типичные методы этой рационализации – качественная элементология и классификация веществ и тел, иерархизация качеств» [3, с. 223]. Квалитативистский тип рациональности находил себе опору в познании – традиции, восходящей к программе науки Аристотеля. В программе науки Аристотеля утверждалась концепция четырех элементов (стихий), из которых состояли все природные тела, свойства которых можно было наблюдать. Концепция придавала вторичным качествам вещей статус сущностей, которые можно было классифицировать и систематизировать с целью упорядочивания химических явлений. Без опоры на эту концепцию в программе науки Аристотеля предмет химии был бы невозможен.

В XVIII в., в эпоху исследований Лавуазье, химики предпочитали обращаться не к гипотетическим корпускулярным представлениям Бойля, а к своим традициям XVII в. – к концепции четырех элементов Аристотеля. Лавуазье совершает переворот в традиции: он заменяет четыре элемента Аристотеля на химические элементы и интерпретирует их как простые чистые вещества, неразложимые в химических реакциях на составные части. Исследование и выявление элементов было поставлено на количественную аналитическую основу и означало изучение прокаливания металлов и процессов горения. По-сути, место Галилея в химии занял Лавуазье, считает В.П. Визгин, поскольку он соединил две традиции, идущие от античности – концепцию элементов Аристотеля и учение о числах Пифагора. Но его когнитивная теоретическая система химии была переходной, и её завершением стали количе-

ственные законы химии, установленные в конце XVIII – начале XIX вв.: закон эквивалентов (Рихтер и Дальтон), законы постоянства состава (Пруст) и кратных отношений (Дальтон). Краеугольным камнем количественных законов стал закон постоянства массы веществ, участвующих в химической реакции, сформулированный Лавуазье.

Количественный подход в химии, развитый благодаря работам Лавуазье, начал вытеснять качественный подход и квалитативистские схемы мышления, использующие в объяснении химических явлений описание практической деятельности человека, так называемую модель «кухни».

Последующее развитие количественных представлений в химии связано с внедрением в неё корпускулярно-атомистических представлений, развитых в пионерских работах Ж. Пруста, Дж. Дальтона и А. Авогадро. Только после развития корпускулярно-атомистических представлений в химии XIX в. в предмете химии соединились, наконец, три традиции Античности – атомизм, элементаризм и учение о числах. Но химия наукой ещё не стала, для этого ей предстояло ещё развить структурные представления, выработать свои законы, на основе которых возможны причинно-следственные объяснения химических явлений, а также создать рациональный язык символов, поддающийся техническим правилам математики.

Развитие химической символики и количественных представлений в учениях о структуре

В конце XVIII в. и начале XIX в. химики начинают обсуждать проблему

обозначения элементов и их соединений с целью их удобства употребления и понятности. Такие известные французские учёные, как А. Лавуазье, Г. Морво, А. Фуркруа и К. Бертолле начинают рассматривать вопросы химической номенклатуры, а Дж. Дальтон вводит символы химических элементов в формулы химических соединений, когда ищет связь между структурой и свойствами молекул.

Й. Берцелиус провёл реформу в химической символике. Он заменил кружки и прочие геометрические фигуры в символике Дальтона на начальные буквы латинских названий химических элементов, в таком виде она существует и сегодня. Как и у Дальтона, каждый знак в формулах Берцелиуса символизировал химический элемент, и каждому элементу соответствовала его относительная атомная масса. Зная относительные атомные массы, можно было по формуле рассчитать количественный состав вещества, конечно, если формула и атомные массы были правильными. Так химическая символика стала впервые выражать количественный состав вещества.

Тем не менее Берцелиус быстро отказался от вводимой им символики и в соответствии со своей теорией радикалов перешёл к составлению умозрительных рациональных формул, не обращаясь для этого к опыту [4, с. 56].

Против произвольного конструирования рациональных формул выступил Ш. Жерар. Он вернулся к эмпирическим брутто-формулам, выражавшим состав молекулы. Жерар установил связь между эмпирической формулой органического вещества, её молекулярной массой и плотностью пара элемента, входящего в состав молекулы. «Он

исходил из эмпирической формулы, которую приводил в соответствие с опытной плотностью» [11, с. 234], а не наоборот, как поступали его предшественники. Жерар видел достоинство своего метода в сведении реакций разложения сложных органических соединений к числовым выражениям, он гордился тем, что занимался «химической алгеброй», и самыми важными для него были установление аналогий с помощью теории типов и обобщение их в виде математических формул.

С середины XIX в. структурная химия начинает использовать понятие валентности, чтобы зафиксировать законы взаимодействий и внутриатомных соединений в молекуле. Сначала Э. Франкланд вводит понятие «соединительной силы атомов», затем химики начинают вводить различные схемы валентности: постоянная валентность атома Ф. Кекуле, переменная валентность как возможность обладать двумя степенями родства у А. Купера, теория строения А.М. Бутлерова, вводившая представления о неэквивалентности связей, обусловленной взаимным влиянием атомов в молекуле. Затем было установлено пространственное строение молекул, допускавшее для некоторых элементов валентность выше обычной, а теория А. Вернера вводила понятия главной и побочной валентности. Химическая символика с учётом новых представлений о валентности была весьма разнообразной: от «роликовых» моделей молекул Кекуле, в которых атомы углерода были соединены в цепочки – ролики, по краям которых располагались атомы водорода, до направленности валентности атома углерода от центра к вершинам тетраэдра в стереохимии.

Большинство же химиков предпочитало пользоваться формулами, напминавшими обозначения в теории типов Жерара–Лорана, в которых связь между атомами элементов и радикалами обозначалась с помощью фигурных скобок, причём Ш. Жерар, А. Кольбе и Ф. Кекуле считали, что строение одного и того же вещества можно выразить несколькими рациональными формулами. В противоположность этим химикам Бутлеров считал, что строение можно описывать только одной рациональной формулой. По выражению А.Е. Арбузова, это и был тот Рубикон, который перешагнул Бутлеров, когда доказал, что именно он является истинным творцом теории химического строения [1, с. 10].

Пересмотр понятия валентности в квантовой химии с помощью математических средств

Первые понятия валентности, условно, были математическими, поскольку валентность связывалась с количеством атомов в молекуле. Понятия валентности, развиваемые в структурных теориях, представляли собой чувственно-наглядные образы и были статичными, поскольку каждый атом заблаговременно помещался в заранее «отведенные ему рамки» в молекуле, обозначенные понятием «числом единиц сродства». Как модели, на основе которых можно было больше описывать, чем объяснять и предсказывать химические явления, они были ещё недостаточно операциональными для того, чтобы с ними можно было производить алгебраические вычисления.

Понятие валентности в первых структурных теориях начинает пере-

осмысливаться в электронной химии. Г. Льюис выдвинул идею о гомеополярной связи как обобществленной паре электронов. При образовании химической связи все валентные электроны участвуют в образовании октетов или могут переходить от одного атома к другому, образуя электронную пару. «Представление о смещении электронов, характеризующее состояние поляризации и поляризуемости молекул, т. е. распределение электронной плотности в молекуле, позволило нагляднее представить картину взаимного влияния атомов в молекуле и передачи этого влияния» [2, с. 17]. Химики восприняли наглядность представлений об электронных смещениях и развили их далее в теории сопряженных связей и механизмах реакций.

Химические формулы в связи с новым учением о химической связи как обобществленной паре электронов изменили свою символику. Они стали более динамичными, поскольку стали изображать смещение электронной пары в молекуле к наиболее электроотрицательному атому или их группировке. Электронные представления давали качественные результаты в химии, могли объяснять механизмы органических реакций, их направленность и некоторые физико-химические свойства химических соединений. Но они ещё были насыщены образными и интуитивными представлениями о смещении электронов в молекуле. Тем не менее понятие валентности в электронной химии изменилось: оно «оторвалось» от своего первоначального конкретного смысла, когда отождествлялось со степенью насыщаемости атома химическими связями, и стало более абстрактным, иллюстрируя электронный состав молекулы.

Понятие валентности окончательно изменилось в квантовой физике, когда Дж. Лондон и В. Гайтлер стали рассматривать гомеопольярную связь на примере молекулы водорода как представление о том, что связывание атомов происходит за счёт обмена электронов между ними. Гомеопольярная связь стала согласовываться с волновой математикой и обозначать стационарную волну, значение которой рассчитывается как произведение значений стационарных волн взаимодействующих друг с другом электронов. Никакое образное представление не может зафиксировать стационарную волну, это расположение облаков электронной плотности в атоме. Но математика может оценить плотность вероятности нахождения электронов, для этого она обращается к анализу энергетической структуры поля, включающего оба атома. Химическая связь, по мнению Гайтлера, представляет собой энергетический процесс, учитывающий взаимное влияние ядер и электронов в зависимости от расстояния между ними, и этот процесс подлелжит расчёту [6]. Гайтлер и Лондон с помощью сконструированных ими волновых функций рассчитали энергию электронов для разных значений расстояния между ядрами. Математические средства (теория операторов и теория групп) наметили путь расчёта химической связи. Понятие химической связи стало интерпретироваться в квантовой механике так: валентная связь создаётся двумя электронами в синглетном спиновом состоянии [12]. Математические символы, используемые для расчёта волновых функций, были наделены физическим смыслом, с помощью которого химики интер-

претировали понятие валентной связи. При этом понятие валентной связи приобрело предельную абстрактность. Математика также наделила формулу стационарной волны даром предвидения: рассчитанный процесс образования связи может быть согласован с опытом, когда волновой спектр возбужденного атома приобретёт новые возможные стационарные значения, предсказанные ранее. Кроме того, понятие валентной связи приобрело операциональную устойчивость, когда стало согласовываться с опытом.

Таким образом, изучение эволюции химической символики и количественных представлений в химии помогает осмыслить, как разделяются в познании образ и теоретическое представление о химическом объекте с развитием математических средств. При этом происходит дифференциация понятий химии по мере охвата их математикой, их символические обозначения становятся всё более абстрактными, а описательные и объяснительные функции понятий теории начинают уступать место предсказательной.

Операционализм в химии: возможности и пределы

Химия, расширяя диапазон своих технических операций с символами, пользовалась несколькими функциями языка. Её язык имел больше описательную функцию в ранних структурных теориях, тогда химическая структура описывалась непосредственно и конкретно на основе интуитивных представлений. Затем язык начинал восходить к математическим представлениям, чтобы объяснять и описывать свойства химических веществ: исходя из причинной

связи «структура – свойство» так было в ранних учениях о валентности и в электронных теориях. Наконец, с помощью математики, поставившей на службу технические операции, в первых теориях квантовой химии стало возможно предвидеть область математических значений физико-химических величин, чтобы контролировать в эксперименте область их реализаций. Полностью операциональная наука сочетает средства воплощения и средства предвидения – в этом состоит прогрессивная роль операционализма. Но не только в этом заключаются возможности операциональных средств математики (теории групп, матриц, операторов) в квантовой химии. Эти технические средства способствуют рождению новых понятий (молекулярные и атомные орбитали) в химии, когда математические символы переводятся на язык физики.

Процесс рождения новых понятий в науке идёт двумя путями. Первый путь заключается в переводе физических понятий на язык математики – так поступала как классическая физика Галилея–Ньютона, так и химия, когда использовала представления о пропорциях в учениях о составе и структуре. Второй путь связан с развитием операциональных возможностей алгебраических средств, внедряемых в квантовую механику. В этом случае математика идёт впереди физики, и её понятия переводятся на язык физики, в рамках которых интерпретируются химические термины.

Научный символизм в химии, как и в другой естественной науке, является

многоуровневым. Сначала он восходит к аналогиям и интуитивным представлениям, затем язык становится всё более формальным, а понятия логически обоснованными, но при этом утрачивается то богатство информации, которое было в нём прежде. В итоге учёный вынужден балансировать между строгим логическим обоснованием, дифференциацией и дальнейшей унификацией своих понятий с помощью математики и сохранением образности языка. Вот почему до сих пор в химии существуют тривиальные названия химических веществ, которые не кодифицируются и невыразимы на языке математики.

Многоуровневый язык химии невозможно полностью подчинить математике, для этого математика сначала должна была бы установить соответствия между этими уровнями мышления, затем свести их к одной математической модели и подвергнуть её проверке, т. е. поступить так, как поступает математика внутри самой себя. По этой же причине невозможно создать единый унифицированный язык химии, что означает полное его подчинение математическим и логическим правилам. В области создания единого языка в химии, как, впрочем, и в другой эмпирической науке, операционализм терпит крушение, что свидетельствует о невозможности полного подчинения языка химии математике и физике, поэтому химия до сих пор остаётся самостоятельной наукой со своим образным и гибким языком, позволяющим описывать множество химических соединений. Идеал *mathesis universalis* Декарта в химии не состоялся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбузов А.Е. 90 лет теории химического строения // Известия АН СССР. Серия: Отделение химических наук. 1952. № 1. С. 1–13.

2. Арбузов Б.А. Теория строения А.М. Бутлерова и её развитие // История отечественной химии: труды Второго Всесоюзного совещания. Москва, 21–26 апреля 1951 г. М.: Издательство АН СССР, 1953. С. 10–19.
3. Визгин В.П. Становление научной рациональности в химии // Рациональность на перепутье: в 2 кн. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 1999. С. 205–246.
4. Гельт Э. История органической химии с древнейших времён до настоящего времени / пер. с нем. И.Я. Кригера, С.Е. Фрадкова, ред. А.Е. Луцкого. Харьков, Киев: Государственное научно-техническое издательство Украины, 1937. 334 с.
5. Декарт Р. Правила для руководства ума // Декарт Р. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989. 654 с.
6. Дмитриев И.С., Семенов С.Б. Квантовая химия – её прошлое и настоящее. Развитие электронных представлений о природе химической связи. М.: Атомиздат, 1980. 160 с.
7. Дорфман Я.Г. Всемирная история физики: с древнейших времён до конца XVIII в. М.: Издательство АН СССР: Институт истории естествознания и техники: Наука, 1974. 350 с.
8. Катасонов В.Н. Форма и формула (ревизия платонистской философии математики в геометрии Декарта) // Рациональность на перепутье: в 2 кн. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 1999. С. 65–107.
9. Мулуд Н. Современный структурализм: размышления о методе философии точных наук / под ред., вступ. ст. Г. Курсанова. М.: Прогресс, 1973. 376 с.
10. Романовская Т.Б. Модификации в механистической картине мира и изменения принципов рациональности в физике XIX в. // Рациональность на перепутье: в 2 кн. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 1999. С. 247–289.
11. Файерштейн М.Г. История учения о молекуле в химии (до 1860 г.). М.: Издательство АН СССР: Институт истории естествознания и техники: Наука, 1961. 386 с.
12. Чечеткина И.И. Наномир: основные понятия квантовой механики и квантовой химии и их интерпретация // Вестник Казанского технологического университета. 2015. Т. 18. № 19 (294). С. 42–47.

REFERENCES

1. Arbuzov A.E. [Ninety Years of the Theory of Chemical Structure]. In: *Izvestiya AN SSSR. Seriya: Otdelenie khimicheskikh nauk* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series: Department of Chemical Sciences], 1952, no. 1. pp. 1–13.
2. Arbuzov B.A. [A. M. Butlerov's Theory of Structure and its Development]. In: *Istoriya otechestvennoi khimii: trudy Vtorogo Vsesoyuznogo soveshchaniya. Moskva, 21–26 aprelya 1951 g.* [The History of the Russian Chemistry: Proceedings of the Second All-Union Conference. Moscow, April 21–26, 1951]. Moscow, Publishing of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1953. pp. 10–19
3. Vizgin V.P. [The Emergence of Scientific Rationality in Chemistry]. In: *Ratsional'nost' na pereput'e. Kn. 2* [Rationality at Crossroads. B. 2]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999, pp. 205–246.
4. Gél't E. *Istoriya organicheskoi khimii s drevneishikh vremen do nastoyashchego vremeni* [The History of Organic Chemistry from Ancient Times to the Present]. Kharkov, Kiev, State Scientific and Technical Publishing House of Ukraine Publ., 1937. 334 p.
5. Descartes R. [Rules for the Direction of the Mind]. In: *Dekart R. Sochineniya. T. 1* [Works. Vol. 1]. Moscow, *Mysl'* Publ., 1989. 654 p.
6. Dmitriev I.S., Semenov S.B. *Kvantovaya khimiya – yeyo proshloye i nastoyashcheye. Razvitiye elektronnykh predstavleniy o prirode khimicheskoy svyazi* [Quantum Chemistry Her Past and Present. The Development of Electronic Concepts on the Nature of Chemical Bond]. Moscow, *Atomizdat* Publ., 1980. 160 p.

7. Dorfman Ya.G. *Vsemirnaya istoriya fiziki: s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v.* [World History of Physics: From the Earliest Times till the End of the 18th Century]. Moscow, Publishing of the Academy of Sciences of the USSR Publ., Institute of the History of Natural Science and Technology Publ., Nauka Publ., 1974. 350 p.
8. Katasonov V.N. [Form and Formula (The Revision of Plato's Philosophy of Mathematics in Descartes' Geometry)]. In: *Ratsional'nost' na pereput'e. Kn. 2* [Rationality at Crossroads. B. 2]. Moscow, ROSSPEN, 1999, pp. 65–107.
9. Mouloud N. *Sovremenniy strukturalizm: razmyshleniya o metode filosofii tochnykh nauk* [Les structures, la recherche et le savoir: réflexion sur la méthode et la philosophie des sciences exactes]. Moscow, Progress Publ., 1973. 376 p.
10. Romanovskaya T.B. [Modifications in the World Mechanistic Picture and Changes in the Principles of Rationality in Physics in the 19th Century]. In: *Ratsional'nost' na pereput'e. Kn. 2* [Rationality at Crossroads. B. 2]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. pp. 247–289.
11. Faiershtein M.G. *Istoriya ucheniya o molekule v khimii (do 1860 g.)* [The History of Molecule Doctrine in Chemistry (up to 1860)]. Moscow, Publishing of the Academy of Sciences of the USSR Publ., Institute of the History of Natural Science and Technology Publ., Nauka Publ., 1961. 386 p.
12. Chechetkina I.I. [Nanoworld: Basic Concepts of Quantum Mechanics and Quantum Chemistry and their Interpretation]. In: *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of Kazan State University], 2015, Vol. 18, no. 19 (294), pp. 42–47.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чечеткина Ирина Игоревна – кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории науки Казанского национального исследовательского технологического университета;
e-mail: iralena@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina I. Chechetkina – PhD in Chemistry, associate professor, associate professor at the Departments of Philosophy and History of Science, Kazan National Research Technological University;
e-mail: iralena@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чечеткина И.И. Операционализм в науке: истоки, возможности и пределы (на примерах из истории физики и химии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2017. № 3. С. 100–111
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-100-111

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

Chechetkina I.I. Operationalism in Science: Origin, Capacities and Limits (Examples from the History of Physics and Chemistry). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2017, no. 3, pp. 100–111
DOI: 10.18384/2310-7227-2017-3-100-111

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускаются десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте журнала www.vestnik-mgou.ru.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

2017. N 3

Над номером работали:

Литературный редактор Д.В. Дмитриев

Переводчик Е.А. Кытманова

Корректор И.К. Глузунов

Компьютерная вёрстка Д.А. Заботина

Отдел по изданию научного журнала

«Вестник Московского государственного областного университета»

Информационно-издательского управления МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru

сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 7,25, усл. п.л. 7.

Подписано в печать: 25.10.2017. Дата выхода в свет: 27.10.2017. Заказ № 2017/10-08.

Отпечатано в ИИУ МГОУ.

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А.